

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921
ХАРЬКОВ

П. Шкуркинъ.

КИТАЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

ТИПО-ЛИТОГР.
ТВА
"ДЗД"
ХАРЬКОВЪ
1921г.

Л. С. В.

ГУМАНИТАРНЫЕ
ЦЕНТР
г. ИРКУТСК

84524

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература о Востоке, въ частности о Китаѣ, чрезвычайно бѣдна, особенно по сравненію съ западно-европейской.

Правда, и у насъ есть весьма солидные труды по политическому устройству, исторіи, религіи, географіи, этнографіи, флорѣ, фаунѣ и даже геологіи Востока. Конечно, изученіе ихъ можетъ дать намъ довольно точное представленіе о всѣхъ *внѣшнихъ* формахъ страны и жизни населяющаго ее народа, но не дастъ понятія о *внутренней* жизни людей, о томъ, что и какъ они думаютъ, чѣмъ они живы.

Всѣ эти научныя описанія—то же, что рисунокъ перомъ или карандашемъ, хотя бы самый точный и талантливый... Красокъ, гаммы тоновъ, теплоты, души въ немъ не будетъ. Это—не картина, а негативъ; не поэтическое произведеніе, а протоколъ.

Чтобы узнать, какъ думаетъ человекъ, особенно чуждой намъ расы, какіе выводы онъ дѣлаетъ изъ тѣхъ или иныхъ предпосылокъ, что отъ него можно ожидать, какъ съ нимъ разговаривать и вести дѣла,—нужно надолго опуститься въ толщу чуждой намъ народной массы.

Къ сожалѣнію, выполненіе этого опыта и трудно, и требуетъ много времени, и невозможно для большинства по многимъ понятнымъ причинамъ.

Но есть и другой способъ для достиженія той же цѣли, болѣе легкой, скорый и удобный. Это—изученіе, или хотя бы ознакомленіе съ литературой даннаго народа, а особенно съ подлинной народной (или ставшей народной) поэзіей: съ пѣснями, сказками, легендами, преданіями. Это и придастъ краски, живопись, теплоту сухому рисунку... Здѣсь передъ исследователемъ откроется глубоко спрятанная душа народа: любимый герой какой-либо сказки или преданія покажетъ, какъ въ томъ или иномъ случаѣ поступить или будетъ желать поступить, или по крайней мѣрѣ какъ будетъ думать огромное большинство индивидовъ этого народа.

Въ пѣснѣ, сказкѣ, легендѣ, повѣсти, романѣ вы встрѣтите такія положенія въ области личной, семейной, общественной и политической жизни, которыя будутъ разрѣшены совершенно необычнымъ для нашего мышленія путемъ. И это рѣшеніе дастъ вамъ ключъ къ уясненію многихъ непонятныхъ на первый разъ поступковъ и рѣшеній какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группировокъ, партій, и даже правительствъ.

Все вышеуказанное особенно рѣзко сказывается по отношенію къ китайцамъ.

То, что мы знаемъ о китайской литературѣ, особенно народной, до смѣшного мало...

Англичане, французы, нѣмцы, давно поняли, что не научивши душу, психику народа, нельзя даже торговать съ нимъ, а о другихъ видахъ контакта и говорить нечего. Вотъ почему, въ помощь сухой наукѣ, въ дополненіе къ дипломатическимъ, консульскимъ, миссіонерскимъ и таможеннымъ отчетамъ, у нихъ имѣется много книгъ, знакомящихъ съ литературой и поэзіей обитателей Востока.

Правда, между ними частенько встрѣчаются такія, въ которыхъ взгляды авторовъ на Востокъ, преломившись въ европейской призмѣ, отражаются затѣмъ въ нѣсколькихъ кривыхъ зеркалахъ невѣжества и общераспространенныхъ басенъ. Но такихъ книгъ, все же, не такъ много... Въ большинствѣ случаевъ авторы стараются посылить знакомить своихъ соотечественниковъ съ тѣми или иными явленіями въ жизни Востока, привлекая ихъ вниманіе, даютъ переводы романовъ, пѣсенъ, сказокъ.

Въ нашей родной литературѣ о Востокѣ, въ особенности въ книгахъ, выброшенныхъ на рынокъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ лицами, профѣхавшими разъ по странѣ и видѣвшими ее лишь изъ окна вагона-ресторана, — также сплошь и рядомъ встрѣчаются такія свѣдѣнія, которыя ни въ какомъ родствѣ съ истинной не состоятъ... Всѣ наши книги относятся обыкновенно къ путешествіямъ, географіи, политикѣ, общественной жизни, рассказамъ изъ жизни иностранцевъ на Востокѣ, рѣже — исторіи. Книгъ же по литературѣ страны, а въ особенности по фольклору, заслуживающихъ вниманія — почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать, «Корейскихъ сказокъ» Михайловскаго, нѣсколькихъ рассказовъ изъ сборника «Ляо-чжай чжи-и», переведенныхъ профессорами В. Васильевымъ и А. Ивановымъ, сказокъ и рассказовъ, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Азіи» (органъ об-ва Русскихъ Оріенталистовъ въ Харбинѣ), да „Вѣлой Змѣи“.

Полагаю, что вышеприведенные мотивы до извѣстной степени оправдываютъ появленіе на свѣтъ «Китайскихъ легендъ». Правильнѣе ихъ слѣдовало бы назвать даже не легендами, а нѣкоторыя — историческими преданіями (Чжуголянскій циклъ); другія — историческими и религіозно-миеологическими рассказами (Гофэй), или просто сказками (Тя-тай-тай и Ко-ко); третьи — жизнь и суевѣрія (Защитникъ, Храмъ вдовьей почительности), и пр. Но, такъ какъ у всѣхъ этихъ памятниковъ народной поэзіи есть легендарные элементы, то явилась возможность объединить ихъ подъ общимъ названіемъ «легендъ».

За одно авторъ можетъ ручаться: ни на одной изъ этихъ легендъ нѣтъ клейма «made in German» или «выдуманно въ кабинетѣ»: на всѣхъ нихъ — настоящая китайская пломба (кроме «Озера»). Особое вниманіе было обращено на «творимыя легенды», на моментъ возникновенія вымысла, п. ч. тогда бываетъ ясно видна связь легенды съ породившимъ ее фактомъ.

Вотъ почему въ настоящей книжкѣ получили мѣсто нѣсколько «совсѣмъ молодыхъ», только что родившихся легендъ.

Рисунки, приложенные къ тексту, являются точной интерпретаціей особенностей китайскаго рисунка: всѣ детали, всѣ художественныя особенности соблюдены и переданы точно такими же, какими они изображались китайцами въ XIII вѣкѣ. Лица на рисункахъ, относящихся къ Чжуголянскому циклу, являются портретами (напр. Лю-бэй, Цао-цао и Сунь-цюань на картинѣ ихъ свиданія, — хотя такого свиданія въ дѣйствительности не было, и такого рисунка у китайцевъ нѣтъ); Чжу-го Лана сопровождаютъ Цзянь-вэй и Вэй-янь; на обложкѣ — портреты Сунь-фу, 4-ой жены Лю-бэйя, и Чжоу-цава, неизмѣннаго спутника Гуань-юя, и пр.

Хорошо сознавая многія слабыя стороны предлагаемой читателямъ настоящей работы, авторъ льститъ себя надеждой, что «Легенды» хотя бы чуть-чуть приподнимутъ для интересующихся край целины, покрывающей неизвѣстныя стороны души китайца... Онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ, если этотъ сырой матеріалъ, подвергнутый во многихъ мѣстахъ лишь слабой литературной обработкѣ, принесетъ хотя бы ничтожную пользу, и впоследствии будетъ использованъ истинными мастерами Науки и Слова при постройкѣ ими будущаго Дворца Востока.

10 января 1921 г.

П. Шкуркинъ.

Эпизоды изъ исторіи „Трехъ царствъ“.

Чжу-го Лянъ.

Чжу-го Лянъ, по прозвищу Кунъ-минъ („Мудрый провидецъ“) или О-лунъ сянь-шэнъ („наставникъ покоящійся драконъ“),—одинъ изъ популярнѣйшихъ народныхъ героевъ,—жилъ съ 181 по 234 г. по Р. Х., т. е. во времена Сань-го (Троецарствія), въ одинъ изъ смутныхъ періодовъ китайской исторіи. Чжу-го Лянъ—личность вполне историческая: это былъ замѣчательный ученый, гениальный механикъ, государственный человѣкъ, полководецъ, дипломатъ. Въмѣстѣ съ этими талантами онъ соединялъ удивительную скромность, вѣрность данному слову, доброту и благородство,—что какъ-то странно соединялось въ немъ съ удивительной хитростью и изворотливостью. Разъ примкнувъ къ извѣстному лагерю,—онъ уже до конца жизни не измѣнилъ ему, несмотря ни на какія превратности судьбы и перемѣны счастья.

Родился Чжу-го Лянъ въ провинціи Шань-дунъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ проявилъ аналитическій умъ и литературный талантъ. Неизвѣстно, по бѣдности, или изъ любви къ природѣ жилъ онъ въ тростниковомъ шалашѣ; во всякомъ случаѣ эта жизнь, въ связи съ внимательнымъ изученіемъ интересовавшихъ его явленій природы, дала ему такія свѣдѣнія въ области, на примѣръ, метеорологіи,—которыя его современникамъ казались прямо сверхъестественными.

Легенда увѣряетъ, что своимъ необыкновеннымъ умомъ Чжу-го Лянъ въ значительной степени былъ обязанъ своей женѣ Хуанъ-ши, отличавшейся какъ необычайнымъ умомъ и ученостью, такъ и... безобразіемъ.

Знаменитый Лю-бэй, много наслышавшись объ умѣ Чжу-го Ляна, нѣсколько разъ посѣтилъ его въ тростниковой хижинѣ, и наконецъ уговорилъ послѣдняго поступить къ нему на службу. Онъ такъ обрадовался этому, что воскликнулъ: „Я радуюсь теперь какъ рыба, брошенная назадъ въ воду“!

Въ это время коварный Цао-цао былъ фактическимъ хозяиномъ государства Вэй, т. е. почти всего Сѣвернаго Китая; Сунь-цюань повелѣвалъ государствомъ У, къ югу отъ Янь-цзы; Лю-бэй же установилъ свою власть въ государствѣ Шу-Хань, т. е. въ Западномъ Китаѣ, нынѣшней провинціи Сы-чуань. Лю-бэй, благодаря мудрости и военному искусству Кунъ-минъ'а, имѣлъ успѣхъ почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, но благодаря этому скоро вошелъ въ столкновение съ Цао-цао и съ Сунь-цюанемъ, которые видѣли въ немъ соперника на пути завладѣнія всей имперіей. Чжу-го понималъ, что если эти два врага заключатъ между собою союзъ,—то всѣ планы его друга и повелителя рухнутъ. Поэтому онъ слѣдилъ бдительнымъ окомъ за колеблющимся Сунь-цюанемъ, съ которымъ въ концѣ концовъ ему удалось заключить оборонительный союзъ. Благодаря его совѣтамъ, Чжоу-юй, полководецъ Сунь'я, нанесъ жестокое пораженіе войскамъ Цао-цао при Красной Стѣнѣ на рѣкѣ Янь-цзы.

Когда въ послѣдствіи Лю-бэй занялъ Шу-хань'скій престолъ, его министръ Кунъ-минъ съ такимъ же рвеніемъ и успѣхомъ принялся за проведеніе внутреннихъ реформъ, какъ раньше воевалъ съ врагами. Онъ до такой степени заслужилъ довѣріе Лю-бэй'я (извѣстнаго въ исторіи обыкновенно подъ именемъ императора Чжао-лѣ-ди), что послѣдній передъ смертью поручилъ своего сына заботамъ министра; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ его самого занять престолъ, если молодой человекъ окажется неспособнымъ управлять государственнымъ кораблемъ.

Наладивъ управленіе государствомъ, Чжу-го предпринялъ походъ на югъ для покоренія независимыхъ инородческихъ княжествъ. Есть данныя, что онъ былъ даже въ Бирмѣ.

Вернувшись изъ этого похода, онъ въ 227 г. началъ большую войну съ государствомъ Вэй, гдѣ въ это время царствовалъ

Цао-пэй, сынъ Цао-цао. Война была побѣдоносна, но плоды ея не могли быть использованы.

Интрига и клевета, не щадящая нигдѣ выдающихся людей,— и здѣсь сдѣлала свое дѣло: Кунъ-минъ былъ приговоренъ къ разжалованію. Хотя приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чжу-го все-таки оставался во главѣ дѣла, п. ч. никто не могъ его замѣнить.

Во время слѣдующей войны, предпринятой въ 231 году, Чжу-го примѣнилъ знаменитѣйшее свое изобрѣтеніе—самодвижущихся коней, быковъ и повозокъ, а также скорострѣль.

Всегда хорошо освѣдомленный въ дѣлахъ своихъ сосѣдей, друзей и враговъ, онъ былъ одаренъ глубокимъ знаніемъ чело-вѣческой природы; часто казалось, что онъ обладаетъ сверхчеловѣческими способностями,—такъ онъ умѣлъ подчинять себѣ людей.

Сочиненія этого замѣчательнаго чело-вѣка, къ сожалѣнію не полныя, были собраны и изданы въ двухъ томахъ. Изъ нихъ особенно обращала на себя вниманіе спеціалистовъ книга „ба чжэнь ту“, т. е. руководство восьмилинейной тактики.

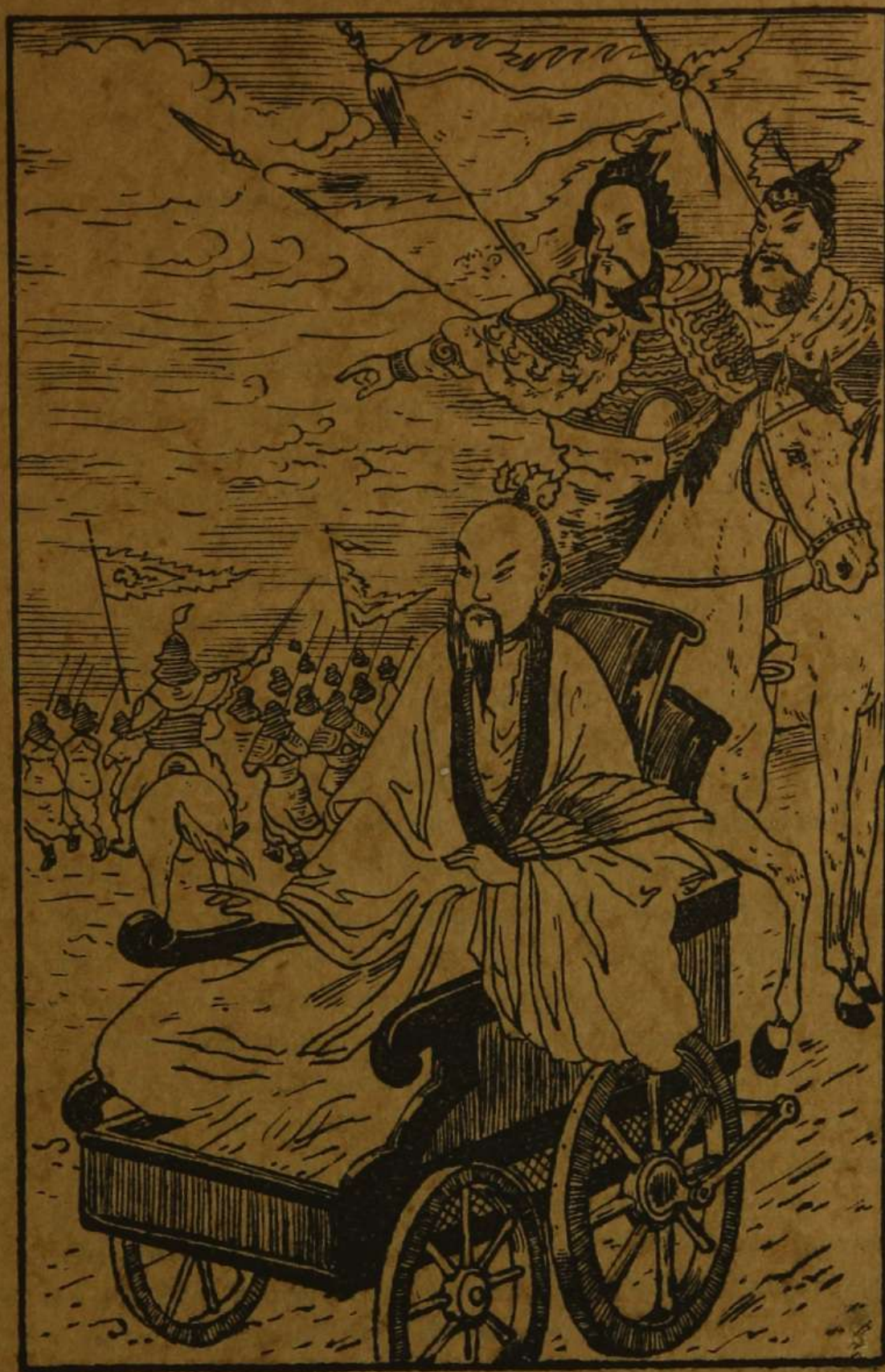
Профессоръ Чжайльсь, посвятившій много времени изученію вопроса о Чжу-го Лянѣ, говоритъ: „На Чжу-го Ляна слѣдуетъ смотрѣть, какъ на генія въ области математики и механики, на много столѣтій опередившаго свой вѣкъ. Онъ могъ не только предугадать путь развитія феноменовъ природы, но и направлять его“.

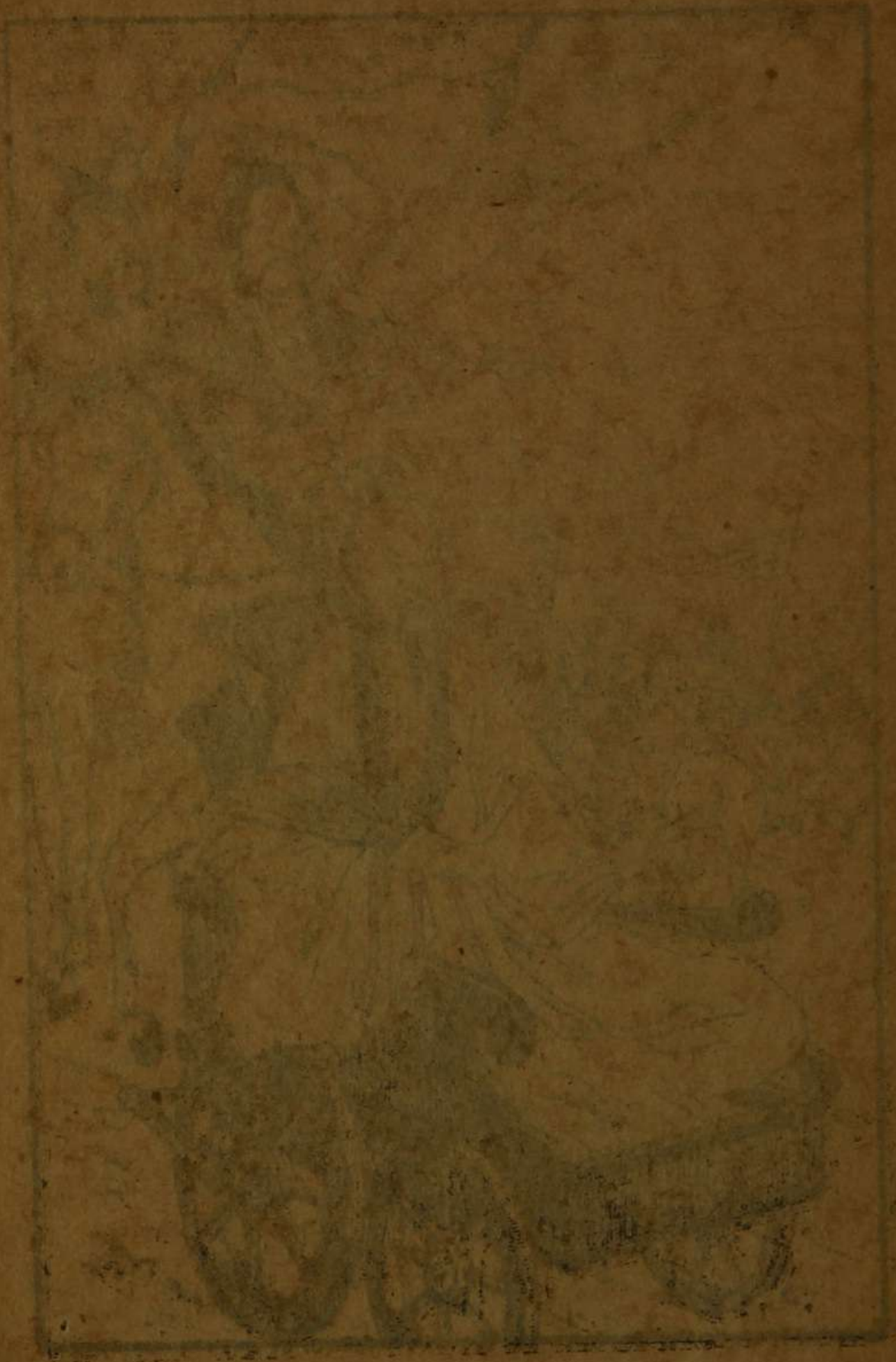
Сама смерть Кунъ-мина, случившаяся въ 234 году во время слѣдующей войны съ Вэй, также дала начало легендѣ, какъ нельзя лучше характеризующей какъ самого Чжу-го Ляна, такъ и его время.

Всѣ приводимыя далѣе рассказы являются, въ сущности, не легендами въ нашемъ смыслѣ слова,—а скорѣе фактами, извлеченными изъ хроники „Цюань ту сань-го янь-и“, т. е. популярнаго переложенія полной исторіи трехъ государствъ, которая является не историческимъ романомъ въ нашемъ смыслѣ слова,—а романтической исторіей. Всѣ факты и имена строго согласо-

ны съ сухой исторіей,—придана только живость изложенію въ цѣляхъ популяризаціи.

Походы Чжу-го Ляна тщательно изучаются китайскими стратегами, какъ у насъ, напримѣръ, походы Суворова или Наполеона. Для насъ же всѣ эти безконечныя китайскія хитрости, предательства и интриги имѣютъ больше легендарный, чѣмъ практической, военный или историческій интересъ.

Императоръ противъ воли.

Во времена Сань-го (220—265 г.), когда три государства, на которыя раздѣлился Китай—Вэй, Хань и У непрерывно воевали между собою, а слабый императоръ Сянь-ди ничего не могъ сдѣлать, чтобы прекратить эту вражду, въ это время въ Китаѣ было много великихъ мужей и полководцевъ; но самымъ славнымъ изъ нихъ былъ Чжу-го Лянъ, другъ и канцлеръ или великій визирь Лю-бэй'я. Народу жилось такъ плохо, какъ не было даже во времена „Враждующихъ государствъ“ (Чжань-го) - и „Раздѣленія государствъ“ (Лѣ-го).

Хитрый Цао-цао, совѣтовъ котораго слушалъ безвольный императоръ Сянь-ди, завладѣвъ всѣмъ Сѣвернымъ Китаемъ, сдѣлался государемъ Вэй; но, чувствуя приближеніе смерти, свергъ съ трона императора Сянь-ди, объявилъ императоромъ своего сына Цао-пэй'я, и самъ въ январѣ 220 года умеръ.

Храбрый Сунь-цюань, захвативъ Нанкинъ, сдѣлался владыкой государства У, т. е. Южнаго Китая, и только до времени откладывалъ принятіе императорскаго титула.

Западъ же Китая былъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ этихъ государствъ, потерялъ съ ними не только политическую, но и всякую иную связь, и былъ предоставленъ самому себѣ. Надежды на объединеніе Китая въ рукахъ бывшаго императора Сянь-ди или его ближнихъ родственниковъ—не было никакой...

Но никто на Западѣ не хотѣлъ признавать ни Цао-пэй'я, и никого другого, кромѣ своего героя—могучаго, благороднаго Лю-бэй'я, потомка славной первой Ханьской династіи.

Собрались на совѣщаніе всѣ полководцы, сановники и именитые граждане со всей земли Шу (теперь—провинція Сы-чуань),

обсудили со всѣхъ сторонъ положеніе дѣла,—и отправили выборныхъ къ Лю-бэйю.

Тѣ пришли къ нему въ лагерь и сказали:

—„Великій полководецъ и нашъ повелитель! Вся Поднебесная разорвана на три части: Цао-пэй захватилъ Сѣверъ и вмѣстѣ съ нимъ Императора, который давно уже является куклой въ его рукахъ; Сунъ-цюань овладѣлъ Югомъ. Мы же на западѣ совсѣмъ отрѣзаны отъ всѣхъ и отъ Императора. Нашъ государь Лю-чжанъ, твой родственникъ, правившій землею Шу,—скончался... А безъ власти мы жить не можемъ: судьи не судятъ, купцы не торгуютъ, крестьяне не пахутъ, дождь не идетъ—раздолье только ворами, грабителямъ да врагамъ. Мы тщательно обсудили всякую мелочь въ этомъ вопросѣ,—и единодушно нашли только одно рѣшеніе: ты, отпрыскъ великаго Гао-цзу, основателя славной Ханьской династіи; намъ извѣстна твоя мудрость, справедливость и воинскія таланты... Будь же ты нашимъ Императоромъ!“

Но Лю-бэй и слышать не хотѣлъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія,

Второй и третій разъ ходили послы къ Лю-бэйю,—но онъ даже и принять ихъ не захотѣлъ.

Потерпѣвши неудачу въ третій разъ, послы хотѣли съ печальной вѣстью возвращаться по домамъ. Но кто-то посоветовалъ имъ пойти спросить совѣта у Чжу-го Ляна,—мудрѣйшаго брата людей.

Разспросивши пословъ, Чжу-го сказалъ имъ:

«Подождите два дня; а потомъ приходите ко мнѣ и соберитесь на заднемъ дворикѣ, въ который выходитъ это окно. Сидите вѣтви тихо, не шумите; а когда я постучу въ окно,—скорѣе идите ко мнѣ въсюду».

На другой день Чжу-го, вопреки обыкновенію, не пришелъ къ своему другу и повелителю, Лю-бэйю; на вопросъ послѣдняго, почему нѣтъ Кунъ-мина,—никто не могъ ничего сказать.

На третій день съ утра, къ великому огорченію многихъ, особенно приходившихъ къ Кунъ-мину пословъ, распространилась слухъ, что Чжу-го Лянъ сильно боленъ. Слухъ этотъ скоро до-

шелъ до Лю-бэйя, и тотъ, встревоженный, тотчасъ пришелъ на-вѣстить Кунъ-мина.

Въ комнатѣ министра были только самые близкіе къ Чжу-го Ляну люди. Вся обстановка обличала присутствіе безнадежно боль-ного...

«Что съ вами, мой дорогой другъ», спросилъ Лю-бэй у Чжу-го, неподвижно лежащаго на канѣ. «Чѣмъ вы больны?»

— «Мнѣ суждено скоро умереть», отвѣчалъ Чжу-го слабымъ голосомъ; «сердце мое жжетъ, въ немъ точно огонь пылаетъ!»

— «Отчего-же это? Должна-же быть какая нибудь причина?» продолжалъ допрашивать Лю-бэй, уважавшій и любившій Кунъ-мина больше, чѣмъ своего собственнаго сына.

Чжу-го молчалъ.

Много разъ спрашивалъ Лю, но не могъ добиться отвѣта отъ тяжкобольного.

Наконецъ Чжу-го собрался съ силами, тяжело вздохнулъ, и сказалъ:

— «Хорошо, если вы непременно требуете,—я скажу... Я много лѣтъ былъ вашимъ сановникомъ, вашимъ другомъ и со-вѣтникомъ; былъ-ли когда нибудь хоть одинъ случай, когда бы вы раскаялись въ томъ, что послушались моего совѣта?»

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Лю, «такого случая не было!»

«Ну, такъ слушайте: я скоро умру, и это, вѣроятно, мой по-слѣдній разговоръ съ вами... Императоръ Сянь-ди не сегодня-завтра переселится на небо; все уже подготовлено къ тому, чтобы императорская власть не только надъ государствомъ Вэй, но и надъ всѣмъ Китаемъ перешла-бы къ Цао-пэйю. Князь Шу-хань-скій Лю-чжанъ, вашъ родственникъ, умеръ. Весь народъ Запада, военачальники, горожане и крестьяне хотятъ видѣть васъ своимъ императоромъ и не могутъ примириться съ вашимъ отказомъ. Если вы будете упорствовать—у насъ не будетъ власти и поряд-ка, всѣ бросятъ государственныя дѣла, будутъ устраивать только свое мелкое личное благополучіе во вредъ сосѣду, и народъ раз-сѣется... Пойдутъ на насъ войной государства У, Вэй или инород-цы съ юга и запада, что мы будемъ тогда дѣлать? Мысль объ

этомъ не даетъ мнѣ покоя,—поэтому-то я заболѣлъ и скоро долженъ умереть».

Лю-бэйю было чрезвычайно жаль своего преданнаго друга, и чтобы утѣшить его, онъ сказалъ:

— «Я бы не отказывался, если бы зналъ, что дѣйствительно весь народъ хочетъ видѣть меня императоромъ; но я боюсь, что это желаніе только небольшого числа приближенныхъ ко мнѣ лицъ, потому что у меня нѣтъ вѣдь непосредственныхъ правъ на престолъ».

— «Какъ нѣтъ правъ?» возразилъ Чжу-го: «вѣдь вы же прямой потомокъ священной Си-Ханьской династіи. Ни у кого нѣтъ большихъ правъ на престолъ, чѣмъ у васъ!»

— «Ну хорошо», продолжалъ Лю, желая утѣшить Чжу-го и увѣренный въ его близкой кончинѣ: «я подожду, когда вы выздоровѣете—и тогда соглашусь».

— «Что вы сказали», спросилъ Чжу-го: «повторите?»

— «Я сказалъ, что какъ только вы выздоровѣете,—я больше не буду отказываться отъ престола!»

Въ тотъ же моментъ полумертвый Чжу-го, лежавшій до тѣхъ поръ неподвижно,—поднялся и сѣлъ на канѣ; потомъ всталъ, подошелъ къ окну и постучалъ въ него.

Въ комнату тотчасъ вошло множество высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, которые упали на землю передъ изумленнымъ Лю-бэйемъ, дѣлая ему кэ-тоу (земной поклонъ).

— «Вы—императоръ», сказалъ Чжу-го Лянь неуспѣвшему придти въ себя Лю-бэйю: «я уже выздоровѣлъ!»

Чжу-го Лянъ дѣлаеть 100.000 стрѣль въ 3 дня.

Коварная политика Вэйскаго двора не могла допустить усиленія государства Шу-Хань, процвѣтавшаго подъ мудрымъ управленіемъ Лю-бэйя и его перваго министра Чжу-го Ляна. Вэйское войско неожиданно напало на Лю-бэйя. Послѣдній могъ бы отходить на западъ, вглубь защищеннаго самой природой Шу-Ханя; но тогда Цао-пэй могъ бы обрушиться на Сунь-цюаня, повелителя государства У, и разгромить его; или же могъ заключить съ нимъ союзъ противъ Шу-Ханя, что было бы еще страшнѣе.

Поэтому Лю-бэй, какъ ни нуждался въ помощи Чжу-го, но рѣшилъ немедленно послать его къ Сунь-цюаню, чтобы поднять послѣдняго противъ Цао-пэйя.

Чжу-го Ляну, благодаря его уму, скоро удалось достигнуть своей цѣли, и наскоро собранная Сунь-цюанемъ армія, подъ начальствомъ Чжоу-юйя, начала дѣйствія противъ вэйскихъ войскъ.

Къ сожалѣнію, войска Цао-пэйя, давно уже готовившагося къ продолжительной войнѣ,—были хорошо снабжены и провіантомъ, и одеждой, и оружіемъ; тогда какъ у Чжоу-юйя многого не хватало.

Противниковъ раздѣляла великая рѣка Чанъ-цзянъ (Янъ-цзы цзянъ); У'скія войска расположились на правомъ, южномъ берегу рѣки, а Вэй'скія укрѣпились на лѣвомъ, сѣверномъ, и у самой воды построили деревянный палисадъ.

Чжоу-юйю нечего было и думать о нападеніи на Цао-пэйя; наоборотъ, онъ самъ очень опасался внезапнаго нападенія, и однажды сказалъ находившемуся при немъ Чжу-го Ляну:

— „Самое тяжелое для меня — недостатокъ стрѣлъ; а на этомъ берегу совсѣмъ нѣтъ матеріала, чтобы сдѣлать ихъ. Вы, Кунъ-минъ, все время торопили меня поскорѣе выступить въ походъ; и если я черезъ десять дней не достану ста тысячъ стрѣлъ, — то наше дѣло нужно будетъ считать проиграннымъ: наши развѣдчики донесли, что черезъ десять дней Цао-лэй собирается переправиться черезъ рѣку и напасть на насъ“.

— „Что же вы думаете предпринять?“ спросилъ Чжу-го.

— „Придется отступить!“

— „Нѣтъ“, возразилъ Чжу-го: „отступить ни подъ коимъ видомъ нельзя“.

— „Тогда дайте мнѣ стрѣлы!“

— „Хорошо, дамъ“, отвѣтилъ Кунъ-минъ.

Чжоу-юй былъ пораженъ. Откуда можетъ Чжу-го Лянъ въ чужой сторонѣ, безъ средствъ, безъ знакомыхъ, достать такое огромное количество стрѣлъ, когда даже онъ самъ, главнокомандующій Чжоу, не могъ ихъ достать?! Втайнѣ онъ сильно недолюбливалъ Кунъ-мина потому, что завидовалъ его славу, и рѣшилъ поставить его въ неприятое положеніе. Поэтому онъ съ улыбкой сказалъ:

— „Хорошо, требуйте у меня все, что угодно, но только чтобы черезъ десять дней у меня было сто тысячъ стрѣлы!“

Чжу-го Лянъ, отлично понимая Чжоу-юйя, спокойно отвѣтилъ:

— „Мнѣ многого не нужно; дайте мнѣ только двадцать лодокъ съ небольшимъ количествомъ гребцовъ, да побольше соломы. А десяти дней мнѣ не нужно: достаточно будетъ и трехъ. Но только пусть эти лодки и люди будутъ исключительно въ моемъ распоряженіи. Оружія мнѣ никакого не нужно, — только дайте на каждую лодку по одному ло (гонгъ).“

Чжу-юй, конечно, согласился, и въ распоряженіе Чжу-го было предоставлено двадцать большихъ лодокъ съ гребцами и сколько угодно соломы.

Кунъ-минъ приказалъ отвести всѣ лодки въ небольшую заводь, густо заросшую съ обоихъ береговъ ея высокимъ тростникомъ, который совершенно скрылъ лодки.

Прошелъ день. Чжоу-юй тайно посылалъ своихъ людей наблюдать—что дѣлаетъ Чжу-го? Тѣ возвратились и донесли, что Чжу-го вѣсть, пьетъ, читаетъ, пишетъ и играетъ на лютнѣ, и больше ничего не дѣлаетъ.

На другой день посланные Чжоу-юйемъ донесли ему о томъ же... Тогда Чжоу-юй, увѣренный въ томъ, что Чжу-го только пошутилъ съ нимъ, —самъ пришелъ къ нему въ палатку.

—„Послушайте, У-хоу“ (прозвище Чжу-го Ляна), „насколько подвинулась ваша работа по изготовленію стрѣлъ?“

—„Вы вѣдь внимательно слѣдили за ходомъ работы“, отвѣчалъ Чжу-го, „и поэтому знаете, что все обстоитъ благополучно... Сегодня вѣдь только второй день; пришлите вашихъ людей еще черезъ день, и тогда они вамъ донесутъ, что вся работа кончена!“

Чжоу-юй, раздосадованный и пристыженный, ушелъ, и не велѣлъ больше слѣдить за Чжу-го Ляномъ. Онъ еще больше убѣдился въ томъ, что все это лишь грубая шутка и насмѣшка надъ нимъ его тайнаго недоброжелателя.

На другой день Кунъ-минъ вышелъ къ лодкамъ, и закипѣла странная работа: и палуба, и борта, и средняя каюта каждой лодки были покрыты въ нѣсколько слоевъ толстыми матами, сплетенными изъ соломы; а сверху на нихъ были разставлены чучела, одѣтыя въ военное платье.

Наступила ночь. Съ низовьевъ рѣки потянуло холодомъ, и послѣ четвертой стражи (т. е. послѣ двухъ часовъ ночи) съ рѣки поднялся густой туманъ, —давно уже не бывавшій здѣсь...

Чжу-го велѣлъ своимъ людямъ размѣститься въ лодкахъ такъ, чтобы всѣ люди, особенно гребцы, были укрыты матами. Затѣмъ, осмотрѣвши внимательно свою флотилію, самъ Чжу-го вошелъ въ одну изъ лодокъ и приказалъ отчаливать, но плыть потихоньку, сберегая силы.

Вотъ уже и середина рѣки. Внимательное ухо могло уже уловить чуть доносившіеся оклики часовыхъ съ палисада, выстроеннаго коварнымъ врагомъ на другомъ берегу рѣки...

Чжу-го приказалъ лодкамъ держать курсъ прямо на палисадъ,

а затѣмъ, къ великому удивленію его людей,—велѣлъ не только говорить и шумѣть, но даже кричать и бить въ „ло“...

Маленькая флотилія медленно приближалась къ непріятельскому укрѣпленію съ такимъ шумомъ, какъ будто бы тамъ были тысячи лодокъ; но густой туманъ совершенно скрывалъ ихъ отъ непріятелиа...

На томъ берегу, конечно, давно услышали этотъ шумъ, и приготовились достойно встрѣтить. Какъ только, судя по звуку, лодки были на растояніи выстрѣла изъ лука,—зашумѣлъ воздухъ, какъ будто лодки попали въ середину шмелинаго роя... Это тысячи стрѣлъ полетѣли съ берега, и какъ градъ или частый дождь, падая на лодки, производили непрекращающійся шипящій пронизывающій шумъ...

Крики и удары въ гонгъ, по приказанію Кунъ-мина, еще усилились...

Черезъ нѣсколько времени Чжу-го приказалъ лодкамъ повернуться къ непріятелю кормой и стоять неподвижно, продолжая издавать адскій шумъ.

Прошло нѣсколько времени, и количество падающихъ стрѣлъ значительно уменьшилось. Тогда Чжу-го, обращаясь къ врагамъ, закричалъ:

„Спасибо!“

Крикъ этотъ былъ подхваченъ его людьми,—а затѣмъ лодки какъ можно скорѣе стали грести къ своему берегу.

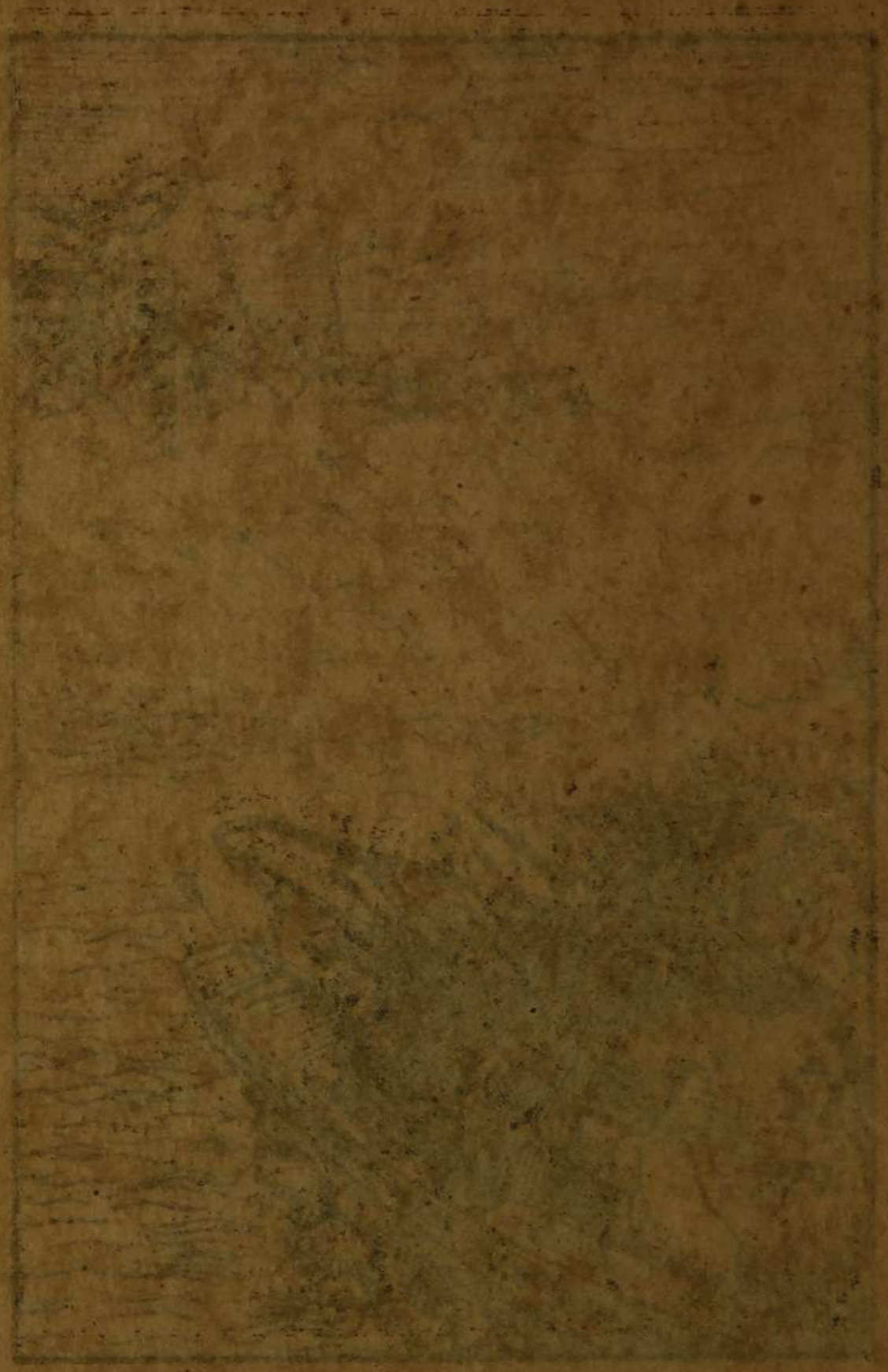
Стало быстро свѣтать. Туманъ клубился, и когда лодки при первыхъ лучахъ восходящаго солнца подошли къ своему берегу—то представляли необычайную картину: точно двадцать громадныхъ чудовищъ-дикобразовъ выходили изъ воды на берегъ... И съ кормы, и съ носу всѣ лодки были такъ густо усяяны воткнувшимися стрѣлами,—что, кажется, ни одной больше нельзя было воткнуть...

Сидѣвшіе за палисадомъ вѣйскія войска, услыжавъ сильный шумъ на рѣкѣ, испугались нападенія большой флотиліи, и поэтому выпустили въ приближавшагося непріятелиа почти весь свой запасъ стрѣлъ. Когда же они услышали насмѣшливую благодарность Кунъ-

....Тысячи стрѣлъ полетѣли съ берега ...

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a title or header.

мина, то спохватились и поняли, что они одурачены. Тотчасъ была снаряжена сильная погоня,—но было уже поздно: она не могла догнать быстрыхъ лодокъ Кунъ-мина.—

Узнавъ о томъ, что съ флотомъ Чжу-го Ляна что-то произошло, Чжоу-юй поспѣшилъ къ нему, и засталъ его солдатъ за извлеченіемъ стрѣлъ изъ соломенной обшивки лодокъ; люди считали стрѣлы и связывали ихъ по сотнямъ. Стрѣлъ оказалось гораздо больше ста тысячъ...

Чжоу-юй былъ пораженъ и втайнѣ досадовалъ; но онъ не могъ не воздать должнаго мудрости Кунъ-мина:

—„Послушайте, У-хоу; вы подобны духу! Почему вы знали, когда будетъ туманъ?“

Кунъ-минъ, смѣясь, отвѣтилъ:

—„Если главнокомандующій не знаетъ законовъ неба и земли, не знаетъ души челоуѣка, не знаетъ стратегіи и тактики, не знаетъ Янь и Инь (положительнаго и отрицательнаго началъ въ природѣ),—то онъ не великій полководецъ, а заурядный челоуѣкъ.. Я за три дня впередъ зналъ, что будетъ туманъ; поэтому только я и могъ согласиться на выполненіе вашей просьбы!“

Спасеніе города.

Вражда между государствами Шу-Хань и Вэй то затихала на время, то загоралась съ новой силой. Великій Чжу-го Лянъ, Шу-Ханьскій полководецъ, встрѣтилъ достойнаго себѣ противника въ лицѣ Вэйскаго военачальника Сы Ма-и. (Внуку Сы Ма-и, по имени Сы Ма-янъ, суждено было впоследствии самому сдѣлаться государемъ Вэй, объединить весь Китай и доложить начало династіи Цзинь. Такимъ образомъ, онъ въ 265 году закончилъ періодъ Сань-го).

Борьба, сосредоточиваясь сначала, главнымъ образомъ, на берегахъ Янъ-цзы, впоследствии отодвигалась иногда отъ этой великой рѣки на значительное разстояніе; вторая половина борьбы разыгралась на верхней половинѣ теченія рѣки Вэй, т. е. въ предѣлахъ южной части нынѣшнихъ провинцій Шэнь-си и Гань-су.

Однажды здѣсь, въ районѣ нынѣшняго города Хань-чжунъ фу, ожидалось генеральное сраженіе между Шу-Ханьскими и Вэйскими войсками. Стратегическимъ ключомъ всей позиціи былъ городъ Цзѣ-тинъ, охранять который Чжу-го Лянъ поручилъ своему генералу Ма-су, подъ начальствомъ котораго былъ значительный отрядъ.

Все было спокойно, о непріятелѣ не было никакихъ слуховъ; гарнизонъ Цзѣ-тина, усиленный кажущейся безопасностью, не принималъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому отрядъ Сы Ма-и, внезапно появившись подъ стѣнами города, взялъ его приступомъ.

Чжу-го Лянъ былъ въ это время въ городѣ Си-чэнь'фъ. Узнавъ о паденіи Цзѣ-тина, обладанію которымъ онъ придавалъ большое значеніе, Чжу-го рѣшилъ во что бы то ни стало отнять его назадъ у враговъ. Съ этой цѣлью онъ собралъ всѣ свои вой-

ска изъ окрестнаго раіона и послалъ ихъ на выручку Цзѣ-тина, а самъ остался въ Си-чэнѣ, изъ котораго удобнѣе было руководить всѣми дѣлами государства. Въ городѣ у него не осталось ни одного воина, способнаго носить оружіе; осталось только пятьсотъ человекъ стариковъ—нестроевыхъ, непригодныхъ даже для караульной службы.

И какъ нарочно въ это время самъ Сы Ма-и съ полуторастотысячнымъ войскомъ подошелъ къ Си-чэну...

Въ городѣ было много чиновниковъ, купцовъ и горожанъ, которые, испугавшись приближенія Вэйскихъ войскъ, хотѣли бросить все свое имущество на произволь судьбы и бѣжать. Но Чжу-го увѣрилъ ихъ, что никакой опасности не предстоитъ. „Я знаю“, говорилъ онъ: „что нужно дѣлать!“ И такова была увѣренность горожанъ въ его мудрости, что никто изъ города не ушелъ.

Узнавъ о приближеніи непріятельскихъ развѣздовъ, Чжу-го приказалъ открыть настѣжъ всѣ четверо городскихъ воротъ, и одѣтымъ въ солдатскую форму горожанамъ велѣлъ подметать дороги передъ воротами; а самъ, выкупавшись и одѣвшись въ новое, шитое шелками и золотомъ платье,—сѣлъ въ открытомъ павильонѣ надъ главными воротами города, какъ бы ожидая прихода Сы Ма-и.

Густыя колонны непріятельскихъ войскъ показались на горизонтѣ и медленно стали приближаться къ городу...

Остановившись уже въ виду городскихъ стѣнъ, Сы Ма-и послалъ двухъ своихъ людей посмотреть, въ какомъ положеніи находятся стѣны и рвы, и развѣдать о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринялъ гарнизонъ города.

Тѣ скоро вернулись и доложили:

— „Великій полководецъ! Непритель не принимаетъ никакихъ мѣръ; городъ, кажется, хочетъ насъ принять, какъ гостей, потому что ворота открыты, и даже дороги подметаются!“

Сы Ма-и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— „А не видѣли-ли вы какого-нибудь военачальника, распоряжающагося солдатами?“

— „Нѣтъ, мы видѣли только какого-то важнаго сановника

съ большой бородой, сидѣвшаго на воротахъ и какъ будто ожидавшаго насъ“.

Недоумѣвающей Сы Ма-и самъ рѣшилъ провѣрить донесенія развѣдчиковъ. Онъ поскакалъ къ городу.

Все оказалось такъ, какъ ему было доложено... Но изумленію его не было границъ, когда въ сидящемъ надъ воротами сановникѣ онъ узналъ самого Чжу-го Ляна, который, по слухамъ, пошелъ будто бы къ городу Цзѣ-тину... Сомнѣнія нѣтъ—это сидѣлъ самъ Чжу-го, который, веселый и радостный, игралъ на „цинъ“ (лютнѣ) и подбрасывалъ ароматную смолу въ стоявшую передъ нимъ курильницу; слѣва отъ него стоялъ юноша съ мечомъ, а справа—мальчикъ съ бѣлой волосяной мухогонкой. Передъ стѣной человѣкъ двадцать съ лишнимъ солдатъ тщательно разметали дорогу. Ничего воинственнаго, ничего враждебнаго не было: наоборотъ, было видно, что приготовлена радостная встрѣча дорогихъ, долгожданныхъ гостей.

Сы Ма-и повернулъ коня, поскакалъ назадъ и ушелъ отъ города со всѣмъ своимъ войскомъ. Вся страна была спасена.

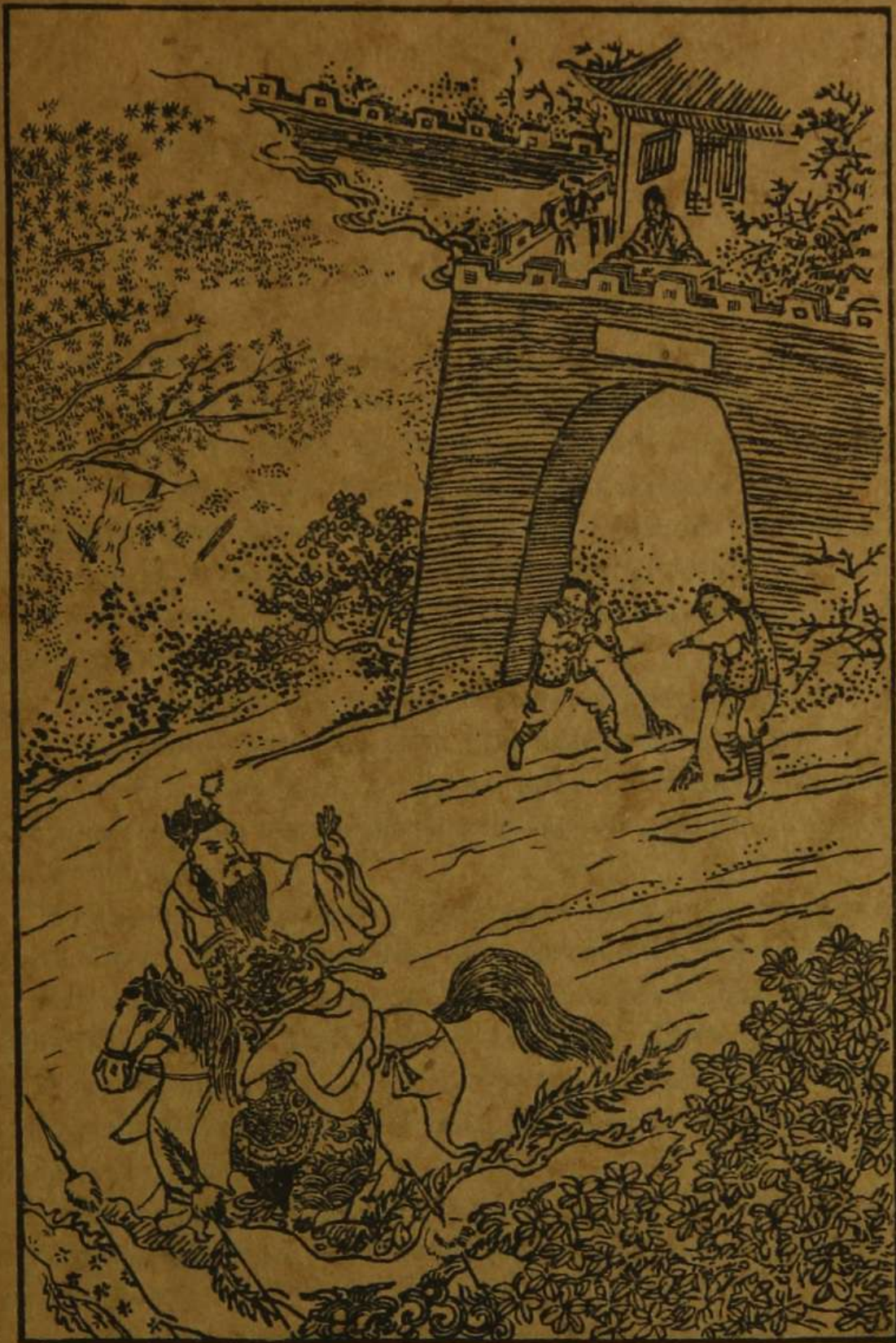
Чжу-го Лянь много смѣялся и рукоплескалъ видя, какъ врагъ бѣжитъ передъ невѣдомой опасностью. Народъ бросился къ нему, кланялся въ землю и спрашивалъ:

„Великій чэнъ-сянь (канцлеръ)! Почему врагъ убѣжалъ“?

Кунъ-минъ отвѣтилъ:

„Сы Ма-и зналъ, что я въ военныхъ дѣлахъ всегда остороженъ и предусмотрителенъ; увидѣвъ теперь меня такимъ довольнымъ, открывшимъ настежь ворота,—онъ долженъ былъ предположить и увѣрился въ томъ, что у меня въ городѣ скрыто много войскъ, и я готовлю ему засаду... Другого способа для спасенія города не было“...

Вотъ каковъ былъ Кунъ-минъ!

.....Сы-ма повернулъ коня и ускакалъ назадъ.

Какъ Чжу-го Лянъ взялъ четыре города.

1) Ань—динъ.

Въ одинъ изъ періодовъ продолжительной распри Шу-Ханьцевъ съ Вэйцами, борьба передвинулась съ рѣки Янь-цзы-цзяна на верховья рѣки Вэй, въ предѣлы южной части нынѣшней провинціи Гань-су. Здѣсь былъ рядъ укрѣпленныхъ городовъ, занятыхъ Вэйскими гарнизонами: Ань-динъ (нынѣ Чжэнь-юань сянь); Нань-ань (развалины его находятся къ сѣверо-востоку отъ города Гунь-чанъ или Лунъ-си сянь'я); Тянь-шуй (нынѣ Тунъ-вэй сянь), и Шанъ-гуай (теперь Цинь-чжоу).

Въ чьихъ рукахъ были эти пункты, тотъ владѣлъ всѣми путями, ведущими изъ Шу-Ханя (Сы-чуань) на сѣверъ и на востокъ, въ бассейнъ рѣки Вэй,—т. е. въ провинцію Шэнь-си, въ ту житницу Китая, гдѣ первоначально осѣли пришедшіе съ запада предки китайцевъ.

Главнокомандующимъ Вэйскими войсками въ этомъ краю былъ Ся-хо Мао,—человѣкъ, не отличавшійся никакими талантами, и получившій такое важное назначеніе лишь потому, что былъ женатъ на дочери всемогущаго Цао-цао. Самъ Ся-хо находился въ городѣ Нань-ань, а въ остальныхъ городахъ начальниками („тай-шоу“) гарнизоновъ и городскихъ раіоновъ онъ назначилъ преданныхъ себѣ людей.

Въ городѣ Ань-динъ'ѣ былъ тай-шоу, по имени Цуй-лянъ, который былъ подъ стать своему главному начальнику: ни ума, ни талантовъ.

Это было на-руку Чжу-го Ляну. Онъ составилъ планъ дѣйствій и поручилъ исполненіе его тремъ своимъ генераламъ—умнымъ, рѣшительнымъ и сильнымъ: Чжанъ-бао, Вэй-янь'ю и Гуань-

синь'у, въ помощь которымъ далъ еще двухъ толковыхъ офицеровъ, а самъ двинулся къ Нань-ань'ю и осадилъ его.

Цуй-лянъ зналъ, что Кунъ-минъ заперъ Ся-хо Мао въ Нань-ань'и; разобщенный со своимъ главнокомандующимъ и предоставленный самому себѣ,—онъ каждую минуту боялся нападенія ханьскихъ войскъ.

Однажды Цуй-ляну доложили, что къ городу съ юга пришелъ человекъ, требующій свиданія съ нимъ по спѣшному дѣлу. Цуй приказалъ впустить путника въ городъ и привести къ нему.

Вошелъ загорѣлый, запыленный, до-нельзя усталый человекъ.

— „Кто ты и что тебѣ надо?“ спросилъ Цуй.

— Я—офицеръ моего повелителя, Вэйскаго государя. Фамилія моя—Пэй-суй; служу подъ начальствомъ Ся-хо Мао. Мой начальникъ прислалъ меня къ вамъ.“

— „По какому дѣлу?“ встревожился тай-шоу.

Пэй-суй не отвѣчалъ, подозрительно косясь на окружавшихъ тай-шоу лицъ.

— „Не бойся“, успокаивалъ появившійся осторожность Цуй-лянъ: — „это все мои приближенные; отъ нихъ у меня секретовъ нѣтъ!“

Тогда Пэй-суй растегнулъ куртку, подпоролъ ножомъ подкладку и досталъ изъ подъ нея узкую полоску тонкой китайской бумаги, на которой были только двѣ вертикальныя строчки мелко написанныхъ іероглифовъ. Бумажка была вся засалена и пропитана потомъ—очевидно гонецъ очень спѣшилъ...

— „Что это?“ протянулъ Цуй-лянъ руку къ бумажкѣ.

— „Это вамъ письмо отъ Ся-хо Мао“, сказалъ Пэй-суй, почтительно подавая бумажку.

Тай-шоу сталъ читать записку, написанную, очевидно, на-спѣхъ.

... „Ся-хо Мао, главнокомандующій. Сообщаю, что Чжу-го Лянъ со своими войсками подошелъ къ городу Нань-аню. У насъ войскъ гораздо меньше, и продовольствія въ городѣ недостаточно. Спѣшите какъ можно скорѣе ко мнѣ на помощь. Вы ударите на Ханьскія войска сзади, а я выйду изъ города и атакую ихъ спереди; тогда наша побѣда обезпечена. Скорѣе!“

Цуй-лянъ былъ пораженъ. Если главнокомандующій такъ пи-

шеть,—значитъ положеніе его, дѣйствительно, опасно. Нужно какъ можно скорѣй спѣшить къ нему на выручку...

И онъ тотчасъ же отдалъ приказъ собираться въ походъ.

— „Генераль“, обратился къ нему Пэй-суй:—„приложите въ концѣ письма вашу печать въ знакъ того, что я вѣрно доставилъ письмо по назначенію и вы его прочитали, и позвольте мнѣ представить письмо обратно главнокомандующему. Я буду въ Нань-ань и скорѣе васъ. Такъ приказалъ генераль Ся-хо!“

Цуй-лянъ приложилъ свою маленькую именную печать въ концѣ письма и отдалъ его Пэй-суйю, который тотчасъ двинулся въ обратный путь.

Въ тотъ же день къ вечеру Цуй-лянъ со всѣмъ гарнизономъ Ань-дина покинулъ городъ и двинулся на выручку Нань-аня. Въ городѣ остались только тяжелый обозъ, рогатки и склады, а для окарավиванія ихъ—нѣсколько сторожей-инвалидовъ.

Но въ ту же ночь къ воротамъ беззащитнаго Ань-дина подошелъ значительный отрядъ. Сторожа думали, что это вернулся по какой-либо причинѣ ихъ тай-шоу. Но грозное приказаніе открыть ворота показало, что это—не Цуй-лянъ...

Конечно, сторожа не посмѣли послушаться, и открыли ворота настежь. Прѣжде, чѣмъ жители Ань-дина узнали объ этомъ,—Ань-динъ былъ уже въ рукахъ Ханьскихъ войскъ. Это былъ отрядъ Чжанъ-бао, Вэй-янь'я и Гуань-сина.

Наскоро занявъ въ городѣ присутственныя мѣста и склады и поставивъ вездѣ свою стражу, Чжанъ-бао съ товарищами со всѣмъ остальнымъ отрядомъ бросился въ догонку спѣшившимъ на выручку Нань-аня войскамъ Цуй-ляна.

Но, видно, ночной походъ очень труденъ, потому что отрядъ Ань-динскаго тай-шоу ушелъ недалеко. Чжанъ-бао скоро догналъ его и ударилъ въ тылъ...

Цуй-лянъ могъ ожидать чего угодно, кромѣ этого. Враги, по его мнѣнію, могли быть только спереди, но никакъ не сзади...

Ань-динскій отрядъ былъ совершенно разбитъ почти безъ потерь для Ханьцевъ, и самъ Цуй-лянъ сдался въ плѣнъ.

Такъ, благодаря хитрости Чжу-го Ляна, былъ взятъ Ань-динъ, потому что мнимый Пэй-суй былъ не вѣйскій офицеръ, а одинъ изъ помощниковъ Чжанъ-бао.

2) НАНЬ-АНЬ.

Шу-Ханьскія войска подошли къ городу Нань-аню, въ которомъ заперся главнокомандующій Вѣйскими войсками Ся-хо Мао и осадили его. Самого Чжу-го Ляна при войскахъ не было, и поэтому осадой руководили его молодые, горячіе, но малоопытные помощники.

Десять дней осаждающіе старались взять городъ приступомъ, но напрасно: всѣ ихъ атаки были отбиты.

Узнавъ объ этомъ, Чжу-го Лянь послѣшилъ самъ къ Нань-аню. Осмотрѣвъ лично всѣ подступы, онъ убѣдился, что городъ мудрено взять открытымъ приступомъ: городскія стѣны были высоки и крѣпки, а рвы—очень глубоки, хотя и безъ воды.

Тогда Чжу-го сталъ отовсюду собирать топливо. Ему удалось достать много дровъ; но соломы было мало, потому что окрестные крестьяне были раззорены войной, да кромѣ того солома въ большемъ количествѣ требовалась на кормъ конямъ.

Осажденные скоро провѣдали, что Чжу-го хочетъ сжечь городъ. Тотчасъ были приняты мѣры: на всѣхъ башняхъ и углахъ стѣны были поставлены бочки съ водой, заготовлены мокрые войлоки, и т. п... Къ тому же всды въ городѣ было много...

Но все-таки положеніе осажденныхъ было тяжелое. Хотя вода, дрова и мясо были,—но совсѣмъ не было овощей. Поэтому жители были чрезвычайно рады, когда однажды ночью двое окрестныхъ крестьянъ пробрались черезъ линію осаждающихъ и принесли въ городъ на продажу каждый по двѣ корзины овощей...

Чжу-го увидѣлъ, что его планъ—испугать горожанъ возможностью пожара—не удался. Нужно было придумать что-либо новое..

Кунъ-минъ приказалъ привести къ нему плѣннаго Цуй-ляна. Послѣдній дрожалъ, думая, что насталь его послѣдній часъ. Поэтому онъ былъ пораженъ и обрадованъ, когда Чжу-го поднялъ

его съ земли, когда тотъ дѣлалъ кэ-тоу, и вообще встрѣтилъ его не какъ плѣннаго врага, а какъ дорогого гостя.

Во время разговора Чжу-го, между прочимъ, спросилъ Цуй-ляна:

— „Скажите пожалуйста, вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ Нань-аньскимъ тай-шоу Янь-линъ'омъ?“

— „Да, онъ мой другъ“.

— „Вы теперь уже не врагъ мнѣ“,— продолжалъ Кунъ-минъ: „а поэтому я ничего отъ васъ скрывать не буду. Я хочу попросить васъ сдѣлать хорошее дѣло, которое принесетъ намъ обоюдную пользу. Не можете ли вы отправиться къ Янь-лину, уговорить его перейти на мою сторону и схватить Ся-хо Мао? Это прекратитъ вражду между нами, и война окончится!“

Цуй-лянь чрезвычайно обрадовался возможности вырваться изъ плѣна; но онъ боялся выказать свою радость, и съ видомъ дѣланной покорности онъ отвѣтилъ Кунъ-мину:

— „Хорошо, я пойду въ Нань-ань и постараюсь выполнить все, что вы мнѣ прикажете!“

Въ тотъ же день Цуй-лянь былъ освобожденъ и пробрался въ городъ. Конечно, онъ передалъ Янь-лину и Ся-хо свой разговоръ съ Чжу-го Ляномъ.

Въ городѣ было собрано совѣщаніе всѣхъ старшихъ начальниковъ для выработки плана противодѣйствія кознямъ Кунъ-мина. Послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса, Цуй-лянь сказалъ:

— „Чжу-го очень хитеръ: отъ него всегда можно ожидать всего дурного. Если мы его не уничтожимъ,—то намъ придется быть въ вѣчномъ страхѣ. Онъ поставилъ намъ ловушку,—пускай же самъ и попадетъ въ собственную западню! Я предлагаю такой планъ: пошлемте къ нему человѣка съ увѣдомленіемъ, что его замыселъ удался, что я склонилъ Янь-лина на его сторону, и что главнокомандующій схваченъ; но что все это держится въ тайнѣ отъ войскъ и народа. Пусть Чжу-го придетъ сюда съ небольшою свитою, чтобы не возбудить вниманія народа и не вызвать военныхъ дѣйствій со стороны вѣйскихъ солдатъ,—и мы передадимъ ему главнокомандующаго!“

Все согласились съ этимъ планомъ. Но кого же послать къ Чжу-го Ляну, чтобы не возбудить его подозрительности? Конечно, лучше всего было идти самому Цуй-ляну.

На другой же день Цуй-лянъ опять былъ въ лагерь Кунъ-мина и передалъ ему все, какъ было условлено на тайномъ совѣтѣ.

— „Ся-хо Мао лежитъ связаннымъ“, докладывалъ Цуй съ низкимъ поклономъ Кунъ-мину: — „и Янъ-линъ только ждетъ васъ, чтобы передать его вамъ съ рукъ въ руки. Но нужно торопиться, чтобы объ этомъ не провѣдали войска, которыя могутъ его освободить!“

Чжу-го, видимо, обрадовался и горячо благодарилъ Цуй-ляна. „Я сейчасъ“, говорилъ онъ лукавому вэйцу: „поѣду въ городъ съ нѣсколькими людьми какъ будто для переговоровъ съ Янъ-линомъ; вы же, пока, ради вашей безопасности, оставайтесь здѣсь и никуда не выходите!“

Цуй-лянъ видѣлъ изъ своей палатки, какъ Чжу-го съ двѣнадцатю солдатами поѣхалъ верхомъ къ городу.

Когда маленькій отрядъ изъ тринадцати человекъ подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, — на стѣнѣ ихъ встрѣтили Янъ-линъ и Ся-хо, еще ни разу въ жизни не видавшіе Чжу-го Ляна, и поэтому не знавшіе его въ лицо, — и порядочная толпа зѣвакъ изъ народа.

Приказано было открыть ворота. Чжу-го Лянъ со свитой, не подозрѣвавшей засады, — спокойно въѣхалъ въ городъ, и ворота тотчасъ за ними затворились ..

Планъ Цуй-ляна удался.

Обрадованные Ся-хо и Янъ-линъ съ нѣсколькими солдатами и толпою народа спустились со стѣны и двинулись къ слѣзшему съ лошади бородатому предводителю ханьцевъ — Чжу-го Ляну.

— „Убейте его!“ — крикнулъ Янъ-линъ своимъ солдатамъ.

Но въ этотъ мигъ произошло нѣчто необычайное: изъ толпы, стоявшей сзади Ся-хо и Янъ-лина, выдѣлились два дюжихъ крестьянина — тѣ самые, что за пять дней передъ тѣмъ принесли зелень на продажу въ городъ, — и одинъ изъ нихъ ударомъ скрытаго ранѣе подъ полою платья короткаго меча убилъ Янъ-лина; а другой схватилъ Ся-хо и сталъ вязать ему руки назадъ.

Ханьскіе воины обнажили оружіе и заставили сдаться ошеломленныхъ вѣйскихъ солдатъ.

Съ быстротою молніи разнеслась вѣсть, что городъ взятъ, и главнокомандующій—въ рукахъ Чжу-го Ляна. Перепуганный гарнизонъ положилъ оружіе...

Крестьяне, продававшіе зелень, были никто иные, какъ Чжанъ-бао и Гуань-синъ, проникшіе переодѣтыми въ городъ. Прибывшіе съ Чжу-го Ляномъ люди были не солдаты, а переодѣтые офицеры, лучшіе витязи всего ханьскаго войска; и самъ Чжу-го Лянь былъ не настоящій,—а похожій на него офицеръ.

Дѣло было кончено; оставалось вывести Цуй-ляна на свѣжую воду. Чжанъ-бао и Гуань-синъ написали и отправили ему письмо отъ имени Ся-хо Мао, въ которомъ извѣщали, что его планъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: Чжу-го Лянь убитъ. Поэтому Цуй-ляну рекомендуется какъ можно скорѣе бѣжать изъ вражескаго лагеря и спѣшить въ городъ.

Получивъ письмо отъ яко-бы тайно пробравшагося изъ города посланца, Цуй-лянь бѣжалъ въ Мань-ань. За городскими воротами его давно уже поджидалъ Чжанъ-бао. На просьбу Цуй-ляна, назвавшаго свою фамилію, открыть ворота,—Чжанъ-бао приоткрылъ ихъ слегка, и Цуй вошелъ подъ сводъ надворотной башни. Каково же было его изумленіе, когда въ разговаривавшемъ съ нимъ стражникѣ онъ узналъ Чжанъ-бао!

Цуй хотѣлъ бѣжать, но Чжанъ, загоразивая ему дорогу, закричалъ:

„Нѣтъ, Цуй-лянь, теперь тебѣ ничто ужъ не поможетъ—Чжу-го Лянь раскрылъ всѣ твои планы!“

И тутъ же пронзилъ его копьемъ насквозь.

3) ТЯНЬ-ШУЙ и 4) ЦЗИ-ЧЭНЪ.

Города Ань-динъ и Мань-ань были въ рукахъ Чжу-го Ляна, но не такъ-то легко было покончить съ Тянь-шуй'емъ, потому что тай-шоу въ этомъ городѣ былъ нѣкій Ма-цзунъ, у котораго были умные и осторожные совѣтники.

На другой день послѣ паденія Ань-дина, къ Тянь-шуйскимъ воротамъ прибѣжалъ запыхавшись человекъ, и просилъ поскорѣе влустить его въ городъ и отвести къ тай-шоу.

Стража открыла ворота и провела его къ Ма-цзуню.

Нужно сказать, что о взятіи Ань-дина въ Тянь-шуйѣ еще никто не зналъ, и поэтому особыхъ предосторожностей въ городѣ предпринято не было.

— „Кто вы такой?“ спросилъ Ма-цзунъ запыленного и усталого путника.

— „Я Пэй-суй, офицеръ, гонецъ къ вамъ отъ главнокомандующаго, Ся-хо Мао. Онъ находится въ тяжеломъ положеніи: Ханьскія войска осадили его въ Нань-ани, и онъ зоветъ васъ на выручку!“

— „Такія порученія на словахъ не передаются“, усумнился Ма-цзунъ.

— „Я знаю“, возразилъ гонецъ, и съ этими словами распахнулъ куртку, подпоролъ подкладку и вытащилъ уже знакомое намъ письмо на узкой полоскѣ бумаги.

„Ся-хо, главнокомандующій“, читалъ Ма-цзунъ: „Сообщаю, что Чжу-го Лянъ со своими войсками подошелъ къ городу Нань-ань. У насъ войскъ гораздо меньше, и продовольствія въ городѣ недостаточно. Спѣшите какъ можно скорѣе ко мнѣ на помощь. Вы ударите на Ханьскія войска сзади, а я выйду изъ города и ударю спереди, и тогда наша побѣда обезпечена. Скорѣе!“

— „Почему же здѣсь стоитъ печать Ань-динскаго тай-шоу?“ удивился Ма-цзунъ.

— „Потому“, спокойно отвѣтилъ Пэй-суй: „что мнѣ было приказано показать это письмо вамъ обоимъ; писать два письма, или заклеивать ихъ въ конверты—было невозможно: тайно пронести черезъ непріятельскій станъ можно только маленькую бумажку. А въ доказательство, что я точно выполнилъ порученіе и что письмо дошло до васъ, главнокомандующій приказалъ мнѣ просить, чтобы аньдинскій тай-шоу и вы поставили въ концѣ письма ваши печати“.

Ма-цзунь приложилъ печать, возвратилъ письмо Пэй-суюю, отпустилъ его и обратился къ своимъ приближеннымъ за совѣтомъ.

Между ними былъ одинъ офицеръ, по фамиліи Цзянь-вэй, человѣкъ умный и осторожный. Онъ хотѣлъ узнать подробности у Пэй-суюя, но, оказалось, что послѣдній, выйдя отъ Ма-цзуна, тотчасъ покинулъ городъ. На разспросы о немъ всѣ отозвались, что не знаютъ его...

— „Тай-шоу“, сказалъ Цзянь-вэй, вернувшись къ Ма-цзуню: „все это мнѣ кажется очень страннымъ... Если Нань-ань обложенъ войсками Чжу-го Ляна,—то какъ же Пэй-суй могъ свободно проникнуть сюда? Затѣмъ—порученіе, данное ему,—безусловно важное; и поручить выполненіе его незначительному лицу было невозможно. А между тѣмъ никто изъ нашихъ никогда не слыхалъ о существованіи въ Вэйскихъ войскахъ никакого Пэй-суюя... Наконецъ человѣкъ, сдѣлавшій такой путь,—конечно очень усталъ и долженъ былъ бы отдохнуть; а между тѣмъ онъ уже исчезъ... Нѣтъ, не довѣряю я этому письму—мнѣ оно кажется поддѣльнымъ!“

Ма-цзунь былъ пораженъ этими соображеніями, не пришедшими ему ранѣе въ голову.

— „Что же, по вашему, намъ нужно дѣлать?“

— „Я думаю, что войска Чжу-го Ляна находятся гдѣ нибудь по близости; поэтому я полагаю бы воспользоваться тѣмъ планомъ, который указанъ въ подозрительномъ письмѣ. Оставьте меня въ городѣ съ половиною войскъ, а съ другой половиной идите по направленію къ Нань-аню; но далеко не уходите—не дальше тридцати ли (15 верстъ). Вражескія войска, увидѣвъ, что вы ушли,—подумаютъ, что въ городѣ солдатъ больше нѣтъ, и бросятся къ городу. Тогда вы повернете назадъ и ударите на нихъ съ тылу, а я атакую ихъ отсюда,“

Ма-цзунь согласился съ этимъ планомъ, и въ тотъ же день, взявъ половину гарнизона, вышелъ изъ города; но, отойдя верстъ семь, остановился въ оврагѣ, въ сторонѣ отъ всѣхъ дорогъ.

Дѣйствительно, отрядъ Ханьскихъ войскъ подѣ начальствомъ Чжао-юнь'я скрывался вблизи города и черезъ своихъ развѣдчиковъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило вблизи него. Узнавъ о выходѣ войскъ изъ Тянь-шуйя, Чжао-юнь бросился къ городу. Велико же было его удивленіе, когда на его грозное требованіе открыть немедленно ворота—на городскихъ стѣнахъ появилась масса солдатъ и цѣлый дождь стрѣлъ посыпался на его отрядъ.

Солдаты его дрогнули, смѣшались и отхлынули отъ стѣнъ. Ворота открылись въ этотъ моментъ, но только для того, чтобы выпустить Цзянь-вэйя съ его отрядомъ, который сталъ поражать отступающаго непріателя.

Едва только Чжао-юню удалось остановить своихъ солдатъ и повернуть ихъ противъ тянь-шуйцевъ,—какъ въ это время на нихъ сзади ударилъ вернувшійся Ма-цзунь...

Пораженіе Ханьскаго отряда было полное. Кто могъ,—въ томъ числѣ самъ Чжао-юнь,—бѣжали.

Явившись къ Чжу-го Ляну, Чжао-юнь доложилъ о пораженіи, нанесенномъ ему Цзянь-вэй'емъ.

Кунъ-минъ не только не подвергнулъ наказанію Чжао-юня, но даже не сдѣлалъ ему выговора.

„Я знаю“, говорилъ Чжу-го: „этого Цзянь-вэйя; прозвище его —Бо-юэ. Онъ родомъ изъ города Цзи-чэнъ сянь. Это человекъ очень умный, не только отличный стратегъ,—но знаетъ хорошо и гражданскія дѣла. Не горюйте, что вы понесли пораженіе отъ этого человека... Но я знаю, какъ съ нимъ справиться; я поймаю его на его добродѣтели... Онъ чрезвычайно почтителенъ къ своей матери; вотъ мы и пошлемъ отрядъ въ Цзи-чэнъ, который захватитъ ее и съ полнымъ почетомъ доставитъ госпожу Цзянь сюда къ намъ въ лагерь. Тогда сынъ, боясь повредить матери, будетъ не въ состояніи ничего предпринять противъ насъ!“

Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми приближенными Кунъ-мина, и въ Цзи-чэнъ тотчасъ былъ посланъ отрядъ подѣ начальствомъ храбраго Вэй-яннѣя.

Къ этому времени войска Чжу-го Ляна стали ощущать недостатокъ въ провіантѣ; поэтому, одновременно съ отправленіемъ

отряда Вэй-яня, — другой отрядъ, которымъ командовалъ Чжао-юнь, былъ посланъ съ порученіемъ захватить городъ Шанъ-гуай (нынѣ Цинь-чжоу), потому что въ этомъ городѣ были сосредоточены громадныя интендантскіе запасы Вэй-скихъ войскъ. Въ то же время самъ Чжу-го Лянь двинулся къ Тянь-шуйю.

Слухъ о томъ, что Вэй-янь съ отрядомъ направился къ Цзи-чэну, — скоро дошелъ до Цзянь-вэйя, который чрезвычайно встревожился за свою мать; любовь къ ней пересилила всѣ другія соображенія, — и онъ отправился къ Ма-цзуню просить разрѣшенія идти на выручку Цзи-чэна.

Ма-цзунь подумалъ, что личный интересъ Цзянь-вэйя вполне совпадаетъ съ государственными задачами, и поэтому далъ ему три тысячи солдатъ и приказалъ спѣшить на помощь Цзи-чэну.

Только что отправился отрядъ Цзянь-вэйя, какъ Ма-цзуню донесли, что Чжао-юнь со свѣжимъ отрядомъ двинулся къ Шанъ-гуайю. Такъ какъ въ этомъ важномъ пунктѣ гарнизонъ былъ ничтоженъ, то для защиты складовъ Ма-цзунь спѣшно послалъ молодого, храбраго офицера Лянь-цянъ-я также съ трехтысячнымъ отрядомъ.

Такимъ образомъ, Кунъ-минъ заставлялъ Ма-цауня все болѣе и болѣе ослаблять гарнизонъ Тянь-шуйя.

Цзянь-вэй настигъ отрядъ Вэй-яня уже подъ стѣнами Цзи-чэна, и напалъ на врага. Ханьцы, вѣроятно, не ожидали нападенія, потому что побѣда легко далась Цзянь-вэйю; отрядъ Вэй-яня разсыпался, и Цзянь-вэй вошелъ съ отрядомъ въ городъ, спѣша успокоить мать.

Но едва только за послѣднимъ Вэйскимъ солдатомъ закрылись ворота, — какъ вдругъ къ городскимъ стѣнамъ стали стекаться солдаты Чжуголяновскихъ войскъ, и скоро городъ оказался въ осадѣ: пораженіе Ханьцевъ было притворное. При нападеніи Вэйцевъ, Вэй-янь приказалъ своимъ людямъ разсыпаться, надѣясь, что Цзянь-вэй, стремясь въ городъ, не займется преслѣдованіемъ; расчетъ его оказался правильнымъ, — и теперь онъ заперъ весь отрядъ Цзянь-вэйя въ Цзи-чэнѣ, изолировавъ его отъ Ма-цзуня. Въ этомъ и заключалась его задача.

То же самое повторилось и съ отрядомъ Лянь-цяня. Онъ дошелъ до Шанъ-Гуайя, и около города напалъ на отрядъ Чжао-юня. Послѣдній притворился разбитымъ и Лянь-цянь, торжествуя побѣду,—вошелъ въ городъ. Но разсыпавшіяся было войска Чжао-юня тотчасъ же вновь собрались и обложили городъ.

Ослабивъ такимъ образомъ Ма-цзуня, Кунъ-минъ продолжалъ плести хитрый узоръ своего плана. Онъ приказалъ привести къ нему изъ Нань-аня плѣннаго Ся-хо Мао. Послѣдній терялся въ догадкахъ—къ добру или нѣтъ его вызовъ къ всесильному ханьскому канцлеру?

Ся-хо былъ перепуганъ до смерти, когда Чжу-го Лянь спросилъ его:

— „Бойтесь ли вы смерти?“

Ся-хо упалъ на землю, сдѣлалъ кэ-тоу и отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— „Да, великій чэнь-сянь (титულъ канцлеровъ того времени), я очѣнь боюсь смерти!“

Чжу-го Лянь помолчалъ немного и продолжалъ:

— „Я знаю, Ся-хо, что вы—умный человекъ, и поэтому не побоюсь открыть вамъ секретъ... Два дня тому назадъ Цзянь-вэй прислалъ мнѣ письмо съ просьбой отпустить васъ, Ся-хо, на свободу; за это Цзянь-вэй обѣщаетъ перейти на мою сторону... Можете ли вы немедленно отправиться къ Цзянь-вэйю? Если можете, то я васъ отпущу“...

Ся-хо такъ обрадовался, что едва могъ „сохранить лицо“; онъ снова сдѣлалъ кэ-тоу и пробормоталъ:

— „Могу, великій чэнь-сянь, конечно могу!“

Кунъ-минъ загадочно улыбнулся, и отпустилъ его изъ лагеря на всѣ четыре стороны. Но ни коня, ни конвоя, ни слугъ ему, конечно, не дали...

Трудно было изнѣженному генералу идти пѣшкомъ, да и дорога до Ци-чэна не близкая... Кромѣ того, нужно было опасаться разбойниковъ и бѣглыхъ солдатъ, грабившихъ мирныхъ жителей.

Поэтому Ся-хо очень испугался, когда ему пришлось столкнуться съ толпой жалкихъ и оборванныхъ людей. Но страхъ его

скоро прошелъ и замѣнился изумленіемъ, когда онъ узналъ, что это—бѣженцы изъ города Цзи-чэна, куда онъ самъ шель...

Разспрашивая несчастныхъ, Ся-хо узналъ, что Цзянь-вэй уже сдалъ городъ Чжуголянскимъ войскамъ. „Вэй-янь, говорили они: „сжегъ наши дома, ограбилъ все у насъ до нитки; нѣтъ у насъ больше ни имущества, ни крова... Вотъ мы идемъ въ Шанъ-гуай искать пристанища!“

И еще много разъ встрѣчалъ Ся-хо по дорогѣ такія толпы бѣглецовъ, и всѣ они говорили одно и то-же. Сомнѣнія не было,— Цзи-чэнъ въ рукахъ у Ханьцевъ...

Въ самомъ угнетенномъ состояніи духа Ся-хо подошелъ къ городу Тянь-шуй, лежавшему на половинѣ пути. Начальникъ караула, занимавшаго посты на городской стѣнѣ, зналъ главнокомандующаго въ лицо, и поэтому безпрепятственно впустилъ его въ городъ, и его тотчасъ же провели къ тай-шоу.

Когда Ся-хо рассказалъ Ма-цзуню о томъ, что ему пришлось испытать, то у послѣдняго явилось сомнѣніе въ благополучномъ для Вэйцевъ окончаніи войны. Но когда онъ узналъ о письмѣ Цзянь-вэйя къ Чжуголянъ, то сомнѣнія Ма-цзуня превратились въ увѣренность, что дѣло ихъ почти безнадежно... Онъ тяжело вздохнулъ:

— „Если Цзянь-вэй это сдѣлалъ,— то какъ же мы можемъ полагаться на другихъ?“

Наступилъ вечеръ того же дня. Вдругъ часовые съ главной надворотной башни донесли, что слышенъ шумъ, крики и ржаніе коней, какъ будто къ городу подступаютъ войска...

Ма-цзунь и Ся-хо Мао спѣшно собрали весь гарнизонъ и вывели его на стѣны. И было время, потому что подступившій къ городу непріятель атаковалъ городъ.

Но защитники дѣйствовали такъ энергично, что неоднократные приступы всѣ были отбиты.

Когда предводитель атакующихъ, сопровождаемый нѣсколькими солдатами съ факелами въ рукахъ, приблизился къ стѣнамъ, то Ся-хо и Ма-цзунь узнали въ немъ Цзянь-вэйя. Удивленію и гнѣву ихъ не было предѣла.

— „Измѣнникъ, предатель!“ закричалъ со стѣны Ся-хо: „какъ ты могъ передаться на сторону врага?“

Цзянь-вэй остановилъ коня, и потрясая копьемъ, отвѣчалъ:

— „А, вы уже здѣсь, Ся-хо! Вы всячески браните меня—а кто мнѣ писалъ письма, требуя, чтобы я покорился Чжу-го Ляну и тѣмъ вернулъ вамъ свободу? Я исполнилъ ваше требованіе, и вы меня же теперь за это поносите?! Нѣтъ, предатель то не я, а вы!“

Съ этими словами онъ повелъ новую атаку на городъ, но которая также была отбита, какъ и прежнія.

Видя неудачу, Цзянь-вэй передъ разсвѣтомъ отступилъ отъ города.

Конечно, подъ стѣнами Тянь-шуйя былъ разыгранъ военный фарсъ: Чжу-го Лянь нашель офицера, голосъ котораго походилъ на голосъ Цзянь-вэйя, а наружность его поддѣлать ничего не стоило. Всѣ атаки были притворныя; цѣль ихъ была посѣять распрю и недовольство между Вэйскими генералами.

А въ это же время Чжу-го Лянь съ половиною своего войска подступилъ къ Цзи-чэну. Городъ могъ бы держаться, если бы ничтожные запасы, бывшіе въ городѣ и рассчитанные только на жителей,—не были съѣдены войсками, пришедшими съ Цзянь-вэйемъ.

Конечно, въ теченіе первыхъ же дней осады, Цзянь-вэй узналъ, что у осаждавшаго его Вэй-яня войскъ немного, а запасовъ много. Поэтому онъ рѣшилъ сдѣлать вылазку и отбить провіантъ у непріятели. Не зналъ онъ, что наканунѣ подошелъ самъ Чжу-го Лянь.

Какъ только Цзянь-вэй ударилъ на центръ расположенія Вэй-яня,—тотъ подался назадъ: но въ то же время два его помощника—Ванъ-пинъ и Чжанъ-и ударили на Цзянь-вэйя съ двухъ сторонъ.

Цзянь-вэй бросился къ городу; но на городскихъ стѣнахъ уже развивалось знамя Кунъ-мина. Это самъ Вэй-янь зашелъ въ тылъ Вэйскому отряду и ворвался въ незащищенный городъ.

Цзянь-вэй съ остатками своего отряда бѣжалъ по тяньшуйской дорогѣ. Много разъ ему приходилось сталкиваться съ Чжу-голянскими войсками. Отрядъ его все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ; и когда, наконецъ, онъ натолкнулся на Чжанъ-бао, — послѣдній окружилъ его своей конницей и перебилъ всѣхъ до единого солдатъ Цзянь-вэйя. Какимъ-то чудомъ только ему самому удалось спастись бѣгствомъ.

Наконецъ, онъ добрался до Тянь-шуйя. На городской стѣнѣ какъ разъ въ это время былъ Ма-цзунь. Увидѣвъ его, Ма-цзунь закричалъ:

— „А, онъ опять пришелъ! Стрѣляйте въ него!“

И десятки стрѣлъ полетѣли въ Цзянь-вэйя. Едва—едва онъ успѣлъ ускакать, пораженный и возмущенный такимъ приемомъ со стороны такъ благоволившаго ранѣе къ нему Ма-цзуня.

Не зная, гдѣ найти спасеніе, Цзянь-вэй рѣшилъ ѣхать въ г. Шанъ-гуай.

По дорогѣ онъ опять нѣсколько разъ наталкивался на Ханьскіе отряды, но счастливо избѣгалъ ихъ. Наконецъ онъ увидѣлъ цѣль своихъ стремленій—стѣны Шанъ-гуайя; тутъ-то онъ отдохнетъ, наконецъ, отъ всего, что ему пришлось испытать за послѣднее время...

Вотъ и городскія ворота. Кто это стоитъ на нихъ? Э, да это его добрый пріятель, Лянь-цянь!

— „Здравствуйте, господинъ Лянь! Прикажите скорѣй открыть ворота“, крикнулъ онъ снизу: „это я, Цзянь-вэй!“

Лянь-цянь узналъ его.

— „А, это ты, негодяй, продавецъ родины (май-го цзэй)“, закричалъ Лянь-цянь:— „стрѣляйте въ него!“

Цзянь пришпорилъ коня и бросился назадъ, проклиная все и всѣхъ. Что такое случилось, что его такъ бранятъ и преслѣдуютъ всѣ его бывшіе друзья? Нѣтъ, больше не только служить, но и вообще оставаться въ этомъ краѣ онъ не можетъ...

И онъ направился по дорогѣ въ Чанъ-ань (нынѣ Си-ань фу). Вскорѣ ему пришлось проѣзжать черезъ рощу. Закрытыхъ мѣстъ

онъ, какъ челоѣкъ осторожный, — не любилъ; кто его знаетъ, что тамъ можетъ встрѣтиться?! Но другого пути не было.

На опушкѣ никого не было видно. Но когда онъ доѣхалъ до середины роши, то тамъ на полянѣ онъ увидѣлъ расположившійся на отдыхъ отрядъ чжуголянскихъ войскъ во главѣ съ Гуань-синь-омъ.

Цзянь-вэй бросился назадъ — и былъ еще болѣе обезкураженъ, когда увидѣлъ, что на встрѣчу ему къ рошѣ подходитъ другой отрядъ, впереди котораго на знаменитой своей телѣжкѣ ѣхалъ самъ Чжу-го Лянъ.

„Нѣтъ, само Небо противъ меня, больше бороться нельзя!“ сказалъ Цзянь, и остановился на мѣстѣ.

Чжу-го Лянъ подѣхалъ къ Цзяню и спокойно сказалъ ему:

— „Ну, господинъ Цзянь, а теперь не желаете ли вы покориться мнѣ?“

Цзянь-вэй подумалъ: „впереди — Гуань-синь, сзади — Чжу-го Лянъ; у прежнихъ друзей его ждетъ позоръ и смерть“...

Цзянь слѣзъ съ коня и сказалъ:

— „Да, великій чэнь-сянь, я согласенъ“, и сдѣлалъ кэ-тоу.

Чжу-го вышелъ изъ коляски, и подавъ Цзянь-вэйю руку, поднялъ его съ земли и сказалъ:

— „Я, чэнь-сянь, много на своемъ вѣку видѣлъ людей, но такого умнаго и вѣрнаго, какъ вы, — еще не встрѣчалъ!“

Цзянь-вэй былъ крайне польщенъ, и съ этого момента сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданныхъ Кунь-мину людей.

Цзянь-вэй не подозрѣвалъ, что Кунь-минъ устроилъ на него настоящую облаву; но мудрый канцлеръ хотѣлъ не только захватить своего упрямаго врага, но и сдѣлать изъ него друга, такъ какъ Чжу-го Лянъ дѣйствительно высоко цѣнилъ знанія и таланты Цзянь-вэйя. И планъ Кунь-мина, какъ мы видѣли, — удался, какъ нельзя лучше.

Чжу-го и Цзянь-вэй возвращались назадъ уже какъ друзья.

— „Скажите, Цзянь“, обратился чэнь-сянь къ своему спутнику: „какъ мнѣ овладѣть городами Тянь-шуй и Шань-гуай?“

— „Это сдѣлать не трудно“, отвѣтилъ Цзянь-вэй: „въ Тянь-

шуйъ есть два офицера — Лянь-суй и Инь-шань. Это мои преданные друзья. Я напишу имъ письмо и посоветую, чтобы они сдѣлали видъ, что поссорились другъ съ другомъ, и пусть одинъ со своимъ отрядомъ нападетъ на другого. Во время этой схватки мы подойдемъ къ городу и возьмемъ его“.

Чжу-го такъ и сдѣлалъ. Письмо было написано и отправлено на стрѣль въ Тянь-шуй.

Стрѣлу поднялъ неграмотный солдатъ и отнесъ письмо Ма-цзуню...

Прочитавъ письмо, тай-шоу перепугался и тотчасъ пошелъ совѣщаться съ Ся-хо. Обсудивъ положеніе дѣла, они рѣшили, что Лянь-суй и Инь-шань находятся въ заговорѣ съ Цзянь-вэйемъ, — а поэтому ихъ нужно казнить.

Но у обоихъ офицеровъ были тайные друзья, которые заранее сообщили имъ результаты совѣщанія. Положеніе ихъ было безвыходное: доказать свою невиновность они никакъ не могли... И порѣшили они, что спастись можно только однимъ способомъ — перейти на сторону Чжу-го Ляна.

Вечеромъ къ обоимъ офицерамъ явились два солдата и доложили, что Ся-хо Мао требуетъ ихъ къ себѣ. Тѣ, конечно, понимали, зачѣмъ ихъ вызываютъ, и поэтому велѣли передать главнокомандующему, что они очень заняты — когда кончатъ работу, то тогда немедленно явятся. А между тѣмъ оба офицера тотчасъ дали знать осаждающимъ, что этой ночью въ извѣстный часъ они откроютъ ворота.

Нѣсколько разъ присылалъ Ся-хо за офицерами, — но они все уклонялись подъ разными предлогами.

Для Ся-хо Мао и Ма-цзуня такъ и осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ вдругъ въ городѣ ночью появились Ханьскія войска. Оба военачальника едва успѣли спастись и бѣжали на западъ, въ сосѣднее царство Си-цянь (впоследствии называвшееся Си-ся).

Такимъ образомъ, были взяты Нань-ань, Ань-динъ, Цзи-чэнъ и Тянь-шуй. Оставался одинъ Шань-гуай.

Вскорѣ послѣ занятія Тянь-шуйя, Чжу-го Лянъ собралъ всѣхъ офицеровъ и спросилъ ихъ, какъ взять Шанъ-гуай?

Впередъ выступилъ Лянъ-суй и сказалъ:

— „Въ этомъ городѣ начальникомъ—мой младшій братъ, Лянъ-цянь. Отца у насъ нѣтъ,—я старшій въ семьѣ. Если я ему прикажу, онъ не посмѣетъ ослушаться меня и сдастъ городъ, который не нужно будетъ и осаждать.“

Такъ и было сдѣлано; Лянъ-суй послалъ письмо младшему брату, и тотъ сдалъ городъ Чжу-го Ляну безъ всякаго сопротивленія.

Во всѣхъ пограничныхъ городахъ Кунъ-минъ поставилъ новыхъ начальниковъ, въ преданности которыхъ онъ былъ увѣренъ: тянь-шуйскимъ тайшоу онъ сдѣлалъ Лянъ-суйя; Цзи-чэнскимъ линъ'омъ (это званіе было выше, чѣмъ тай-шоу) сдѣлался Инъ-шанъ, а Шанъ-гуайскимъ линъ'омъ—Лянъ-цянь. Въ Нанъ-ани и Днь-динъ начальниками были поставлены тоже два способные чжу-голянскіе офицера.

Все это произошло въ 1-мъ году Вэйской эры Тай-хэ (227 г. по Р. Х.)

Какъ Чжу-го Лянъ побѣдилъ Цао-Цао.*)

Въ разгаръ борьбы между тремя претендентами на власть — Цао-цао, Лю-бэй'емъ и Сунь-цюань'емъ, въ районѣ громаднаго озера Дунъ-тинъ ху существовала независимая область Цзинь-чжоу, которою владѣлъ нѣкій Лю-бао.

Въ это время силы Лю-бэйя и Сунь-цюаня были еще ничтожны, и никто не могъ предсказать, что Сунь-цюань сдѣлается владыкой независимаго государства У, а Лю-бэй будетъ государемъ въ Шу-хань. Лю-бэй былъ въ союзѣ съ Лю-бао и не владѣлъ еще Сы-чуанью, а лишь однимъ городомъ Цзянь-ся. Сунь-цюань же господствовалъ еще только надъ территоріей нижняго Янь-цзы-цзяна.

Цао-цао, прикрывавшійся еще авторитетомъ слабовольнаго императора Сянь-ди, неожиданно напалъ на Лю-бао и разбилъ его войска. Боясь, что его успѣхи усилятъ недоброжелательное къ нему отношеніе его противниковъ, онъ тотчасъ послалъ къ Сунь-цюаню письмо такого содержанія:

„По приказанію императора, я разбилъ войска Лю-бао и овладѣлъ всѣми землями и городами Цзинь-чжоу. У меня отличная армія въ миллионъ солдатъ и тысячу офицеровъ. Предлагаю начать совмѣстную охоту на Лю-бэйя. Порознь намъ дѣйствовать ни подъ коимъ видомъ нельзя; вмѣстѣ же мы разобьемъ его и всѣ его владѣнія раздѣлимъ пополамъ. Отвѣчайте скорѣе“.

Получивъ это письмо, Сунь-цюань долго не могъ рѣшить, чью сторону слѣдуетъ принять и вообще, слѣдуетъ ли ему вмѣшиваться въ распри Цао-цао съ Лю-бэйемъ?

*См. „Цюань-ту сань-го янь-в“, часть 22, глава 33, стр. 1.

Великій Чжу-го Лянъ узналъ, конечно, объ этомъ письмѣ. Зная, что союзъ Цао съ Сунемъ будетъ равносильнъ смертному приговору для его друга и повелителя Лю-бэйя, Чжу вмѣстѣ съ гостившимъ у него его другомъ Лу-су поспѣшилъ въ ставку Сунь-цюаня. Лу-су былъ уроженцемъ государства У и занималъ видное мѣсто при дворѣ Сунь-цюаня, что было, конечно, большимъ козыремъ въ рукахъ Чжу-го Ляна.

Дорогою Лу-су, намѣчая планъ дѣйствій, совѣтовалъ Чжу-го Ляну на разспросы Сунь-цюаня о величинѣ Цао-цаоской арміи отнюдь не говорить, что она велика, а наоборотъ, уменьшать ея численность, и доказывать, что Цао лжетъ въ своемъ письмѣ.

Чжу и Лу какъ-разъ во-время прибыли къ ставкѣ Сунь-цюаня, потому что онъ въ это время уже собралъ совѣтъ для обсужденія письма Цао-цао.

Лу поспѣшилъ на совѣтъ, а Чжу-го Лянъ, никому не показываясь, остался въ той гостиницѣ, въ которой остановился.

Собраніе было блестящее—все совѣтники, князья, все высшіе гражданскіе и военные чины.

— „Ну“, сказалъ Сунь-цюань, обращаясь къ Чжанъ-чжао: „вы нашъ старшій совѣтникъ: мы бы хотѣли знать ваше мнѣніе“.

Чжанъ-чжао—старый, испытанный царедворецъ, всталъ, поклонился собранію и сказалъ:

— „Государь! Какъ мы можемъ обсуждать письмо Цао-цао? Вѣдь онъ—правая рука императора; слѣдовательно—его желаніе все равно, что приказъ императора. А съ другой стороны—внѣ сомнѣнія, что не сегодня—завтра Цао овладѣетъ всей областью Цзинь-чжоу, т. е. райономъ, расположеннымъ выше насъ по теченію рѣки Янь-цзы. Азбука же стратегіи говоритъ, что легко вести войну, идя внизъ по теченію рѣки или съ сѣвера на югъ, и трудно—поднимаясь по рѣкѣ или съ юга на сѣверъ. Поэтому мы не въ силахъ будемъ сопротивляться Цао, когда онъ двинется на насъ отъ Цзинь-чжоу. Очевидно—выбора нѣтъ: мы должны подчиниться требованіямъ Цао!“

Все лѣвое крыло совѣта, гдѣ сидѣли гражданскіе чины, закивало головами и сдержанно, но безъ колебаній, подтвердило:

— „Да, да, Чжанъ-чжао совершенно правъ!“

Военные молчали. Сунь-цюань опустил голову, прислушивался къ переговорамъ сановниковъ между собою и тоже молчалъ.

Наконецъ онъ всталъ и вышелъ изъ зала совѣта. Лу-су тоже всталъ и вышелъ за нимъ.

Сунь обернулся, и увидѣвъ Лу-су, котораго онъ уважалъ, — взялъ его за руку и спросилъ:

— „Лу-су, скажите ваше мнѣніе, какъ быть?“

— „Государь“, сказалъ Лу-су: „все, что говорилось сейчасъ въ совѣтѣ, — сплошная ложь!“

Трудно встрѣтить въ совѣтѣ, особенно въ китайскомъ, такого человѣка, который одинъ рѣшился бы идти противъ общаго мнѣнія, какъ бы абсурдно оно ни было. Поэтому Сунь-цюань очень заинтересовался и спросилъ его:

— „Почему вы такъ думаете?“

— „Государь! Всѣ тамъ сидящіе хотятъ покориться Цао-цао, но вы, великій Цзянь-цзюнь, покориться не можете...“

— „Почему не могу?“

— „Потому, что Цао-цао всѣхъ ихъ сдѣлаетъ у себя такими же сановниками, какими они служатъ теперь у васъ; а что же онъ можетъ сдѣлать съ вами или дать вамъ? Онъ или предастъ васъ смерти, или, въ лучшемъ случаѣ, наградитъ васъ ничтожнымъ чиномъ, дастъ вамъ лошадь, телѣгу и нѣсколькихъ слугъ... При такихъ условіяхъ можете ли вы быть тогда государемъ?“

Сунь крѣпко сжалъ руку Лу:

— „Вѣрно, вы одни поняли суть дѣла и сказали то, что я думаю. Всѣ остальные неправы... Но вѣдь у Цао-цао огромная армія, которой нельзя не бояться; онъ разбилъ Лю-бяо и остатки войскъ послѣдняго перешли на сторону Цао-цао. Какъ же быть?“

— „Государь! Все, что касается арміи Цао-цао, отлично знаетъ Чжу-го Лянъ, главный совѣтникъ Лю-бэйя. Я пригласилъ его сюда — спросите у него!“

— „Да развѣ онъ здѣсь?“

— „Да, онъ пріѣхалъ вчера, но никуда изъ своей гостиницы не показывается“.

— „Жаль, что сегодня уже поздно“, сказалъ Сунь: „но завтра я непременно повидаяю его“.

На другой день Чжу-го Ляна пригласили къ князю. Но, когда Чжу вошелъ въ пріемный залъ, то Сунь сразу къ нему не вышелъ, а къ нему, одинъ за другимъ, вошли все мужи совѣта. Вѣроятно Сунь хотѣлъ, чтобы съ одной стороны Чжу-го Лянъ сдѣлалъ оцѣнку каждому изъ его совѣтниковъ, а съ другой—узнать мнѣніе ихъ и о Чжу-го Лянѣ, слава о мудрости котораго уже облетѣла всю Поднебесную.

Больше двадцати человекъ приходили къ Чжу, стараясь поразить его своими рѣчами и великолѣпіемъ своего платья...

Когда все были въ сборѣ, Чжу занялъ мѣсто, предназначенное для гостя, и справился о фамиліяхъ всехъ присутствовавшихъ; главный совѣтникъ Чжанъ-чжао спросилъ у Чжу-го Ляна:

— „Я отлично знаю, что вы—замѣчательный ученый. Но правда ли, будто вы говорили, что вы обладаете большей ученостью, чѣмъ Гуанъ-чжунъ (канцлеръ государя Ци Хуань-гуна*) время Ци-го, періода Чунь-цю) и Юэ-и? (канцлеръ государства Янь, того же времени, извѣстный военачальникъ и государственный мужъ).“

Кунъ-минъ отвѣтилъ:

— „Да, я говорилъ, что знаю больше ихъ, потому что каждое новое поколѣніе знаетъ то, чего не знали ихъ предки“.

Чжанъ-чжао злорадно усмѣхнулся:

— „Я слышалъ, что Лю-бэй трижды приходилъ къ вамъ въ шалашъ, приглашая васъ къ себѣ совѣтникомъ. Какъ же это могло случиться, что теперъ Цао-цао захватываетъ Цзинь-чжоу? Что же теперь дѣлать?“

Кунъ-минъ отлично понялъ насмѣшку, но сдѣлалъ видъ, что не видитъ скорпіоноваго жала.

— „Овладееть райономъ рѣки Хань въ сѣверной части Цзинь-чжоу“, спокойно отвѣтилъ Кунъ-минъ, „для моего повелителя Лю-бэйя было бы ничуть не труднѣе, чѣмъ мнѣ перевернуть ладонь“.

*). 683—642 г. до Р. Х., князь удѣла Цп.

собственной руки. Но Лю-бяо принадлежит къ одной фамиліи съ Лю-бэйемъ. Лю-бэй — человекъ добрый, милостивый и вѣрный, на котораго каждый его союзникъ можетъ вполне положиться. Поэтому я не могу наложить руку на владѣнія Лю-бяо. Къ сожалѣнію Лю-цзунъ, сынъ Лю-бяо, обманутый чужими словами, покорился Цао-цао. Въ настоящее время мой государь находится въ городѣ Цзянь-ся (нынѣ У—чань). У него совсѣмъ другіе планы, въ которые не только вы не можете проникнуть, но даже и я не вполне знаю“.

Чжанъ-чжао торжествовалъ; ему показалось, что Чжу-го Лянь запутался въ собственныхъ словахъ.

— „Ну, господинъ Чжу“, сказалъ онъ: „въ такомъ случаѣ ваши слова расходятся съ дѣломъ. Вы—выше Гуанъ-чжуна и Юэ-и; но Гуанъ-чжунъ сдѣлалъ Хуанъ-гуна царемъ удѣла Ци, и первымъ изъ пяти „ба“ (предводителей общеимперскихъ войскъ). Въ свою очередь и государство Янь, благодаря Юэ-и, достигло такого могущества, что отняло у государства Ци болѣе семидесяти городовъ... Да, видно, что эти два человека были мудры. А вы... вы только учились въ вашемъ соломенномъ шалашѣ! Теперь вы слѣдуете за Лю-бэйемъ. Я полагаю, что вы ошибаетесь; и вы много еще должны послужить, чтобы загладить свои ошибки. Если бы Лю-бэй не встрѣтилъ васъ,—его дѣла навѣрно шли бы лучше... Вотъ недавно онъ потерялъ городъ Синь-ѣ и убѣжалъ въ городъ Фань-чэнъ; городъ Данъ-янъ, въ свою очередь, сдался войскамъ Цао-цао, и вы принуждены будете отступить до города Ся-коу (Хань-коу). Благодаря вашимъ совѣтамъ, Лю-бэй теряетъ городъ за городомъ.. Ну, скажите пожалуйста, Гуанъ-чжунъ и Юэ-и такъ поступали или нѣтъ?... Пожалуйста не обижайтесь на мои слова!“

Кунъ-минъ разсмѣялся:

— „Птица Пэнъ можетъ пролетѣть 90.000 ли; я—Пэнъ, а вы—обыкновенная птица“ (Пэнъ—огромная птица, упоминаемая въ древнихъ китайскихъ книгахъ, между прочимъ, въ книгѣ Шанъ-хай цзинъ, собранной ученымъ Го-пу при династіи Цзинь 265—290 годахъ). „Если человекъ жестоко боленъ“,—продолжалъ Кунъ-минъ:—„то сначала даютъ ему ѣсть жидкую кашу, а потомъ

нѣжныя лекарства. Когда онъ станетъ постепенно поправляться, тогда его усиленно питаютъ, даютъ и мясо. И только тогда, когда онъ достаточно окрѣпнетъ,—тогда только даютъ ему сильно-дѣйствующія средства... Если же слабый приметъ сильное лѣкарство—онъ умретъ... Въ Данъ-янѣ, Фанъ-чэнѣ и Ся-коу у Любэйя не было и тысячи солдатъ, а изъ офицеровъ были только Чжанъ-фэй, Чжао-юнь и Гуанъ-юй. Лю-бэй теперь является тѣмъ же слабымъ больнымъ. Войскъ у него было очень мало,—поэтому онъ и терялъ города. Кромѣ того, и тѣ ничтожныя силы, которыми онъ располагалъ,—были только-что набраны и не обучены, провіантъ весь вышелъ,—и все-таки онъ два раза разбилъ Цао-цао, хотя у того было нѣсколько десятковъ тысячъ людей. Я думаю, что при такихъ обстоятельствахъ Гуанъ-чжунъ и Юэ-и не лучше бы дѣйствовали... А вспомните, напримѣръ, основателя Ханьской династіи Лю-бана (Хань Гао-цзу), когда онъ боролся съ Сянъ-юйемъ; вѣдь сколько разъ Гао-цзу терпѣлъ неудачи? А потомъ вѣдь онъ побѣдилъ Сянъ-юйя и съ одного раза покончилъ съ нимъ... Такъ будетъ и съ Лю-бэйемъ. Вы очень много и хорошо говорите, но когда дойдетъ до дѣла, то ничего не въ состояніи сдѣлать. Вотъ и теперь: враждебная армія надвигается на васъ; а есть ли у васъ какое-либо средство остановить ее?'

Смущенный Чжанъ-чжао ничего не отвѣчалъ. Но другіе савновники—Бу-чжи, Юй-фанъ, Сюэ-цзунъ и прочіе сторонники Чжанъ-чжао обступили Чжу-го Ляна и вступили съ нимъ въ споръ. Но Кунъ-минъ закрывалъ ротъ противникамъ логичностью своихъ доводовъ.

— „Господа“, сказалъ потихоньку вошедшій въ это время Хуанъ-гай—извѣстный своей разсудительностью офицеръ: „перестаньте спорить съ Чжу-го Ляномъ и задѣвать его; вѣдь теперь война, войска Цао-цао приближаются, и, повѣрьте, знанія и опытъ Кунъ-мина намъ еще очень пригодятся!“

Въ это время Сунь-цюань пригласилъ Чжу-го Ляна въ сосѣдній покой.

Послѣ обычныхъ привѣтствій Сунь задалъ Кунъ-мину вопросъ, который предвидѣлъ Лу-су:

— „Вы воевали съ Цао; вѣроятно вы знаете численность его арміи?“

— „Да, знаю“, отвѣчалъ Чжу: „у Цао болѣе милліона людей“.

Сунь изумился:

— „Вѣрно ли это?“

— „Совершенно вѣрно: въ Цинь-чжоу у Цао имѣется двадцать тысячъ; въ Цзи-чжоу, сѣвернѣе Хуань-хэ, онъ разбилъ Юань-шао и взялъ у него отъ пятисотъ до шестисотъ тысячъ; въ Цзинь-чжоу у него отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ, да еще вновь набранныхъ будетъ тысячъ триста или четыреста. Итого у Цао около милліона человекъ. Я говорю—около милліона, чтобы васъ не испугать; но я убавилъ... Нужно считать больше!“

У присутствовавшего при этомъ разговорѣ Лу-су потемнѣло лицо и онъ вытаращилъ глаза на своего друга; но Чжу сдѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ.

— „Сколько же офицеровъ у Цао?“ продолжалъ допрашивать Сунь.

— „Умныхъ и способныхъ—болѣе двухъ тысячъ“.

— „Послѣ захвата Цзинь-чжоу, куда Цао думаетъ двинуться?“

— „Конечно онъ двинется на васъ, на государство У!“

— „Что же, по вашему мнѣнію, намъ слѣдуетъ дѣлать, сопротивляться или нѣтъ? Посовѣтуйте!“

— „Я знаю, что слѣдовало бы сдѣлать: но боюсь, что вы моего совѣта все равно не исполните... У Цао-цао силы много, а у васъ мало; поэтому лучше ужъ склоните голову передъ Цао!“

— „А почему же Лю-бэй не покорился ему?“

— „Ну, Лю-бэй—другое дѣло; Лю-бэй герой, и никогда не покорится врагу!“

Сунь вскочилъ въ гнѣвъ, весь блѣдный; но сдержавъ себя, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

Поднялся шумъ. Всѣ присутствовавшіе насмѣхались надъ Кунь-миномъ, его грубостью, невоспиганностью и необразованностью.

Горше всѣхъ было Лу-су; онъ страдалъ и за Сунь-цюаня, и за своего друга.

— „Зачѣмъ вы такъ сказали?“ обратился онъ къ Чжу съ упрекомъ.

Чжу-го Лянъ разсмѣялся:

— „Я знаю, какъ можно легко побѣдить Цао, но Сунь меня объ этомъ не спросилъ; я и не сказалъ!“

Лу-су съ удивленіемъ и недоувѣріемъ слушалъ Чжу-го Ляна, который продолжалъ:

— „Хотя у Цао и огромная армія, но я смотрю на нее, какъ на кучу муравьевъ: стоитъ мнѣ ударить ихъ рукой,—и все они, какъ пыль разлетятся!“

Услышавъ это Лу-су бросился къ Сунь-цюаню. Но Сунь былъ взбѣшенъ и не хотѣлъ слушать Лу-су говоря, что Чжу жестоко его обидѣлъ.

— „Да нѣтъ же“, горячо прервалъ его Лу-су: „Кунъ-минъ знаетъ, какъ разбить Цао! Но вы не спросили его объ этомъ; поэтому онъ и не сказалъ!“

Этого Сунь никакъ не ожидалъ. Гнѣвъ его какъ рукой сняло, и онъ тотчасъ снова послалъ Лу-су за Кунъ-миномъ.

— „Простите меня, Кунъ-минъ, что я васъ не выслушалъ“, обратился Сунь къ входящему мудрецу.

— „И я васъ очень прошу извинить меня за мою грубость“, отвѣтилъ Чжу-го Лянъ, кланяясь.

— „Кунъ-минъ“, горячо обратился къ нему Сунь-цюань: „я глубоко ненавижу Цао-цао. Всѣхъ, кто шелъ противъ него—Лю-бу, Лю-бяо, Юань-шао, Юань-шу—всѣхъ ихъ онъ побѣдилъ и устранилъ съ своего пути. Остались только двое: я и Лю-бэй. Неужели же мое прекрасное, великое владѣніе У я отдамъ ему?! Да никогда и ни за что! Будь что будетъ, но я до конца буду бороться съ этимъ коварнымъ человѣкомъ, и прошу Лю-бэйя быть моимъ союзникомъ... Но только сможетъ ли онъ хоть чѣмъ-либо мнѣ помочь?“

— „Государь“, серьезно отвѣтилъ Чжу: „у Лю-бэйя, правда, всего двадцать тысячъ войска съ небольшимъ, Но если у насъ съ вами будетъ одно сердце—повѣрьте, мы побѣдимъ Цао.“

Хотя у него и много войска, — но въ немъ нѣтъ единодушія, и мы его непременно разобьемъ“.

Чжу-го Лянъ говорилъ съ такой увѣренностью, что вполнѣ убѣдилъ Сунь-цюаня, который съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ сказалъ:

— „Отлично!“

Снова собрали совѣтъ, но который пригласили Кунъ-мина, и снова всѣ гражданскіе чины доказывали необходимость покориться требованіямъ Цао, а всѣ военные — требовали войны. Поднялись горячіе споры — каждый приводилъ вѣскіе доводы въ пользу своего мнѣнія.

Слушая тѣхъ и другихъ, Сунь-цюанемъ овладѣло сомнѣніе: много ли у него было шансовъ на успѣхъ въ борьбѣ съ Цао?.. Онъ колебался въ принятомъ сначала рѣшеніи вести борьбу до конца, потихоньку вышелъ изъ помѣщенія совѣта и пошелъ къ себѣ домой.

Во внутреннемъ дворѣ его встрѣтила вторая мать, У-го тай-тай (т.-е. „госпожа“) государства У: это была младшая сестра его покойной матери, которая также была женой его отца).

Тетка, искренно любившая своего племянника-пасынка, видя его такимъ озабоченнымъ, — спросила:

— „Какъ дѣла? Почему вы не ѣли и не спали?“

— „Вы знаете, что Цао-цао идетъ войной на насъ... Я и противиться не рѣшаюсь, и не знаю, что предпринять“.

— „Развѣ вы забыли“, перебила его тетка, „предсмертная слова вашей матери, которая вамъ завѣщала при всѣхъ затрудненіяхъ во внутреннихъ дѣлахъ обращаться къ Чжанъ-чжао, а во внѣшнихъ дѣлахъ — къ Чжоу-юю?“ (Чжоу-юю, замѣчательный стратегъ, былъ тогда не у дѣлъ).

Сунь-цюань подумалъ — какъ это онъ раньше не вспомнилъ этихъ словъ матери? И тотчасъ послалъ въ Бо-янъ (Цянъ-си), гдѣ тогда жилъ Чжоу.

Черезъ нѣсколько дней Чжоу-юю былъ уже въ ставкѣ Суня. Встрѣтили его пышно: военные, сановники, мирные жители встрѣтили его передъ входомъ въ резиденцію князя, и каждый старался

*) Или бабушка.

ся внушить ему свои мысли: одни говорили, что нужно покориться, другие—что необходимо воевать. Но онъ всѣмъ отвѣчалъ, что только войной можно добиться мира.

На слѣдующій день снова всѣ собрались въ ямынь. Суня не было. Военные опять говорили: „Мы столько лѣтъ даромъ ѣли хлѣбъ,—теперь мы обязаны воевать“, а гражданскіе чины имъ противорѣчили.

Чжоу-юй, который на самомъ дѣлѣ въ душѣ очень побаивался вѣйской арміи, обратился къ Чжу-го Ляну и сказалъ:

—„Господинъ Чжу! Мы съ вами все равно уже союзники, какой бы оборотъ ни приняли наши дѣла. Поэтому скажите мнѣ безъ утайки, слѣдуетъ намъ воевать или нѣтъ?“

—„Ну конечно“, отвѣтилъ Кунь-минъ: „мы непременно должны открыть военныя дѣйствія противъ Цао-цао!“

—„Но вѣдь у него больше милліона людей?“

—„Пустяки“, разсмѣялся Чжу, „у Цао не больше двухсотъ тысячъ человѣкъ. Да кромѣ того изъ нихъ 70 или 80 тысячъ нестроевыхъ; слѣдовательно, подъ оружіе онъ можетъ выставить только сто двадцать или сто тридцать тысячъ.“

Чжоу-юй не могъ усумниться въ вѣрности расчетовъ Кунь-мина, принялъ окончательное рѣшеніе и убѣдилъ Суня въ правильности точки зрѣнія Чжу-го Ляна.

Значительной долей своихъ успѣховъ Цао-цао былъ обязанъ двумъ офицерамъ—Цай-мао и Чжанъ-юнь, которые были спеціалистами въ рѣчной войнѣ и отличались храбростью, распорядительностью и знаніемъ мѣстности. Такъ какъ вся война, въ сущности, велась на рѣкѣ Янъ-цзы и его притокахъ,—то понятно, почему Чжоу-юй такъ опасался этихъ офицеровъ и рѣшилъ передъ началомъ военныхъ операцій обезопасить себя отъ нихъ.

Однажды Чжоу-юйю доложили, что въ его отсутствіе приходилъ какой-то человѣкъ, желавшій быть принятымъ главнокомандующимъ, и оставилъ свою карточку. Чжоу-юй прочиталъ на ней: Цзянь-гань. Чжоу вспомнилъ одного изъ своихъ товарищей по

.....Цзянь-ганъ схватилъ письмо и спряталъ за пазуху.

школѣ, носившаго эти фамилію и имя. Еще и тогда Цзянь-гань отличался хитростью и проницательствомъ, и товарищи очень его не любили. Впослѣдствіи политическій разладъ разбросалъ ихъ въ разныя стороны; но Чжоу зналъ, что его однокашникъ состоитъ подъ другимъ уже именемъ въ числѣ приближенныхъ лицъ у Цао-цао.

„Нѣтъ сомнѣній“, думалъ Чжоу: „что это приходилъ именно онъ и, конечно, не спроста онъ сюда явился: или зло замышляетъ, или хочетъ вывѣдать у насъ положеніе дѣлъ... Ну, что же, поставимъ ловушку на крысу!“

Когда на другой день Цзянь-гань снова явился къ Чжоу-юю, —то былъ отлично встрѣченъ. Чжоу предложилъ Цзяню тотчасъ перебраться изъ гостиницы къ нему, и помѣстилъ гостя даже въ собственной рабочей палаткѣ. Затѣмъ въ честь его былъ устроенъ настоящій пиръ, причемъ Чжоу усиленно угощалъ товарища, и еще больше пилъ самъ, радуясь встрѣчѣ..

Въ результатѣ хозяинъ скоро настолько отяжелѣлъ, что едва могъ дойти до своего ложа, свалился и захрипѣлъ. Гость его тоже легъ на приготовленную ему постель; но черезъ минуту онъ приподнялся, и видя что Чжоу крѣпко спитъ,—всталъ, тихонько подошелъ къ столу и сталъ разсматривать всѣ лежавшія на столѣ и въ ящикахъ бумаги и документы. Каково же было его изумленіе, когда онъ въ одномъ изъ ящиковъ нашелъ письмо Цай-мао и Чжанъ-юня, въ которомъ эти офицеры предлагали Чжоу-юю убить Цао-цао!..

Цзянь-гань схватилъ это письмо и спряталъ за пазуху. Боясь, чтобы Чжоу не проснулся,—Цзянь окликнулъ его вполголоса: „Чжоу-юй!“ Но послѣдній не шевелился—очевидно не слыхалъ, и продолжалъ храпѣть.

Въ это время Цзянь слышитъ за палаткой шепотъ двухъ людей. Цзянь прислушался.

—„Можно теперь его убить, или нѣтъ?“ спрашивалъ одинъ голосъ.

—„Тише, услышитъ!“ остановилъ его другой..

Нѣтъ сомнѣнія,—кто-то злоумышляетъ противъ него; нужно поскорѣе уходить отсюда...

Вдругъ Чжоу-юй въ бреду заговорилъ пьянымъ голосомъ:
... „Черезъ три.. черезъ три дня я попрошу васъ посмотре-
рѣть на голову Цао-цао!“

— „Почему?“ рискнулъ спросить Цзянь.

Но Чжоу не отвѣчалъ и захрапѣлъ сильнѣе прежняго.

Передъ разсвѣтомъ Цзянь убѣжалъ изъ палатки своего „друга“. Вскорѣ онъ былъ уже въ лагерь Цао-цао и показалъ ему письмо, украденное у Чжоу-юйя.

Цао, и безъ того раздражительный,—пришелъ въ бѣшенство, и приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ Цай-мао и Чжанъ-юня.

— „А“, обратился онъ къ нимъ съ пѣной у рта: „вотъ и вы! Вы задумали отличное дѣло!“

Оба офицера, не зная, въ чемъ дѣло, были поражены. Но зная, что Цао не выноситъ противорѣчій, они молчали. Это молчаніе, принятое ихъ владыкой за признаніе ими своей вины,—еще больше взбѣсило Цао:

— „А, вы хотѣли, чтобы моя голова была черезъ три дня у Чжоу-юйя,—хорошо! Вонъ! Взять ихъ! Отрубить имъ головы!“

Обоихъ офицеровъ схватили и немедленно казнили.

Когда Цао немного успокоился,—его приближенные стали спрашивать, за что онъ казнилъ этихъ двухъ офицеровъ, бывшихъ ранѣе безупречными?

Цао-цао уже опомнился; онъ понялъ, что попался на чью-то удочку. Но онъ не хотѣлъ сознаться въ своей опрометчивости и сказалъ, что казнилъ Цао-мао и Чжанъ-юня за непростительные промахи въ военномъ дѣлѣ.

Но Цао-цао необходимо было знать, что дѣлается у Чжоу-юйя. Нужно послать развѣдчиковъ въ непріятельскій станъ. Хитрый Чжоу-юй уже раскрылъ одного шпіона; слѣдуетъ его перехитрить...

И Цао рѣшилъ использовать Цай-чжуна и Цай-хэ, двухъ младшихъ братьевъ казненнаго Цай-мао.

Нужно замѣтить, что эти три брата Цай были племянниками Лю-бяо; ихъ отецъ былъ старшимъ братомъ его жены.

Оба брата явились къ Чжоу-юю, и прикинувшись тяжело огорченными смертью брата,—сказали:

— „Цао-цао казнилъ нашего старшаго брата безъ всякой вины съ его стороны. Послѣ этого мы возненавидѣли Цао и не можемъ ему служить. Мы пришли вамъ поклониться и просить принять насъ къ себѣ!“

Чжоу-юй принялъ ихъ привѣтливо: „Благодарю васъ,—мнѣ нужны такіе люди, какъ вы“, сказалъ онъ, отпуская ихъ послѣ первой встрѣчи.

Братья не подозрѣвали, что благодаря совѣтамъ Чжу-го-Ляна,—Чжоу-юй читаетъ у нихъ въ сердцѣ, какъ по книгѣ.

Видя, что Цао-цао продолжаетъ посылать къ нему шпионовъ, Чжоу-юй рѣшилъ предпринять отвѣтные шаги, и призвавъ къ себѣ одного изъ своихъ офицеровъ, Хуанъ-гайя, составилъ съ нимъ планъ дѣйствій.

На другой день въ залѣ совѣта былъ обычный сборъ высшихъ чиновъ. Чжоу-юй, изобрѣтая ложный поводъ къ столкновению съ Хуанъ-гайемъ, заявилъ:

— „Господа военные! Вамъ слѣдовало бы получить провіантъ и фуражъ впередъ за три мѣсяца. Но я выдать вамъ не могу. Доставайте сами, какъ знаете!“

Хуанъ-гай громко отвѣтилъ:

— „Теперь не мирное время, купить негдѣ... Вѣйскія войска на насъ надвигаются. Не только на три мѣсяца, но и на десять дней я ничего не могу достать. Не голодать же мнѣ съ моими людьми и нашимъ конямъ! Если вы не разобьете Цао въ теченіе этого мѣсяца—то, конечно, придется ему покориться!“

Чжоу-юй сдѣлалъ видъ, что очень разсердился:

— „Это еще что за рѣчи я слышу?! А не было ли рѣшено на совѣтѣ драться съ врагами до конца, и, какъ измѣнника, казнить всякаго, кто будетъ послѣ этого приглашать къ покорности? Ты думаешь, что для тебя будетъ исключеніе?.. Нѣтъ, ты первый вносишь въ нашу среду разложеніе, ты и будешь первымъ преданъ смерти!“

Друзья Хуанъ-гайя обступили Чжоу-юйя и стали просить за него:

„У насъ и такъ мало талантливыхъ офицеровъ; не будемъ слѣдовать примѣру Цао-цао, изъ-за всякаго пустяка рубящаго головы своимъ людямъ—накажите Хуанъ-гайя, но не казните!“

Чжоу-юй сдался на просьбы, и приказалъ дать Хуанъ-гайю сто ударовъ.

Это приказаніе было сейчасъ же выполнено, но такъ жестоко, что когда послѣ экзекуціи Хуанъ-гайя посѣтилъ его близкій другъ, чиновникъ Канъ-чжэ,—то Хуанъ-гай былъ едва живъ...

—„Неужели вы и послѣ этого будете служить Суню?“ спросилъ возмущенный Канъ.

—„Конечно нѣтъ!“

—„Но вѣдь при теперешнихъ условіяхъ нельзя оставаться внѣ борьбы!“

—„Конечно нельзя!“

—„Слѣдовательно, вы полагаете...“

—„Не договаривайте: я васъ понимаю, Канъ. Да, я думаю *это* сдѣлать... Одного не знаю, какъ мнѣ переслать письма *туда*. Не сговорившись же, ничего предпринимать нельзя; слишкомъ рискованно...“

—„Я отвезу ваше письмо и переговорю обо всемъ,“ предложилъ Канъ.

Друзья на этомъ и порѣшили. Скоро Канъ уѣхалъ къ Цао, взявъ съ собой письмо Хуана, въ которомъ тотъ жаловался на Чжоу-юйя.

Цао-цао привѣтливо принялъ Канъ-чжэ; и какъ разъ въ это же время отъ Цай-чжуна и Цай-хэ прибылъ вѣстникъ, съ которымъ братья передали Цао много извѣстій изъ лагеря Чжоу и, между прочимъ, описали случай съ истязаніемъ Хуанъ-гайя.

Вскорѣ Канъ-чжэ вернулся домой, убѣдивъ Цао-цао въ томъ, что Хуанъ-гай ненавидитъ Чжоу-юйя. Самъ Канъ-чжэ искренно этому вѣрилъ.—

Однажды компанія оппозиціонно настроенныхъ офицеровъ пи-ривала въ домъ Хуанъ-гайя. Кромѣ хозяина, здѣсь были: Ганъ-нинъ, Канъ-чжэ, Цай-чжунъ и Цай-хэ. Ыли, пили и пѣли.

Когда всё порядочно подвыпили, Гань, Кань и Хуань начали бранить Чжоу-юйя.

— „Если такъ“, сказали братья Цай: „то не хотите ли вы перейти на сторону Цао?“

Офицеры, не зная истинной роли братьевъ Цай, перепугались, боясь, что тѣ проникли въ ихъ мысли и могутъ ихъ выдать. Они выхватили мечи и закричали:

— „Какъ, вы предлагаете намъ измѣну?“

— „Подождите, не убивайте насъ“, остановили ихъ братья: „вамъ бояться насъ нечего: вѣдь мы—агенты Цао-цао!“

Тѣ обрадовались и не стали больше скрывать своихъ замысловъ. Тотчасъ было написано письмо къ Цао съ просьбой о принятіи къ нему на службу Гань-нина, Кань-чжэ и Хуань-гайя.

Конечно, для Цао было чрезвычайно выгодно имѣть своихъ людей въ самомъ сердцѣ враждебнаго стана; но, искушенный въ интригахъ и коварствѣ,—онъ рѣшилъ сначала провѣрить, не обманываютъ ли его три У'скихъ офицера?

Съ этой цѣлью онъ снова послалъ въ лагерь Чжоу-юйя того же Цзянь-ганя, которому онъ безусловно довѣрялъ.

Но какъ только Цзянь-гань явился къ своему бывшему однокашнику, Чжоу-юй не только не выполнилъ церемоній встрѣчи, но даже закричалъ на него:

— „А, ты опять явился сюда! Ты прошлый разъ укралъ у меня письмо и испортилъ мнѣ все дѣло,—а теперь что тебѣ здѣсь нужно? Вонъ отсюда!“

Цзянь-гань не ожидалъ такой встрѣчи... Оставаться было нельзя; лодку, на которой онъ пріѣхалъ,—онъ уже отпустилъ; а по распоряженію Чжоу, ему не давали ни коня, ни лодки, ни проводника. Приходилось возвращаться во свояси пѣшкомъ.

Положеніе его было трудное: въ кошелькѣ денегъ очень мало, дороги онъ не знаетъ... Но раздумывать было нельзя—и онъ двинулся одинъ, наугадъ.

Стемнѣло. Хотя онъ и придерживался въ общемъ направленія рѣки, но въ сущности онъ брелъ наудачу по какимъ-то мало-

ѣжимъ дорогамъ. Кругомъ — ни души, не у кого спросить дорогу, негдѣ пріютиться...

Упала роса; Цзянь измучился и продрогъ до костей.

Какъ же онъ обрадовался, когда вдругъ замѣтилъ вдали огонекъ, который, казалось, привѣтливо звалъ его на ужинъ, отдыхъ и покой въ теплой фанзѣ...

Цѣликомъ, не разбирая дороги, Цзянь пошелъ на огонекъ и добрался до небольшой хижины, въ которой за простымъ столомъ сидѣлъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ необыкновенно красивымъ и интеллигентнымъ лицомъ. Передъ нимъ лежало нѣсколько книгъ военного содержанія и чертежи.

Хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ продрогшаго Цзяня, предложилъ чашку горячаго чая, и когда гость отогрѣлся, — спросилъ его фамилію. Когда Цзянь въ свою очередь справился о „драгоцѣнной“ фамиліи хозяина, — тотъ отвѣтилъ:

— „Моя „дешевая“ фамилія — Панъ-тунъ“.

Цзянь гань смотрѣлъ на него во всѣ глаза: такъ вотъ онъ какой — Панъ-тунъ, однокашникъ Чжу-го Ляна, знаменитый ученый, котораго Цао-цао много разъ приглашалъ къ себѣ на службу, но тотъ все отказывался!

(Въ Китаѣ во время безпрестанныхъ распрей каждый князь старался привлечь на свою сторону всѣхъ людей выдающагося ума и таланта, внѣ зависимости отъ мѣста ихъ рожденія. Но эти люди не являлись подданными того князя, у котораго служили, и при нежеланіи оставаться на службѣ у одного князя — переходили къ другому).

— „Почему же вы здѣсь въ одиночествѣ занимаетесь военными науками?“ полюбопытствовалъ Цзянь.

— „Я пришелъ было предложить свои услуги Чжоу-юю; но онъ оказался слишкомъ самоувѣреннымъ и отказался принять меня, такъ какъ у него есть уже слишкомъ много совѣтниковъ, и я теперь хочу вернуться домой. Но пробраться черезъ двѣ линіи враждующихъ войскъ очень трудно; и поэтому я пока принужденъ былъ задержаться здѣсь“.

Цзянь обрадовался — въ словахъ Панъ-туна ему послышалось

скрытое недовольство и раздраженіе противъ Чжу-го Ляна, ихъ главнаго врага. Онъ рѣшилъ использовать таланты знаменитаго ученаго, что въ глазахъ Цао-цао искупило бы неудачу его посольства къ Чжоу-юйю. Поэтому онъ прямо, безъ обычныхъ подходовъ, обратился къ хозяину:

— „Господинъ Пань! Отчего бы вамъ не навѣстить Мэнъ-дэ“? (прозвище Цао-цао).

— „Мэнъ-дэ?“... Пожалуй... Но я не знаю, пожелаетъ ли онъ теперь меня видѣть?“

— „Я ручаюсь вамъ, что онъ встрѣтитъ васъ съ радостью!“

Вопросъ былъ рѣшенъ—и Цзянь торжествовалъ, зная, какъ Цао высоко цѣнитъ Пана.

Пань-тунъ отлично зналъ дорогу, и на другой день оба они окольными путями, чтобы не натолкнуться на У'скія войска, двинулись въ путь.

Дѣйствительно, увидя Пана, Цао-цао былъ пріятно удивленъ. Онъ встрѣтилъ его съ почетомъ и пригласилъ за свой столъ.

Послѣ обѣда, показывая Пану войска, Цао просилъ гостя высказать откровенное мнѣніе объ его арміи.

— „Войска,“ отвѣтилъ Пань, „безспорно хороши. Но есть одно слабое мѣсто“...

— „Какое?“

— „Ваша огромная армія вся состоитъ только изъ сухопутныхъ войскъ. Войска же Чжоу-юйя—почти сплошь моряки, выросшіе на Великой рѣкѣ и привыкшіе дѣйствовать въ лодкахъ, какъ у себя дома. И, такъ какъ въ силу особенностей театра войны вамъ придется сталкиваться на водѣ, для чего вы уже приготовили огромный флотъ,—то незначительная непріятельская армія будетъ имѣть много шансовъ на своей сторонѣ“.

— „Что же дѣлать?“ спросилъ встревоженный Цао, которому никогда не приходило въ голову подобное соображеніе: „вѣдь въ короткій срокъ пѣхотинцевъ или кавалеристовъ нельзя сдѣлать моряками!“

— „Этого и не нужно; есть простой способъ помочь этому горю“.

— „Какой? Пожалуйста скажите!“

— „Способъ очень простой: прикажите всѣ ваши суда накрѣпко склотить вмѣстѣ гвоздями по двадцать или тридцать штукъ, да еще скрѣпите ихъ кругомъ цѣпями. Тогда получатся большія платформы, на которыхъ ваши пѣхотинцы будутъ отлично сражаться въ привычной обстановкѣ, какъ на сухомъ пути!“

Цао горячо благодарилъ Пана и просилъ его подольше погостить у него. Панъ благодарилъ, но предложенія не принялъ говоря, что онъ рѣшилъ отказаться отъ принятія активнаго участія въ военныхъ дѣлахъ, а думаетъ заняться только сельскимъ хозяйствомъ.

— „Но если вы будете имѣть свѣдѣнія о Чжоу-юйѣ, будете ли мнѣ сообщать?“ спросилъ на прощанье Цао.

— „Конечно, конечно,“ отвѣтилъ Панъ и уѣхалъ.

Несмотря на неудачу поѣздки Цзянь-ганя, Цао былъ доволенъ какъ свѣдѣніями, собранными имъ по поводу Хуанъ-гайя, такъ и тѣмъ, что онъ привезъ Панъ-туна. Въ искренность же Хуанъ-гайя и его товарищей Цао повѣрилъ вполне, и вступилъ съ ними въ переписку.

Былъ 11-й мѣсяцъ, и холодъ, приносимый обычнымъ въ это время года сѣверо-западнымъ вѣтромъ, давалъ себя чувствовать, особенно по ночамъ. Всѣхъ тянуло къ теплымъ семейнымъ очагамъ... Тѣмъ не менѣе, хотя военныя дѣйствія и пріостановились, но напряженное ожиданіе заставляло быть на чеку обѣ стороны: и небольшое войско Чжоу-юйя, расположившееся на правомъ, юго-восточномъ берегу Великой рѣки, и громадное войско Цао-цао, стоявшее на лѣвомъ, сѣверо-западномъ берегу.

Но врядъ ли у кого было сомнѣніе въ исходѣ борьбы: могли ли Чжоу-юй съ нѣсколькими тысячами людей и сотнею лодокъ противиться миллионной арміи Цао-цао, у котораго были и пѣхота, и кавалерія, и тысячи огромныхъ, новыхъ лодокъ стояли у берега, тѣсно прижавшись другъ къ другу и образуя одинъ непрерывный огромный помостъ?

Разсматривая издали непріятельскій флотъ, Чжоу-юй думалъ: „Вотъ хорошо бы сжечь его!“

Но этотъ проклятый ровный сѣверо-западный вѣтеръ, который будетъ дуть еще четыре мѣсяца — дѣлалъ невыполнимымъ такое предпріятіе, потому что оторвавшіяся лодки понесло бы на юго-востокъ, и пожаръ перекинуло бы на лагерь самого Чжоу-юйя.

Чжоу ходилъ такимъ озабоченнымъ и сумрачнымъ, что наконецъ Чжу-го Лянъ спросилъ, что его такъ беспокоитъ?

— „Послушайте, Кунъ-минъ,“ раздраженно сказалъ Чжоу: „что бы вы ни говорили,—но открытая борьба съ Цао немислима. Нужно во что бы то ни стало уничтожить его флотъ,—а сдѣлать это почти невозможно“...

— „Вы совершенно правы“, спокойно отвѣтилъ Чжу-го: „и я никогда не рекомендовалъ вамъ бить непріятеля въ лобъ. Но вы только что сказали, что уничтожить Вэйскій флотъ почти нельзя; слѣдовательно, есть какая-то возможность это сдѣлать... И я скажу, что вы совершенно правы; и въ этомъ „почти“—я съ вами вполне согласенъ!“

Чжоу-юй насторожился:

— „Что вы этимъ, Кунъ-минъ, хотите сказать? Ужъ не намекаете ли вы, что знаете мои мысли?“

Чжу-го Лянъ усмѣхнулся:

— „Я вовсе не претендую на званіе чтеца мыслей, но ваши мысли въ данномъ случаѣ узнать весьма не трудно!“

— „Ну, попробуйте, мудрецъ“, сказалъ насмѣшливо Чжоу: „только не говорите, а то вѣдь уши вездѣ могутъ расти,—а напишите!“

Чжу-го Лянъ спокойно сказалъ:

— „Хорошо! Напишите на ладони то, что вы думаете, а я напишу на своей, и покажемъ другъ другу—тогда увидимъ, понимаю ли я васъ, или нѣтъ?“

Чжоу-юй давно уже тайнѣ ненавидѣлъ Чжу-го Ляна; никто не могъ проникнуть въ его, Чжоу-юйя, планы,—и только этотъ дерзкій пришелецъ, постоянно берущій на себя роль руководителя и опекуна,—смѣетъ думать, что онъ умнѣе! Недаромъ же многіе потихоньку предостерегаютъ его отъ Чжу-го Ляна...

Чжоу захотѣлъ отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя, и рѣшилъ для этого воспользоваться настоящимъ случаемъ:

— „Вы, Кунъ-минъ, очень увѣрены въ себѣ“?

— „Да, увѣренъ“!

— „Если такъ, то чѣмъ вы ручаетесь?“

— „Своею головой!“

— „Ну“, подхватилъ обрадованный Чжоу-юй: „смотрите же, не забудьте своихъ словъ!“

„Прославленный мудрецъ глупо лѣзетъ въ ловушку“, зло-радно думалъ Чжоу, взявши кисть и надписывая у себя на ладони лѣвой руки какой-то іероглифъ.

Кунъ-минъ въ то же время также написалъ у себя на ладони что-то. Одновременно они подняли сжатые въ кулакъ лѣвыя руки передъ лицомъ другъ друга, медленно разжали пальцы, и...

У Чжу-го Ляна на рукѣ былъ написанъ іероглифъ „хо“, — огонь, тотъ же самый, который у себя написалъ и Чжоу-юй.

Главнокомандующій покраснѣлъ отъ гнѣва—онъ убѣдился, что Кунъ-минъ его дѣйствительно понимаетъ... Но онъ сдержалъ свой гнѣвъ, принудилъ себя улыбнуться и сказалъ:

— „Да, вы угадали... Я думаю давно, что нужно пустить въ ходъ это средство; но оно одно безъ другого безсильно—а другого быть не можетъ!“

— „Я знаю, о чемъ вы говорите“, возразилъ спокойно Чжу-го,—какъ по раскрытой книгѣ читавшій въ душѣ Чжоу-юйя: „вамъ недостаетъ этого“—и онъ на своей рукѣ подъ словомъ „хо“ написалъ другой іероглифъ: „фынь“, вѣтеръ.

Чжоу-юй пожалъ плечами: „первое—въ нашемъ распоряженіи; но второе—нѣтъ!“

— „Вы ошибаетесь“, снова возразилъ Чжу-го Лянъ: „у насъ будетъ и второе!“

Этого Чжоу-юй ужъ никакъ не ожидалъ. Что Кунъ-минъ могъ узнать его планы—это не такъ ужъ трудно; но чтобы измѣнить законы природы и заставить вѣтеръ дуть въ другую сторону—это, конечно, пустая похвальба зазнавашагося царедворца-интригана, мнящаго себя великимъ ученымъ...

— „А если не будетъ?“ сказалъ онъ.

— „Тогда остается въ силѣ наше условіе“, совершенно спокойно отвѣтилъ Чжу-го: „но только прошу, чтобы всѣ мои распоряженія были выполнены!“

— „Дѣлайте, какъ знаете“, сказалъ раздраженно Чжоу-юй и вышелъ изъ палатки.

Недалеко отъ лагеря У'скихъ войскъ, на горѣ Нань-пинъ-шань, вблизи отъ стоявшей на берегу Великой рѣки Чи-би („красной стѣны“), Чжу-го Лянъ приказалъ построить квадратную трехъ-ярусную башню, имѣвшую видъ трехъ терасъ, поставленныхъ одна на другую, причемъ каждая верхняя терасса была меньше нижней; высота каждого яруса равнялась тремъ чи (полтора аршина), а длина каждой стороны нижняго яруса равнялась двадцати четыремъ чжанамъ (240 чи, т. е. сорока саженьямъ).

Вдоль каждой стороны нижняго яруса стояли по семь человекъ, держа въ рукахъ знамена съ изображеніемъ двадцати восьми созвѣздій: на восточной сторонѣ знамена были зеленыя, на сѣверной—черныя, на западной—бѣлыя, и на южной—красныя.

На второмъ ярусѣ стояли шестьдесятъ четыре человека, по шестнадцать на каждой сторонѣ, держа въ рукахъ желтыя знамена съ изображеніемъ ба-гуа („восемь діаграммъ“ императора Фу-си, дополненныя Чжоу-гуномъ и Вэнь-ваномъ до 64).

По угламъ верхняго, самаго меньшаго яруса, стояло четыре человека въ черныхъ одеждахъ, Широкихъ поясахъ и красныхъ башмакахъ. Въ рукахъ одного, передняго съ лѣвой стороны, былъ длинный шестъ съ пучкомъ пѣтушиныхъ перьевъ наверху; стоявшій справа отъ него держалъ знамя съ изображеніемъ Большой Медвѣдицы. Тѣ, кто были сзади, держали: лѣвый—мечъ, а правый—курильницу.

Кромѣ того, внизу, вокругъ этой башни, или вѣрнѣе—гигантскаго ступеньчатаго жертвенника, стояли еще двадцать четыре человека, держа въ рукахъ протазаны, знамена, хоругви, зонтики, мао (бунчуки) и тому подобные символы или знаки власти.

20-го числа 11-го мѣсяца (208-го года нашей эры) Чжу-го Лянъ взошелъ на вершину башни. Онъ возжегъ фиміамъ духамъ

природы и совершилъ девятикратное кэ-тоу (земные поклоны) на четыре стороны всѣмъ созвѣздямъ.

Чжоу-юй насмѣшливо слушалъ доклады своихъ соглядатаевъ, наблюдавшихъ за Чжу-го Ляномъ, потому что давно установившійся ровный сѣверо-западный вѣтеръ продолжалъ дуть безъ перерыва. Но когда 21-го числа вѣтеръ вдругъ спалъ,—Чжоу встревожился.

22-го былъ прекрасный тихій день, такъ же, какъ и утро 23-го. Но въ этотъ день послѣ полудня, къ великому удивленію всѣхъ, вдругъ потянулъ легкій юго-восточный вѣтеръ, и чистое до сихъ поръ небо стало покрываться все увеличивающимися облаками...

Чжоу-юйемъ овладѣли одновременно и гнѣвъ прогивъ Чжу-го Ляна, и испугъ передъ могуществомъ этого человѣка. Но гнѣвъ взялъ верхъ...

— „Какъ бы ни былъ полезенъ мнѣ этотъ человѣкъ,—но я не могу находиться въ вѣчной зависимости отъ него, въ вѣчной тревогѣ, что этотъ проклятый волшебникъ во всякую минуту можетъ проникнуть въ мои планы, можетъ прочесть мои мысли... Пора отъ него отдѣлаться!“

Чжоу-юй потребовалъ къ себѣ двухъ преданныхъ ему офицеровъ, Динъ-фына и Сюй-шэна, отличавшихся исполнительностью, и приказалъ имъ убить Чжу-го Ляна.

Убійцы узнали, что Кунъ-минъ находится въ рыбацкой хижинѣ на берегу Великой рѣки, и взявъ съ собою нѣсколькихъ солдатъ,—пошли къ хижинѣ, чтобы выполнить свое гнусное дѣло.

Хозяйка хижины предупредила Чжу, что къ нимъ идутъ какіе-то люди. Кунъ-минъ догадался, въ чемъ дѣло, вышелъ спѣшно изъ хижины и скрылся въ прибрежномъ камышѣ.

Убійцы пришли въ хижину, и не видя тамъ Кунъ-мина, стали его искать.

— „Гдѣ Чжу-го Лянъ?“ спросилъ Динъ-фынъ.

— „Сейчасъ вернется“, отвѣтила хозяйка: „онъ пошелъ только за естественною надобностью!“

Но въ этотъ моментъ Сюй-шэнь, наблюдавшій за берегомъ съ вѣзъ разорванную бумагу окна, увидѣлъ маленькую легкую лодку, прорѣзавшую заросли тростника, и въ ней—спину Чжу-го Ляна.

— „Вотъ онъ, вотъ онъ, смотрите!“ закричалъ Сюй-шэнъ. Всѣ бросились къ окну, разрывая кулаками бумажную раму.

— „Конечно это онъ“, воскликнулъ, Динъ-фынь: „скорѣе за нимъ!“

Покаместъ солдаты добѣжали до лодки, пока ее сдвинули съ берега въ воду, — прошло порядочно времени, и Чжу на своей маленькой лодочкѣ успѣлъ отплыть уже далеко. Но преслѣдователи подняли парусъ, и ихъ крупная лодка, забравъ хорошій попутный вѣтеръ, — стала быстро догонять утлую лодченку, въ которой было только два гребца: Чжао Цзы-лунъ и мальчикъ; самъ же Кунъ-минъ сидѣлъ на рулѣ.

Погоня все приближалась, и спасеніе Чжу казалось невозможнымъ.

Тогда Чжао Цзы-лунъ, Чжуголяновскій офицеръ и знаменитый стрѣлокъ изъ лука, бросилъ весло и взявъ свой, никогда до сихъ поръ не измѣнявшій ему лукъ, сталъ натягивать тетиву.

— „Не стрѣляйте въ людей“, сказалъ ему Кунъ-минъ.

— „Я знаю“, отвѣчалъ Цзы-лунъ.

Стрѣла запѣла — и въ тотъ же моментъ большой парусъ преслѣдовавшей лодки упалъ и накрылъ всѣхъ людей: стрѣла Чжао Цзы-луна перерѣзала гитовъ (веревку, поддерживающую парусъ).

Когда преслѣдователи съ бранью выкарабкались изъ подъ паруса, — маленькая лодка ушла уже такъ далеко, что никакая стрѣла не могла ее достать. Вновь поднять парусъ не было никакой возможности, потому что узелъ двухъ сращенныхъ концовъ гитова не проходилъ въ блокъ, а новой веревки, второпяхъ, преслѣдователи не взяли.

Чжао Цзы-лунъ не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— „Передайте Чжоу-юю, не хочетъ ли онъ самъ насъ догонять; но только пусть онъ не забудетъ, что слѣдующая стрѣла попадетъ не въ веревку, а въ глаза!“

Наступилъ моментъ, когда нужно было дѣйствовать. Согласно выработанному съ Чжу-го Ляномъ плану, Чжоу-юй рѣшилъ занять удобные пункты на всѣхъ возможныхъ для Цао-цао путяхъ

отступленія. Поэтому въ Хуанъ-чжоу онъ послалъ храбраго Тай Ши-цы съ двумя тысячами человѣкъ; въ У-линь отправилъ Люй-мэна съ тремя тысячами солдатъ; въ И-линь—хитраго Линь-туна съ двумя тысячами людей. Въ самый же важный пунктъ, въ Хань-янъ, послалъ два отряда: Дунъ-си и Пань-чжана, у которыхъ было у каждого по три тысячи человѣкъ. Главной цѣлью операцій всѣхъ этихъ отрядовъ былъ захватъ самого Цао-цао въ случаѣ его бѣгства.

Не довольствуясь охраной важнѣйшихъ пунктовъ войсками Чжоу-юйя, Чжу-го Лянъ къ этому рѣшительному дню передвинулъ также войска своего друга и повелителя Лю-бэйя въ районъ Чи-би (красной стѣны), близъ которой стоялъ флотъ Цао-цао. Чтобы преградить ему дорогу на У-линь въ случаѣ, если бы Цао захотѣлъ бѣжать на этотъ городъ, Кунъ-минъ, въ помощь отряду Люй-мэна, приказалъ умному, талантливому офицеру Чжао-юню съ трехтысячнымъ отрядомъ скрыться около большого, заросшаго тростникомъ болота, расположеннаго у этого города и черезъ которое проходилъ единственный путь.

Своего друга, знаменитаго Чжанъ-фэйя, Чжу-го Лянъ просилъ также съ трехтысячнымъ отрядомъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки и занять позицію у города И-линь (нынѣ И-чанъ), и предупредилъ его, что черезъ два дня будетъ дождь, а послѣ дождя, къ обѣду,—туда придетъ Цао-цао...

Чжанъ-фэй былъ изумленъ, не находя связи между дождемъ и Цао-цао; но, вѣря въ мудрость своего друга,—онъ въ точности выполнилъ просьбу Кунъ-мина.

На случай, если бы Цао-цао удалось перебраться черезъ рѣку, Чжу-го Лянъ просилъ Лю-ци, сына Лю-бэйя, занять городъ У-чанъ и охранять его отъ врага.

Самъ Чжу-го Лянъ съ Лю-бэйемъ берегли пути у Фанъ-коу.

Для захвата непріятельскаго имущества у Чи-би были посланы съ небольшими отрядами офицеры Ми-чжу, Ми-фанъ и Лю-фынъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ видныхъ сторонниковъ Чжу-го Ляна, только самый выдающійся, не знающій страха и упрека, впоследствии самъ богъ войны—Гуанъ-юй, не получилъ никакого назначенія...

Такое, какъ думалъ послѣдній пренебреженіе, больно ударило его въ сердце. Онъ явился къ Кунъ-мину и сказалъ:

— „Послушайте, другъ! Много лѣтъ я бокъ о бокъ съ Любэйемъ сражался противъ нашего общаго врага; сегодня произойдетъ великая, рѣшающая исходъ всего дѣла битва,—и вдругъ я оказался ненужнымъ. Почему это?“

— „Извините меня“, отвѣтилъ Кунъ-минъ, подумавъ: „я хотѣлъ бы просить васъ идти въ одно очень важное мѣсто,—но не рѣшаюсь“...

— „Въ чемъ же дѣло?“

— „Я знаю, что вы раньше были въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Цао, который осыпалъ васъ своими милостями. Теперь Цао непременно будетъ разбитъ, и въ концѣ концовъ бросится къ Хуа-жунъ-дао. Вы не разъ говорили, что если кто нибудь когда либо относился къ вамъ хорошо,—вы никогда этого не забудете и оплатите ему тѣмъ же. Если я пошлю васъ въ этотъ крайне важный пунктъ, то боюсь, что вы выпустите врага“.

— „Вы ошибаетесь!“ возразилъ задѣтый за живое Гуань-юй: „подобной вещи я никакъ сдѣлать не могу, потому что захватъ врага—государственное дѣло, а я своихъ личныхъ дѣлъ со служебными не путаю!“

И, взявъ свой отрядъ, Гуань-юй поспѣшилъ къ Хуа-жунъ-дао.

Въ тотъ же день утромъ Хуанъ-гай послалъ къ Цао-цао гонца съ письмомъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, онъ не только самъ пріѣдетъ къ нему,—но приведетъ съ собою цѣлую толпу его горячихъ сторонниковъ, ненавидящихъ Чжоу-юйя. Но чтобы отплыть незамѣченными,—имъ нельзя будетъ взять большія лодки, а придется воспользоваться лишь малыми, на которыхъ будетъ легче ускользнуть и обмануть бдительность У'скихъ часовыхъ.

Получивъ это письмо, Цао-цао торжествовалъ. Значитъ, дѣла Чжоу-юйя дѣйствительно плохи, если умный Хуанъ-гай рѣшилъ открыто перейти на его, Цао, сторону. Кромѣ того, оче-

видно, что онъ переманилъ наиболѣе дѣльныхъ офицеровъ Чжоу-юя,—чѣмъ еще болѣе ослабить врага...

Цао былъ очень доволенъ и отдалъ по своему флоту распоряженіе—не поднимать тревоги, если ночью къ нимъ будутъ подходить со стороны непріятели маленькія лодки, сколько бы ихъ ни было.

Весь этотъ день Хуанъ-гай былъ занятъ сборомъ небольшихъ быстроходныхъ лодокъ и какими то странными приготвленіями: на носу большинства лодокъ въ форштевень было крѣпко вбито по нѣсколько длинныхъ заершенныхъ гвоздей, грозно торчавшихъ впередъ. Всѣ лодки, у которыхъ на носу были гвозди,—были нагружены соломой, сѣрой, рыбьимъ жиромъ, горнымъ масломъ, негашеной известью и тому подобными горючими матеріалами.

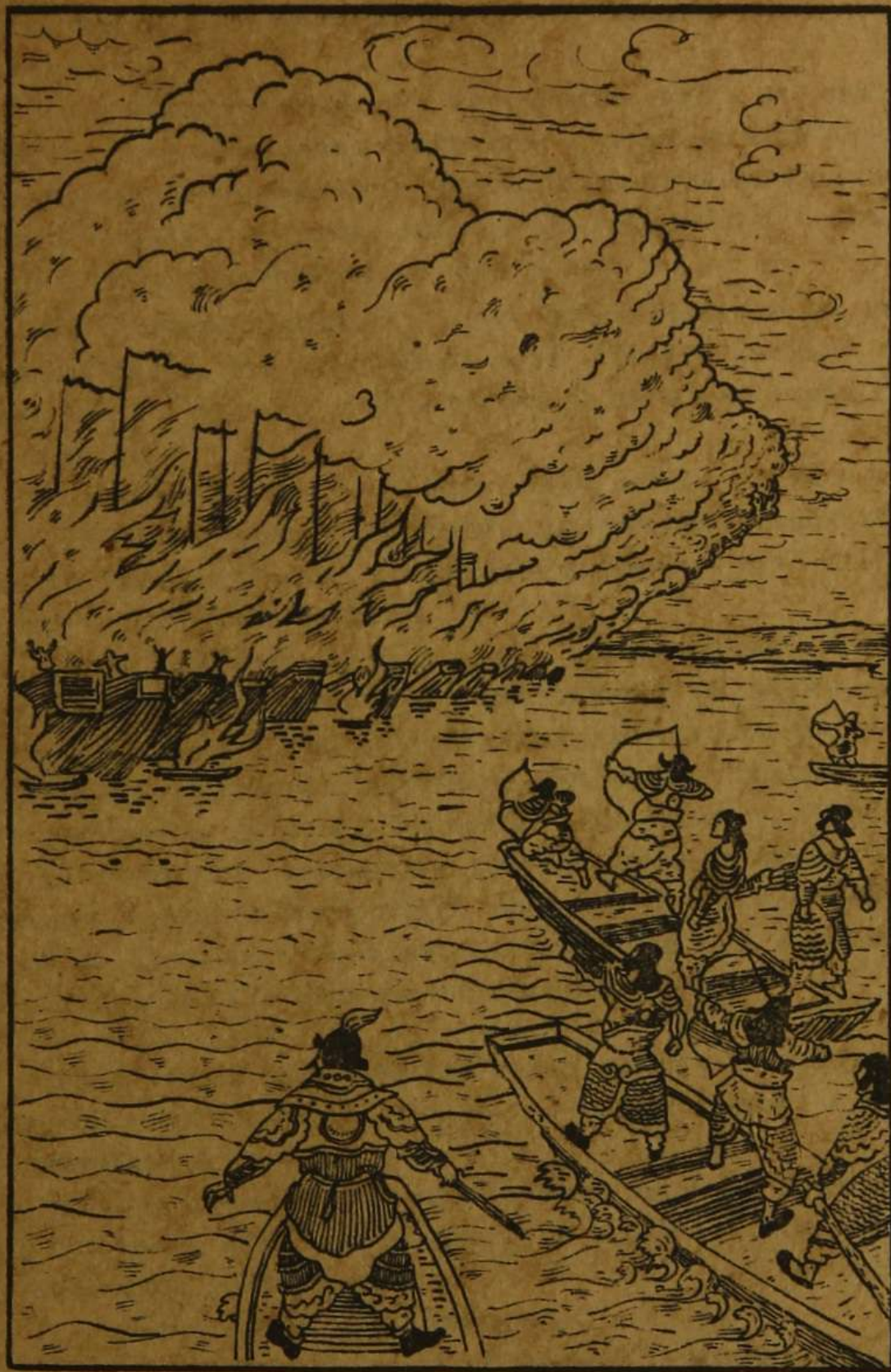
Какъ только стемнѣло, эта флотилія, подъ начальствомъ Хуанъ-гайя, поднялась вверхъ по рѣкѣ, и образовавъ широкую дугу, какъ стая хищныхъ рыбъ понеслась прямо на флотъ Цао-цао.

Часовые—правда поздно, но все-таки замѣтили приближеніе лодокъ; но, помня приказъ, никто изъ нихъ не поднялъ тревоги даже тогда, когда лодки съ размаха вонзили свои острые зубы въ окованныя цѣпями барки Вэйскаго флота.

„Зажигайте“, командовалъ Хуанъ-гай, и въ ту же минуту весь флотъ былъ забросанъ зажженной соломой, масломъ, смолой...

Почти всѣ воины еще спали въ трюмахъ, когда суда снаружи были уже объаты пламенемъ. Бывшіе на палубахъ часовые были перебиты людьми Хуанъ-гайя, которые послѣ этого бросились въ приведенныя съ собой пустыя лодки безъ зубьевъ, приготовленныя для отступленія, и отплыли на нѣкоторое разстояніе, наблюдая, чтобы ни одна лодка не вырвалась изъ огненного кольца.

Черезъ нѣсколько минутъ весь флотъ представлялъ собою море огня. Выскочившіе изъ трюмовъ люди пробовали отдѣлать нѣкоторыя барки отъ общей массы или бросались въ маленькія непріятельскія лодочки; но напрасно: ихъ собственныя суда были надежно скрѣплены цѣпями другъ съ другомъ, а лодочки такъ

.....Флотъ Цао-цао былъ охваченъ пламенемъ.

крѣпко вгрызлись зубами въ барки, что отдѣлать ихъ не было возможности.

Къ довершенію несчастья, весь флотъ стоялъ не вплотную у берега, а на нѣкоторомъ разстояніи, и связь съ берегомъ поддерживалась очень малымъ количествомъ переброшенныхъ на берегъ мостковъ, которые тотчасъ же подломились подъ напоромъ массы бросившихся на нихъ людей.

Въ отчаяніи, спасаясь отъ огня, воины бросались въ воду и находили смерть или въ глубокой рѣкѣ, теченіе которой здѣсь очень быстро, или отъ копій и стрѣлъ солдатъ Хуанъ-гайя, сторожившихъ рѣку.

А дальше, за флотиліей Хуанъ-гайя, стоялъ уже весь флотъ Чжоу-юйя, съ котораго тучи стрѣлъ сыпались на горящій вѣйскій флотъ. Нѣсколько лодокъ успѣвшихъ вырваться изъ огненнаго кольца—попали въ руки врага.

Огонь, раздуваемый сильнымъ юго-восточнымъ вѣтромъ, тотчасъ перекинулся на лагерь расположенный на самомъ берегу рѣки. Громадные склады соломы, зерна, палатокъ, сѣделъ, телѣгъ, древесныхъ матеріаловъ, пищевыхъ продуктовъ, словомъ—всего, что требовалось для огромнаго войска,—все запылало... Сорвавшіяся съ коновязей лошади все топтали, давили и наводили еще большую панику на толпу людей, бросившихся по разнымъ дорогамъ и думавшихъ не о спасеніи имущества или о воинскомъ порядкѣ,—а лишь о спасеніи собственной жизни.

Какъ только надъ флотомъ Цао взвился столбъ пламени, Чжоу-юй потребовалъ къ себѣ братьевъ Цай-чжуна и Цай-хэ. Тѣ немедленно явились.

— „Ну, братья“, обратился къ нимъ Чжоу-юй: „знаете ли вы эту пословицу: нянь ванъ-ла цзинъ, да хэ-шанъ?“ (Кончивши молиться, можно убить монаха).

— „Да, знаемъ“, отвѣтили братья.

— „А эту знаете: „го-ла хэ, чай цяо?“ (Перейдя рѣку, можно разрушить мостъ).

— „Да, и эту знаемъ“, отвѣтили недоумѣвающіе братья.

— „Ну, такъ вотъ, я на этомъ основаніи хочу попросить у васъ одну, или вѣрнѣе—двѣ вещи!“

— „Какія? Мы съ удовольствіемъ исполнимъ вашу просьбу!“

— „Дайте мнѣ... ваши головы“.

Братья были поражены:

— „За что? Чѣмъ провинились?..“

— „Ваша роль сыграна. Вы были шпионами Цао-цао и передавали ему все, что я говорилъ; но все это была ложь, и вы сами готовили гибель вашему повелителю. Теперь я скоро кончу все дѣло, и вы мнѣ больше не нужны; поэтому я и снимаю вамъ головы!“

Братья Цай были тотчасъ казнены.

Когда вспыхнулъ флотъ Цао-цао, самъ онъ былъ на своей разукрашенной, быстроходной флагманской лодкѣ. Увидѣвъ, что всякое сопротивленіе въ настоящій моментъ бесполезно, онъ хотѣлъ переправиться на тотъ берегъ. Но едва его баркасъ двинулся изъ общей линіи его водяного лагеря,—какъ замѣтившій это движеніе Хуанъ-гай на своей маленькой лодкѣ бросился впередъ и съ громкимъ крикомъ: „Бей Цао-цао!“ вскочилъ на баркасъ съ мечомъ въ рукѣ. Но въ ту же минуту Вэнь-пинъ, неотступный хранитель Цао, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ лука и раненый Хуанъ-гай упалъ въ рѣку.

Тогда Цао, не имѣя другого выхода, вышелъ на берегъ и бросился верхомъ по дорогѣ на У-линъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ воиновъ, наскоро собранныхъ офицерами его охраны.

Немного успѣлъ проскакать Цао, какъ вдругъ на него посыпался градъ стрѣлъ изъ засады—онъ наткнулся на отрядъ Лю-мэна. Если бы послѣдній успѣлъ перегородить ему дорогу,—участь Цао-цао была бы рѣшена... Къ счастью для него, отрядъ Лю-мэна не успѣлъ окружить Цао, и послѣдній, потерявъ порядочно людей,—успѣлъ проскочить дальше.

Судьба вторично улыбнулась Вэйскому владыкѣ: едва онъ счастливо прорвался черезъ отрядъ Лю-мэна, какъ встрѣтилъ

трехтысячный отрядъ подъ начальствомъ преданныхъ ему офицеровъ Май-яня и Чжанъ-кайя, который шелъ къ мѣсту бывшей стоянки своего повелителя, не зная еще о разгромѣ флота.

Эта помощь существенно измѣняла положеніе вещей въ пользу Цао, и онъ бодро двинулся на сѣверо-западъ.

Но едва онъ прошелъ 70 ли (35 верстъ), какъ наткнулся на У-скій отрядъ Гань-нина. Хотя у послѣдняго также было лишь три тысячи человекъ, но деморализованные слухами о пораженіи, вѣйскіе воины не могли оказать должнаго сопротивленія; они были разбиты, а Ма-янь и Чжанъ-кай оба убиты.

Цао бѣжалъ въ сопровожденіи половины своихъ людей; остальные погибли.

Обернувшись, онъ увидѣлъ, что зарево пожара, пожиравшаго остатки его флота, — совсѣмъ низко надъ горизонтомъ; слѣдовательно, они ушли уже отъ рѣки далеко. Вокругъ нихъ была пересѣченная, трудно проходима мѣстность, а низкая долина, по которой проходилъ путь, — вся была заросша густымъ кустарникомъ и тростникомъ.

— „Что это за мѣстность?“ спросилъ Цао.

— „Мы находимся на сѣверо-западъ отъ У-линъ“, отвѣтили ему.

Цао засмѣялся; онъ казалось, былъ очень доволенъ.

Его приближенные удивились веселому настроенію своего начальника въ такую, казалось бы, критическую минуту.

— „Разрѣшите узнать“, спросили они: „что васъ такъ радуетъ?“

— „Я сейчасъ убѣдился, что и Чжоу-юй, и прославленный Чжу-гэ Лянь ничего не понимаютъ въ военномъ искусствѣ. Будь на ихъ мѣстѣ кто-либо другой, болѣе талантливый, — онъ бы непременно спряталъ войска въ этомъ мѣстѣ, и я бы ничего не могъ сдѣлать!“

Едва онъ сказалъ это, какъ вдругъ въ тылу его отряда показались войска Чжао-юня. Цао-цао такъ испугался, что чуть не упалъ съ коня. Онъ и его люди бросились въ чащу камыша.

Но вдругъ впереди ихъ показался огонь, быстро охватившій

заросли. Огонь распространялся съ необычайной быстротой; горѣла, казалось, даже вода въ болотѣ...

Дѣло въ томъ, что Чжао-юнь привезъ съ собой много рыбаго жира и горнаго масла, которые разлилъ по болоту. Въ нужный моментъ тонкій слой горючихъ веществъ, покрывавшій все болото, былъ зажженъ, и вся низина превратилась въ пылающее море.

Лошади, сбивая сѣдоковъ, въ ужасѣ бросились назадъ, навстрѣчу воинамъ Чжао-юня...

Множество вѣйскихъ солдатъ погибло, и въ руки противника досталась богатая добыча.

Но Цао-цао и здѣсь удалось ускользнуть съ небольшимъ, сравнительно, числомъ людей, и онъ направился по дорогѣ въ И-линь.

Разсвѣло. Къ довершенію бѣдъ, полилъ совершенно необычный въ это время года сильный дождь. Всѣ люди промокли до костей, продрогли и были голодны. Нужно было остановиться, дать отдыхъ конямъ и поѣсть.

Когда люди разбрелись въ поискахъ топлива, Цао-цао опять сталъ смѣяться.

Снова приближенные обратились къ нему:

— „Великій цзянь-цзюнь! Когда вы недавно смѣялись, появился Чжао-юнь. Чему же вы смѣетесь теперь?“

— „Я утверждаю, что все-таки у Кунъ-мина и Чжоу-юя нѣтъ сообразительности; иначе они непременно устроили бы мнѣ здѣсь засаду!“

Напрасно Цао смѣялся, потому что внезапно появившійся Чжанъ-фэй во главѣ своего отряда напалъ на отдыхавшихъ Цао былъ такъ пораженъ, что не могъ устоять на ногахъ...

Но его спасла именно раздробленность и разбросанность людей его отряда, потому что, избивая отдѣльныя группы спасавшихся во всѣ стороны людей, Чжанъ-фэй не натолкнулся на Цао-цао. Его успѣли посадить на коня, и онъ, всего съ семидесятью людьми, ускакалъ по дорогѣ въ Хуа-жунъ-дао.

Почти всѣ спутники Цао были изранены и истощены. Одежда на всѣхъ промокла. Зима была холодная; всѣ простудились. Голо-

вы у всѣхъ сильно болѣли, и люди едва держались въ сѣдлахъ. Да и кони еле передвигали ноги...

— „А все-таки Чжу-гэ Лянъ и Чжоу-юй неумны“, не утерпѣлъ снова Цао и засмѣялся: „потому что“...

Но не успѣлъ онъ докончить, какъ вдругъ появился Гуань-юй со своимъ отрядомъ, который сталъ со всѣхъ сторонъ охватывать горсть измученныхъ людей и напалъ на нихъ.

Цао безнадежно махнулъ рукой и сказалъ:

— „Ну, теперь конецъ! Довольно съ меня все драться и драться.. Спасибо, больше не хочу!“

Но сопровождавшій его хитрый, изворотливый чиновникъ Чэнъ-юй сказалъ:

— „Я хорошо знаю Гуань юйя; если будете съ нимъ сражаться—онъ непобѣдимъ. Но онъ очень добръ, и если кто выразитъ ему покорность, такъ онъ съ тѣмъ не только милостивъ, но даже слабъ. Къ тому же онъ очень довѣрчивъ... Окажите ему покорность, конечно только для вида,—и, повѣрьте, онъ не причинитъ вамъ никакого зла!“

У Цао-цао не было выбора. Онъ поѣхалъ прямо на встрѣчу Гуань-юйю, и, дѣлая привѣтственный жестъ, громко сказалъ:

— „Здравствуйте, генералы!“

— „Здравствуйте, канцлеръ“, вѣжливо отвѣтилъ Гуань-юй, приподнимаясь на стременахъ: „я давно уже по приказанію Чжу-гэ Ляна ожидаю васъ здѣсь!“

— „Да, генераль, кто бы могъ ожидать, что мы встрѣтимся съ вами при такихъ тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ; а вспомните, какъ еще недавно я осыпалъ васъ своими милостями!“

— „Канцлеръ, то было дѣло частное, а теперь я обязанъ выполнить государственное“.

— „Генераль, генераль! Кто бы могъ раньше подумать про васъ, что вы такъ легко забываете старое добро!“

Гуань юй ничего не отвѣтилъ. Онъ обернулся къ своимъ солдатамъ и приказалъ дать дорогу Цао вмѣстѣ съ бывшими при

немъ двадцати семи людямъ—единственнымъ, оставшимся въ живыхъ изъ миллионной арміи.

Цао поспѣшилъ въ Мань-цзюнь.

Такимъ образомъ, благодаря неумѣстному благородству Гуань-юйя, Цао-цао, этотъ великій интриганъ, опять спасся, и впоследствии подготовилъ не только смерть великаго Кунъ-мина, но и паденіе обоихъ государствъ, У и Шу-хань.

Примѣчаніе: Хуа-жунъ находился въ нынѣшней провинціи Ху-бэй, на сѣверо-западъ отъ города Цзянь-ли сянь. Городъ У-линъ—также въ Ху-бэйѣ, на сѣверо-западъ отъ города Цзя-юй, на берегу Великой рѣки, противъ Чи-би.

Цао-цао, Лю-бей, Сунь-цзянь.

Handwritten text at the top of the page, possibly a title or header, which is mirrored.

Handwritten text at the bottom of the page, which is mirrored.

СМЕРТЬ ЧЖУ-ГЭ ЛЯНА*).

Прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ Да Хань-го (Китай) раздѣлился на три части: Сюнь-цюань былъ государемъ въ Ү-го; Лю-чанъ, сынъ Лю-бэйя,—правиль въ Шу-хань-го, а Цаопэй, сынъ умершаго въ 220 году Цао-цао, царствовалъ въ Вэй-го, принявъ даже титулъ императора.

Со смертью Цао-цао борьба между тремя царствами не прекратилась, и войскамъ Сунь-цюаня, а въ особенности Лю-бэйя, приходилось защищаться отъ нападений осторожнаго, хитраго и очень талантливаго вэйскаго полководца Сы Ма-и, который могъ располагать и большимъ количествомъ людей, и большими естественными богатствами страны, чѣмъ его противники.

Но Сы Ма-и чрезвычайно боялся столкнуться съ самимъ Чжу-гэ Ляномъ, на рукахъ котораго лежало не только общее руководство войсками, но и управленіе государствомъ; поэтому Сы Ма-и нападалъ на Шу-Ханьскіе отряды тогда, когда Чжу-гэ Лянъ, былъ далеко. При появленіи же вблизи самаго знаменитаго чэнь-сяна (канцлера), Сы Ма-и обыкновенно запирался въ какомъ либо хорошо укрѣпленномъ пунктѣ и боя не принималъ.

Раздраженный въ концѣ концовъ такой тактикой противника, Кунъ-минъ рѣшилъ такъ или иначе принудить Сы Ма-и выступить противъ него въ открытомъ полѣ.

Случилось разъ, что уходя отъ Чжу-гэ Ляна, Сы Ма-и укрылся въ хорошо укрѣпленномъ мѣстечкѣ Ү-чжань-юань (въ нынѣшней провинціи Шэнь-си, округѣ Фынъ-сянъ, на южномъ берегу рѣки Вэй). Какъ ни старался Кунъ-минъ выманить вэйцевъ изъ ихъ логовища,—но не могъ.

Однажды передъ укрѣпленіемъ остановился поселянинъ съ большой корзиной. Часовые опросили, что ему нужно?

*) См. кн. 11, цзюань 52, со стр. 103.

— „Я принесъ вамъ кое-что!“

— „А кому?“

— „Тутъ въ письмѣ написано; самъ-то я неграмотный!“

Солдаты взяли корзину и письмо. Когда нашелся грамотный человекъ, то по адресу на конвертѣ узнали, что и письмо, и корзина предназначены не кому иному, какъ самому главнокомандующему—Сы Ма-и. Поселянина тотчасъ же препроводили къ начальству.

Каково же было удивленіе Сы, когда онъ, вскрывъ корзину, нашелъ въ ней нарядныя женскія одежды, вуаль, румяна, бѣлила и вообще все, что требовалось для туалета изнѣженной дамы высшаго круга того времени.

Но изумленіе превратилось въ гнѣвъ, когда въ письмѣ, написанномъ Чжу-гэ Ляномъ, Сы прочиталъ:

— „Ты, Сы, главный военачальникъ, а сидишь у себя, какъ въ гнѣздѣ, и ведешь себя, какъ женщина. Если ты не хочешь выйти изъ своего будуара и сразиться со мною,—то прими отъ меня въ подарокъ эти вещи: онѣ приличествуютъ тебѣ болѣе, чѣмъ конь и мечъ. Если же онѣ тебѣ не нужны—то ты выйдешь“.

Приближенные Сы громко выражали свое негодованіе и требовали проучить оскорбителя. Но Сы Ма-и подумалъ, помолчалъ, потомъ разсмѣялся и сказалъ:

— „Чжу-гэ Лянъ назвалъ меня женщиной—хорошо, я буду женщиной, и не выйду. А вещи эти я возьму, спасибо!“

Затѣмъ, позвавши человека, принесшаго письмо, спросилъ:

— „Какъ здоровье Кунъ-мина?“

Солдатъ, переодѣтый поселяниномъ, отвѣчалъ:

— „Нашъ чэнь-сянь (канцлеръ) встаетъ очень рано, ложится поздно; ѣсть очень мало, работаетъ очень много“.

— „Если такъ,“ сказалъ Сы, отпуская посланца:—„то передай ему, что его дѣло плохо: кто ѣсть мало, работаетъ много,—тотъ долго не проживетъ!“

Вернувшись въ свой лагерь, солдатъ рассказалъ Чжу-гэ Ляну, что Сы одежды принялъ, нисколько не разсердился и сражаться совсѣмъ не хочетъ.

— „Что дѣлать“, развелъ руками Чжу-гэ Лянъ:— „приходится сознаться, что Сы Ма-и лучше меня знаетъ, чѣмъ я думалъ!“

За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Чжу-гэ Лянъ послалъ письмо своему союзнику Сунь-цюаню, владыкѣ царства У, прося его ударить на Сы Ма-и съ тыла. Въ тотъ же день, когда попытка выманить вѣйскаго полководца изъ его норы кончилась неудачей,—отъ Сунь-цюаня прибылъ гонецъ съ письмомъ, въ которомъ У-ванъ (князь У), между прочимъ, сообщалъ ему: У'скія войска, посланная по просьбѣ Кунъ-мина въ тылъ Вэй-цамъ, неожиданно натолкнулись на препятствія, которыхъ не могли преодолѣть, и были разбиты превосходными силами противника..

Этого Чжу-гэ Лянъ никакъ не ожидалъ. Двѣ крупныхъ неудачи въ одинъ день! Онъ не могъ этого выдержать, и не дочитавъ письма,—лишился чувствъ.

Этого съ нимъ никогда еще не бывало. Испуганные слуги и приближенные офицеры бросились ему помогать.

Не скоро вернулось къ нему дыханіе и чэнь-сянъ открылъ глаза. Всѣ обрадовались и облегченно вздохнули. Но Кунъ-минъ слабо махнулъ рукой и сказалъ:

— „Не радуйтесь прежде времени; это пришло начало конца. Мое сердце давно уже было плохо, и я вижу теперь, что жить мнѣ не суждено“...

Настала ночь. По приказанію Кунъ-мина, двое изъ его приближенныхъ вывели его изъ палатки подъ руки. Ночь была тихая, ясная, и безчисленныя звѣзды трепетно мерцали надъ уснувшей землей. Долго смотрѣлъ Кунъ-минъ въ необъятную книгу Неба, полную таинственныхъ реченій для умѣющихъ читать ее,—и наконецъ сказалъ:

— „Нѣтъ, кончено! Я не могу долго жить... Посмотрите на Сань-тай (созвѣздіе Вѣнца), какъ оно померкло... Это есть знаменіе мнѣ, что мои расчеты съ землей должны быть покончены!“

— „Великій чэнь-сянъ“, обратились къ нему бывшіе съ нимъ двое приближенныхъ: „внизу вамъ извѣстны всѣ помыслы сердцецъ,

а вверху—всѣ тайны Неба. Неужели же у васъ нѣтъ средства отклонить ударъ?”

— „Есть одинъ способъ попытаться отсрочить неизбежное: если мнѣ удастся умолить Бэй-доу (Большую Медвѣдицу) и сорокъ девять созвѣздій, и въ теченіе семи дней моя лампада не потухнетъ,—то моя смерть будетъ отсрочена на десять лѣтъ“.

Тотчасъ же по указанію Чжу-гэ Ляна въ его палаткѣ были водружены сорокъ девять свѣтильниковъ. Сорокъ девять солдатъ въ черныхъ одеждахъ, съ черными знаменами въ рукахъ, стали на стражѣ вокругъ палатки, входъ въ которую былъ всѣмъ строго воспрещенъ.

Кунъ-минъ распустилъ волосы, взялъ въ руку мечъ, и въ сопровожденіи своего друга Цзянь-вэйя вошелъ въ палатку.

— „Вотъ моя лампада“, сказалъ онъ, указывая на главный свѣтильникъ: „и огонь, горящій въ немъ,—это моя собственная жизнь!“

Онъ распростерся передъ Бэй-доу; потомъ всталъ посреди, и держа мечъ въ рукѣ, сталъ тайно молиться и произносить заклинанія...

Прошло уже три дня,—лампады ярко горѣли...

Вдругъ снаружи палатки послышался шумъ. Это соскочилъ съ коня генераль Вэй-янь, храбрый сподвижникъ Чжу-гэ Ляна, который завѣдывалъ охраной лагеря.

Вэй-янь быстро распахнулъ полы палатки и сказалъ:

— „Чэнь-сянь! Сейчасъ отъ Сы Ма-и прибѣжалъ воинъ: „прикажете ли привести его къ вамъ?“

Отъ быстрого входа Вэй-яня ворвалась струя воздуха, которая заколебала пламя лампадъ. Языкъ центральной, главной лампады нагнулся, принялъ горизонтальное направленіе, какъ бы борясь съ какой-то враждебной силой, то отрываясь отъ свѣтильни, то снова возвращаясь къ ней по бѣлому дымному слѣду, и наконецъ—совсѣмъ оторвался и потухъ...

Кунъ-минъ глубоко вздохнулъ, бросилъ мечъ и сказалъ:

— „Кончено! Я непременно умру!“

Вэй-янь стоялъ въ недоумѣніи, потому что онъ не зналъ, что творилось въ палаткѣ чэнь-сяна. Цзянь-вэй видѣлъ, что лампаду потушилъ Вэй-янь. Глубоко преданный Кунъ-мину, Цзянь-вэй выхватилъ мечъ и бросился къ Вэй-яню, чтобы его убить. Но Чжу-гэ Лянъ остановилъ его:

— „Что вы дѣлаете? Не нужно! Онъ вовсе не виноватъ; имъ руководила судьба. Я долженъ умереть!“

Слыша, что въ палаткѣ что-то произошло, туда вошли близкіе къ чэнь-сяну лица.

— „Я хотѣлъ возвысить Ханьскую династію и наше государство“, обратился къ нимъ Кунъ-минъ:—„но, къ сожалѣнію, это мнѣ сдѣлать не удалось. Я написалъ двадцать четыре книги, въ которыхъ заключается 104112 словъ; въ нихъ есть все, что необходимо знать государственному человѣку и полководцу. Въ нихъ указаны семь запретныхъ вещей, шесть опасностей и пять вещей, которыхъ нужно остерегаться...

Я изобрѣлъ много машинъ, самодвижущуюся телѣжку, самодвижущихся коней и быковъ, изобрѣлъ удобный скорострѣлъ на десять восьмивершковыхъ стрѣлъ... Я передаю вамъ всѣ свои книги—изучайте ихъ“!..

— „Ли-фу“, обратился онъ къ одному изъ чиновниковъ:— „напишите сейчасъ письмо моему господину Лю-чану (сыну Любэйя, государю Шу-Ханя), и сообщите ему, что я больше не могу жить.

— „Вы“, обратился онъ къ Ма-дайю, Ванъ-пину, Ляо-хуа и Чжанъ-и:—„выполняйте ваши дѣла, какъ можно лучше!“

— „Теперь слушайте вы, Янь-и, что я вамъ скажу. Я скоро умру; но пусть никто, кромѣ присутствующихъ здѣсь начальниковъ, не знаютъ этого. Вы сдѣлаете деревянный кіотъ (канъ), и посадите въ него мой трупъ, положивши мнѣ въ ротъ рису, и поставьте передо мной зажженную лампаду. Смотрите, чтобы никто въ лагерь не плакалъ, а то такимъ образомъ можетъ разнестись вѣсть о моей смерти. Помните, что мой духъ (хунъ) будетъ неотлучно съ вами и поможетъ вамъ сражаться... Но продолжать войну въ этой чуждой намъ странѣ, конечно, нельзя; поэтому

отводите войска на родину, но постепенно и незамѣтно, маленькими отрядами. Если Сы Ма-и будетъ васъ преслѣдовать, то сдѣлайте изъ дерева мою статую, посадите въ мою самодвижущуюся телѣжку, и покажите ему: онъ подумаетъ, что я живъ”.

Чжу очень усталъ, и движеніемъ руки отпустилъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Когда настала ночь, Кунъ-минъ приказалъ двумъ приближеннымъ вывести себя изъ палатки и сталъ наблюдать звѣзды. И видитъ онъ, что одна изъ звѣздъ сбоку Большой Медвѣдицы дрогнула разъ-другой, и стала колебаться и трепетать, какъ бы желая сорваться...

— „Вотъ, смотрите“, сказалъ чэнь-сянь: „это моя звѣзда!“

Онъ протянулъ къ ней мечъ и сталъ молиться. Но вдругъ онъ опять лишился чувствъ; его не успѣли поддержать, и онъ упалъ на землю.

Его подняли и внесли въ палатку.

Въ эту минуту прискакалъ назадъ Ли-фу и вошелъ въ палатку, гдѣ съ закрытыми глазами лежалъ Чжу.

— „Зачѣмъ вы вернулись?“ тихонько спросили его.

— „Я вернулся по очень важному дѣлу“, такъ же тихо отвѣчалъ Ли: „я забылъ спросить у чэнь-сяна, кому же, въ случаѣ его смерти, слѣдуетъ ввѣрить управленіе государствомъ, кому быть чэнь-сяномъ?“

Кунъ-минъ былъ въ забытїи; но, какъ ни тихо были сказаны эти слова,—онъ услыхалъ ихъ, и они вернули ему сознаніе.

— „Послѣ меня“ сказалъ онъ: „чэнь-сяномъ будетъ Цзянь-ваны!“

— „А послѣ Цзянь-вана?“ спросилъ Ли-фу.

— „Ми-и, слабымъ голосомъ отвѣтилъ Кунъ-минъ.

— „А послѣ Ми-и?“ рискнулъ еще разъ спросить Ли-фу.

Но Кунъ-минъ ничего больше не отвѣчалъ. Это были послѣднія слова, сказанныя имъ въ жизни,—и онъ испустилъ духъ ночью 23-го дня 8-го мѣсяца 12-го года Цзянь-синъ (234 г. нашей эры), 54-хъ лѣтъ отъ роду.

Смерть Чжу-цэ Лана.

Въ эту же ночь Сы Ма-и также наблюдалъ созвѣздія. И видитъ онъ, что одна необычайно яркая звѣзда, отбрасывающая отъ себя красные лучи, три раза поднималась и опускалась надъ лагеремъ Чжу-гэ Ляна, и слышенъ былъ исходящій отъ нея гулъ и грохотъ.

Сы Ма-и радостно вскрикнулъ:

— „Это умеръ Чжу-гэ Лянь!“

Кто бы могъ подумать, что послѣднія слова Кунъ-мина были пророческими? Онъ не назвалъ имени чэнь-сяна послѣ Ми-и потому, что Ми-и былъ послѣднимъ шу-ханьскимъ чэнь-сяномъ, и въ 264 году царство Шу-хань прекратило свое самостоятельное существованіе, будучи покорено войсками Сы Ма-чжао, сына ненавистнаго Сы Ма-и.

Такъ говоритъ исторія. Народъ же создалъ еще одну легенду, связанную со смертью Чжу-гэ Ляна.

Разсказываютъ, будто бы великій провидецъ Кунъ-минъ и самой своей смертью хотѣлъ принести вредъ врагамъ. Въ своей могилѣ, на извѣстной глубинѣ, Чжу-гэ Лянь велѣлъ, будто бы, зарыть одну изъ своихъ книгъ о военномъ искусствѣ. Книги въ то время переписывались, такъ какъ книгопечатанія еще даже въ Китаѣ не существовало, да и кромѣ того, книги Кунъ-мина являлись величайшимъ секретомъ.

Поэтому понятна была радость Сы Ма-и, когда онъ получилъ посмертное письмо Чжу-гэ Ляна, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

— „Васъ, Сы Ма-и, я считаю самымъ умнымъ и самымъ талантливымъ послѣ себя человекомъ. Я не хочу, чтобы мои сочиненія попали бы въ руки невѣждъ, которые ихъ не поймутъ... Поэтому я послѣ смерти забываю свою вражду и завѣщаю мои книги вамъ, — какъ единственно достойному владѣть ими. Я завѣщалъ зарыть ихъ въ мою могилу; можете раскрыть ее и взять книги“.

Получивъ это письмо, Сы Ма-и тотчасъ же поспѣшилъ къ могилѣ своего великаго врага и разрылъ ее. На небольшой глубинѣ онъ, дѣйствительно, наткнулся на одну изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ книгъ Кунъ-мина. Сы Ма-и тотчасъ же сталъ ее перелистывать; но, такъ какъ нѣкоторые листы отъ долгаго лежанія въ сырой землѣ слиплись,—то Сы смачивалъ пальцы языкомъ и раздѣлялъ листы.

Когда онъ дошелъ до конца книги, то неожиданно нашелъ тамъ приписку Чжу-гэ Ляна:

— „Теперь я удовлетворенъ. Листы книги были слѣплены ядомъ; ты отдѣлялъ ихъ, смачивая пальцы; поэтому ты отравился и скоро умрешь. Я отомщенъ“.

Пораженный Сы Ма-и бросилъ книгу,—но было уже поздно. Вскорѣ онъ умеръ.

Легенда эта, конечно не имѣетъ никакого фактическаго основанія, потому что Чжу-гэ Лянъ умеръ въ 234 году, а Сы Ма-и— въ 251-мъ.

Впрочемъ, такая же легенда существуетъ въ Китаѣ и о другихъ лицахъ.

II. ЗНАМЕНИТЫЕ ВРАЧИ.

ХУА-ТО.

Когда Китай готовъ уже былъ распасться на три государства (220—265 г. по Р. Х.), жилъ на югѣ знаменитый врачъ, такой искусный, какихъ на землѣ не было ни до него, ни, пожалуй, и послѣ. Звали его Хуа-то, а по прозвищу—Хуа (другое Хуа, не то, что въ фамиліи). Родомъ онъ былъ изъ мѣстности Цяо, въ государствѣ Восточномъ Хань (Дунъ-Хань). Съ малыхъ лѣтъ, подъ руководствомъ опытнаго врача—сяньшэна, онъ изучалъ человѣческой организмъ, свойства растеній, силы природы; а когда онъ постигъ все это,—то святой монахъ лао-дао (даось), посвятилъ его во всѣ тайны алхиміи.

И сдѣлался Хуа-то великимъ врачевателемъ, который въ тѣлѣ человѣка читалъ все, какъ въ раскрытой книгѣ..

Жилъ онъ очень скромно въ своей хижинѣ, вдали отъ города, со своей женой; дѣтей у нихъ не было. Когда за нимъ присылали, Хуа шелъ одинаково къ бѣдняку и богатому и лѣчилъ ихъ. При этомъ онъ прописывалъ очень мало лѣкарствъ; уколы иглой (акупунктура), если это требовалось, онъ тоже дѣлалъ лишь въ немногихъ мѣстахъ. Изъ лѣкарствъ особенно цѣнилъ онъ жэнь-шэнь. И не было случая, чтобы больной не выздоравливалъ, если Хуа-то брался его вылѣчить...

Но это еще ничего; а вотъ удивительно то, что если лѣкарство или игла больному не помогали,—то Хуа разрѣзалъ ножомъ больнымъ и животъ, и спину; случалось, онъ отрѣзалъ куски кишекъ и желудка, а удаливъ больное мѣсто,—зашивалъ раны нитками и порѣзы смазывалъ лѣкарствомъ. И всегда раны срастались и больные выздоравливали...

Хуа написалъ книгу, называемую Цзя-и-цзинъ (книга о селезенкѣ и печени) въ 42 главахъ, въ которой онъ доказываетъ

связь между пятью внутренними органами человеческого тѣла, пятью элементами природы и пятью цвѣтами, а также изложилъ принципы лѣченія болѣзней этихъ органовъ свойствами соотвѣгствующихъ элементовъ.

З М Ъ Я.

Заболѣлъ одинъ человекъ. Что-то странное дѣлалось у него въ груди: иногда тамъ и давить, и бьется, и сосетъ сердце. Бросаетъ больного въ жаръ и холодъ и нѣтъ ему ни минуты покоя...

Долго мучился больной и обращался ко всѣмъ врачамъ; лѣчился-лѣчился у нихъ,—чуть не все состояніе пролѣчилъ,— а все пользы нѣтъ...

Сталъ жаловаться больной роднымъ и близкимъ:—„видно смерть моя пришла!“

Тогда кто-то изъ знакомыхъ и говоритъ ему:

— „Если вы такъ плохо себя чувствуете,—попробуйте послѣднее средство: поѣзжайте въ Дунъ Хань-го, къ знаменитому Хуа-то. Если онъ не поможетъ,—то значитъ, вамъ придется дѣлать послѣднія распоряженія!“

Больной подумалъ:

„Не все ли мнѣ равно, гдѣ умирать, здѣсь или въ дорогѣ?“ Собралъ, сколько могъ, денегъ, и отправился въ Цяо, гдѣ, по слухамъ, жилъ Хуа-то.

Долго онъ ѣхалъ, и наконецъ, чуть живой, благодаря разспросамъ, добрался до глухого уголка, въ которомъ, уйдя отъ людей, жилъ великій врачъ.

Хуа привѣтливо встрѣтилъ больного, взялъ его за руку и щупая незамѣтно пульсъ, ввелъ въ свой незатѣйливый домъ.

Больной отдохнулъ немного, но отъ предложеннаго обѣда отказался говоря, что его сердце горячей пищи не принимаетъ, и только выпилъ немного чуть тепленькаго чая.

— „Что у васъ болитъ?“ спросилъ врачъ.

— „Сердце у меня жестоко болитъ!“

— „А не помните ли вы, съ какого времени или послѣ ка-кого случая вы заболѣли?“

— „Да года два тому назадъ я ѣздилъ на поле, ночевалъ въ шалашѣ, и съ тѣхъ поръ заболѣлъ“.

Хуа-то слушалъ и внимательно разсматривалъ больного. Когда тотъ кончилъ, то врачъ покачалъ головою и сказалъ:

— „Вы жалуетесь на сердце; а я думаю, что у васъ боль совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ!“

— „Но всѣ врачи, съ которыми я совѣтывался, говорили мнѣ, что у меня засорились сердечныя глазки (отверстія)!“

— „Такъ почему жѣ они вамъ ихъ не прочистили?“ улыбаясь, сказалъ Хуа-то: „Вотъ мы сейчасъ увидимъ“, продолжалъ онъ: „кто изъ насъ правъ!“

И приготовивъ какую-то смѣсь, врачъ далъ ее принять больному.

Но едва тотъ проглотилъ лѣкарство, какъ его схватили судорожныя спазмы и началась сильная рво́та.

И вдругъ изъ его рта выпала живая извивающаяся змѣя, бѣлаго цвѣта, длинною въ цѣлый чи (7' 2 вершк.)

Пораженный больной не вѣрилъ своимъ глазамъ,—но въ тотъ же мигъ почувствовалъ громадное облегченіе.

— „Вы теперь видите причину вашей болѣзни; я уже раньше по вашему пульсу узналъ, что ваша болѣзнь гнѣздится не въ сердцѣ, а въ желудкѣ!“

— „Но какъ же змѣя могла попасть туда и оставаться живой?“ спросилъ больной.

— „Вѣроятно она еще маленькой заползла къ вамъ въ ротъ во время сна, когда вы спали въ шалашѣ, или вы проглотили ее съ пищей; а потомъ она выросла въ вашемъ желудкѣ—змѣи вѣдь очень живучи!“

Съ этого момента больной почувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, и вернувшись домой, своимъ здоровымъ видомъ разочаровалъ нѣкоторыхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ.

БОЛЬНАЯ НОГА.

У одного бѣднаго человѣка, по профессіи портного, приключилось что-то со ступней лѣвой ноги. Она около щиколотки стала пухнуть и причиняла такія страданія больному, что онъ не былъ въ состояніи ходить. Деревенскіе доктора не помогали.

Случайно въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ больной, остановился на ночлегъ знаменитый Хуа-то, ѣхавшій въ городъ по вызову важнаго лица. Больной собралъ у своихъ сородичей и знакомыхъ сколько могъ денегъ, сѣлъ въ корыто, въ которомъ кормили свиней, и рано утромъ велѣлъ своимъ домашнимъ нести его къ Хуа-то.

Великій врачъ уже всталъ и въ поднятое окно увидѣлъ, какъ принесли больного.

Когда бѣдняка внесли въ комнату и онъ предложилъ деньги Хуа-то, то послѣдній спросилъ:

— „Вотъ ты принесъ столько денегъ: почему же ты не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ экипажѣ (сяо-чэ) или въ носилкахъ, а тебя несли въ свиномъ корытѣ?“

Бѣднякъ застыдился—онъ полагалъ, что раннимъ утромъ никто не замѣтитъ его страннаго экипажа. Но врачу онъ не могъ говорить неправду...

— „Потому, господинъ“, отвѣтилъ онъ: „что я очень бѣденъ, и у меня нѣтъ даже телѣги, а не только носилокъ!“

— „А откуда же эти деньги?“

— „Я занялъ, сколько могъ, у всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ“.

Хуа-то взялъ деньги и велѣлъ показать ногу.

Ступня страшно распухла и малѣйшее прикосновеніе къ ней вызывало сильную боль,

Хуа-то приказалъ больному не смотрѣть, что онъ будетъ дѣлать, и накинулъ платокъ на голову больного. Затѣмъ врачъ смазалъ чѣмъ-то больное мѣсто, и кожа потеряла всякую чувствительность. Хуа взялъ тонкій ножъ и сталъ имъ рѣзать ногу, какъ деревянную—боли совсѣмъ не было, и даже крови мало текло.

И вдругъ изъ глубины разрѣза врачъ вытащилъ десять иглокъ и двѣ фарфоровыя шашки для игры, — одну бѣлую, другую — черную...

Затѣмъ онъ промылъ рану, наложилъ на нее чистую тряпку, смоченную какимъ-то лѣкарствомъ, и велѣлъ больному двѣ недѣли не ходить и держать ногу въ холодѣ.

Съ головы больного сняли платокъ. Онъ ничего не зналъ, что докторъ дѣлалъ съ его ногой — ему было совсѣмъ не больно. Когда ему показали иглы и шашки, — онъ очень удивился и не могъ объяснить, какъ онѣ могли попасть въ ногу; но подтвердилъ, что онъ очень любитъ играть въ шашки.

Больного вынесли изъ дома, и несмотря на его просьбы, Хуа-то не только провожалъ его до корыта, — но даже самъ подостлалъ подъ больного на дно корыта подстилку, чтобы тому мягче было сидѣть.

Когда бѣдняка принесли домой и подняли съ корыта, то подъ подстилкой оказались всѣ деньги, принесенные больнымъ къ врачу.

Черезъ двѣ недѣли, когда съ ноги сняли тряпку, оказалось, что рана уже зажила и покрылась тонкой кожицей. Портной былъ совершенно здоровъ.

ВѢТЕРЬ ВЪ ГОЛОВѢ.

У одного богатаго человѣка былъ сынъ, лѣтъ двадцати. У юноши давно уже болѣла голова, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; несчастный наконецъ сталъ такъ мучиться, что призывалъ смерть.

Отецъ послалъ за Хуа-то. Послѣдній, узнавъ, что его приглашаетъ богатый человѣкъ, — не поѣхалъ; „къ богачу“, сказалъ онъ, „поѣдетъ всякій, другой врачъ!“

За нимъ послали вторично и предлагали сколько угодно денегъ. Хуа опять не поѣхалъ...

Отецъ былъ въ отчаяніи. Тогда его жена сказала:

„Я пошлю за нимъ и онъ пріѣдетъ!“

Она написала записку и съ тѣмъ же слугой послала къ врачу.

Когда слуга пріѣхалъ въ хижину знаменитаго цѣлителя, Хуа сказалъ ему:

— „Вы уже два раза прїѣзжали, зачѣмъ же снова взяли на себя этотъ бесполезный трудъ? Вы же знаете, что я не поѣду!“

— „Я привезъ вамъ, господинъ, письмо отъ моей госпожи“, сказалъ слуга, и подалъ письмо врачу.

Хуа взялъ его и прочиталъ:

„Мать проситъ васъ спасти ея сына.“

— „А“, сказалъ Хуа: „это—другое дѣло!“

Онъ тотчасъ же собрался и поѣхалъ, а дорогою подробно разспросилъ слугу о болѣзни юноши.

Прїѣхавъ въ помѣстье богача, онъ тотчасъ же приказалъ вести себя къ больному. Юноша лежалъ на кровати, метался и бессвязно бредилъ. Лицо его было красно-синяго цвѣта и все опухло.

— „Нельзя терять ни минуты“, сказалъ Хуа отцу: „согласны ли вы испытать единственное средство, чтобы спасти сына?“

— „На все согласенъ,“ отвѣтилъ отецъ.

— „Ну, такъ вмѣстѣ со слугою держите больному крѣпко голову и руки!“

Затѣмъ онъ взялъ длинную, крѣпкую иглу, вытеръ ее тряпкой, смоченной какою-то жидкостью, — и глубоко влустилъ ее въ правый високъ больного...

Когда черезъ мгновение онъ ее вынулъ, — то къ величайшему изумленію присутствовавшихъ, изъ маленькаго, отверстія въ вискѣ съ сильнымъ шумомъ и свистомъ стала вырываться струя воздуха, которая постепенно все слабѣла, и наконецъ совсѣмъ стихла.

Больной сразу затихъ и заснулъ глубокимъ сномъ. Хуа-то залѣпилъ ему високъ маленькимъ пластыремъ и сказалъ:

— „Теперь онъ быстро поправится, но когда онъ совсѣмъ выздоровѣетъ, — заставляйте его меньше сидѣть подъ крышей, а побольше быть въ деревнѣ и работать крестьянскую работу.“

БЕРЕГИСЬ РЫБЫ.

Но Хуа-то не былъ Яо-ваномъ, богомъ медицины; и онъ не всегда приносилъ выздоровленіе, особенно если дѣло касалось дурного человѣка.

Жилъ въ то время въ мѣстности Гуанъ-линъ правитель области (вродѣ нынѣшняго чжи-фу), по имени Чэнъ-дэнъ. Дурной былъ человекъ, самонадѣянный, заносчивый, необычайно высокого о себѣ мнѣнія, а на самомъ дѣлѣ—большой невѣжда,—ну какъ настоящій южанинъ!

Кромѣ того, онъ былъ жаденъ до денегъ, обиралъ и обижалъ всѣхъ, кого только могъ. Былъ онъ еще большой обжорой. Особенно любилъ онъ рыбу; но не всякую,—а какую-то особенную, которую привозили ему купцы издалека,—конечно даромъ.

Вообще у этого толстаго, краснаго, жирнаго человека ничего святого не было; ничего духовнаго онъ не признавалъ—пѣвицъ онъ предпочиталъ мудрецамъ, и за хорошій обѣдъ промѣнялъ бы и У-цзинъ, и Сы-шу (Пятикнижіе и Четверокнижіе,—китайскія классическія книги).

Было у него нѣсколько женъ. Но разъ онъ увидѣлъ въ „цветочной лодкѣ“ красивую пѣвицу и купилъ ее. Скоро она сдѣлалась его любимой женой и полной хозяйкой въ домѣ. Чэнъ-дэнъ такъ ее любилъ, что ей прощались всѣ капризы и выходки; каждое ея слово сдѣлалось закономъ для всѣхъ въ домѣ. Мужъ ея, вѣроятно въ наказаніе за свои грѣхи, подпалъ совсѣмъ подъ ея власть. Но она обращалась съ нимъ вовсе не нѣжно, а иногда даже грубо... И это было единственнымъ чернымъ облакомъ на небѣ его благополучія.

Однажды, прогоняя его отъ себя, она сказала:

—„Уходи! Я не могу любить тебя—ты слишкомъ красный!“

Обиженный Чэнъ-дэнъ пошелъ къ себѣ, взявъ зеркало,—и оно сказало ему правду... Дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ поръ лицо его дѣлалось все полнѣе и краснѣе, кожа стала тонкой, натянутой и лоснящейся.

Позвалъ Чэнъ-дэнъ одного врача, другого, третьяго, перепробовалъ всѣ лѣкарства и притиранья—краснота не уменьшается, а жена все больше насмѣхается..

Послалъ онъ тогда за Хуа-то. Долго не хотѣлъ идти знаменитый врачъ къ пользующемуся общей нелюбовью начальнику области; но когда посланные сказали, что Чэнъ-дэнъ жестоко на-

кажетъ ихъ, если они вернутся безъ врача, то Хуа-то пожалѣлъ ихъ и поѣхалъ.

Встрѣтили врача со всякимъ почетомъ.

— „Что съ вами?“ спросилъ Хуа послѣ первыхъ привѣтствій.

— „Я боленъ“, отвѣчалъ Чэнъ-дэнъ; „если вы меня вылѣчите,—я дамъ вамъ“... и начальникъ области назвалъ такую сумму денегъ, которая никогда и не снилась скромному врачу.

— „Дѣло не въ деньгахъ“, сказалъ онъ; „скажите, чѣмъ вы больны?“

— „А вотъ смотрите, какая у меня краснота на лицѣ,—и постепенно дѣлается все больше!“

— „Краснота сама по себѣ не является еще болѣзью; она только указываетъ, что въ вашемъ организмѣ коренится какая-то болѣзнь“.

— „Я вамъ говорю“, вспылилъ Чэнъ-дэнъ, не выносившій противорѣчія, „что у меня больше никакой болѣзни нѣтъ! Кто можетъ меня лучше знать, я самъ, или кто другой?“

— „Ну, такъ я попрошу васъ запомнить мои слова“, спокойно отвѣтилъ Хуа-то: „у васъ есть болѣзнь, и даже серьезная... Бойтесь рыбы! Причина болѣзни—рыба, которую вы неумѣренно поглощаете... Если вы совсѣмъ не откажетесь отъ рыбы—то черезъ три года вы ни въ какихъ лѣкарствахъ больше нуждаться не будете!“

Чэнъ-дэнъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Онъ не повѣрилъ врачу думая, что тотъ не понимаетъ причины появленія красноты и хочетъ, по примѣру другихъ шарлатановъ, отдѣлаться словами... Поэтому онъ отпустилъ знаменитаго врача не только не поблагодаривъ его, но даже безъ всякаго почета и не выполнивъ обычныхъ правилъ вѣжливости.

Образа жизни онъ нисколько не измѣнилъ, пилъ и ѣлъ любимую рыбу попрежнему.—

Третій годъ послѣ визита врача подходилъ къ концу. И вдругъ здоровье Чэнъ-дэна стало быстро ухудшаться: онъ сталъ

сильно пухнуть, на кожѣ появились сначала узелки и бѣлыя пятна, а потомъ—струпьѣ,—и онъ скоро умеръ...

Бойтесь вкусной рыбы и красивыхъ дѣвицъ!

СМЕРТЬ ГУАНЬ-ДИ.

Въ началѣ періода „Трехъ Царствъ“, среди многихъ выдающихся военачальниковъ, своими воинскими талантами отличались трое: Лю-бэй, Чжанъ-фэй и Гуань-юй. Эти три героя заключили въ персиковомъ саду клятву вѣрности въ этой жизни и въ будущей. И они ее сдержали...

Видя разладъ и интриги среди захватившихъ власть временщиковъ и происходящую отъ этого разруху для народа,—Чжанъ-фэй и Гуань-юй рѣшили посадить на престолъ талантливаго Лю-бэй'я. Они употребили для этого всѣ свои силы, тѣмъ болѣе, что главнымъ врагомъ ихъ являлся могущественный и коварный Цао-цао.

Однажды Цао-цао захватилъ въ плѣнъ двухъ женъ Лю-бэй'я, красавицъ Гань и Мэй. Почти въ то же время въ его руки попался и Гуань-юй. Хитрый Цао-цао, не рѣшаясь употребить насилія противъ знаменитаго уже Гуань-юйя, рѣшилъ сразу убить двухъ зайцевъ: и подорвать въ народѣ уваженіе къ герою, и поссорить его съ Лю-бэй'емъ. Для этого онъ сказалъ Гуаню, что его очень хотятъ видѣть жены Лю-бэйя по какому-то дѣлу. Когда Гуань вошелъ въ помещеніе, занимаемое женщинами, то оказалось, что это—ловушка: женщины его не звали, а выйти онъ не могъ, такъ какъ двери оказались запертыми снаружи. Дѣло было вечеромъ, и приходилось провести ночь наединѣ съ дамами. Люди видѣли, что Гуань шелъ сюда; конечно, репутація ихъ будетъ погублена...

Но Гуань разбилъ козни врага. Онъ зажегъ свѣтильникъ, взялъ его въ руку и сталъ, какъ на стражѣ, у дверей, ведущихъ въ комнату женщинъ. Онъ такъ простоялъ всю ночь, и, такъ какъ многіе видѣли его въ такомъ положеніи,—то клевета не могла ихъ коснуться, и Цао-цао былъ посрамленъ.

Скоро Гуань-юй былъ освобожденъ и продолжалъ вести геройскую борьбу за установленіе порядка.

Во время одной битвы стрѣла впиалась ему въ плечо. Онъ много разъ и раньше бывалъ раненъ,—но эта рана не поддавалась лѣченію, и больному дѣлалось все хуже.

Послали за Хуа-то. Знаменитый врачъ, услыхавъ, что Гуань-юй сильно боленъ,—поспѣшилъ къ нему. Осмотрѣвъ рану, онъ увидѣлъ, что дѣло весьма серьезно: тѣло кругомъ раны все почернѣло. Стрѣла, очевидно, была отравлена. Для того, чтобы спасти жизнь больного, необходимо было удалить всѣ пораженныя части.

Гуань сказалъ: „Я не жалѣлъ своего мяса, когда оно было здоровое; неужели же я буду беречь его, когда оно гниетъ?“

Тогда Хуа потребовалъ, чтобы Гуань, во первыхъ, послѣ операціи пролежалъ неподвижно сто дней,—а во вторыхъ—во время операціи игралъ съ кѣмъ нибудь въ шахматы. Гуань понялъ, что Хуа хочетъ отвлечь его вниманіе отъ операціи, и отъ послѣдняго условія отказался.

— „Хоть зарѣжьте меня, я не пошевельнусь“, сказалъ онъ

Хуа-то помазалъ больныя мѣста лѣкарствомъ, вынулъ хирургическіе инструменты и быстро срѣзалъ все тѣло вокругъ раны. Но здѣсь онъ увидѣлъ, что кость повреждена и потемнѣла...

Тогда Хуа отбилъ кусокъ кости и выскоблилъ ее сверху острымъ ножомъ...

Гуань сидѣлъ не шевелясь, крѣпко сжавъ зубы, и не издалъ ни одного стона.

Больной сталъ быстро поправляться. Прошло уже семьдесятъ дней, Гуань ходилъ, и полное выздоровленіе было близко.

Но вдругъ страшный врагъ—талантливый, но безпринципный Сунь-цюань напалъ на его друга и повелителя Лю-бэй'я, государя царства Шу-хань. Этотъ Сунь-цюань, братъ жены Лю-бэй'я, заключалъ союзы то съ Лю-бэй'емъ, то съ Цао-цао, то объявлялъ себя самостоятельнымъ, и въ концѣ концовъ сдѣлался государемъ царства У.

Сунь-цюань внезапно напалъ на Шу-хань, и войска послѣд-

Хуа-то дѣлаетъ операцію Гуань-ди.

няго, не видя во главѣ любимаго вождя, терпѣли одно пораженіе за другимъ.

Гуань-юй не могъ выдержать: онъ бросился къ своему войску.

Ровно на девяностый день со дня операціи произошла битва. Побѣда уже клонилась на сторону войскъ Любэй'я; но силы Гуань-юй'я ослабѣли. Окруженный врагами, онъ не могъ отъ нихъ отбиться, и былъ взятъ въ плѣнъ. Безчестный Сунь-цюань приказалъ отрубить ему голову, и послалъ ее въ ящикѣ въ г. Ло-янь къ Цао-цао.

Когда Цао-цао вскрылъ ящикъ и увидѣлъ страшную посылку, — онъ, говорятъ, заплакалъ и сказалъ:

„Этотъ врагъ былъ мнѣ милѣе друга!“

Цао-цао приказалъ изъ дерева вырѣзать туловище, и положивъ его въ гробъ вмѣстѣ съ головой Гуань-юйя, похоронилъ со всѣми церемоніями, полагавшимися сановникамъ того времени.

Послѣ, когда враги ушли, войска Гуань-юй'я подобрали его тѣло и съ почетомъ привезли къ Ли-бэйю. Тотъ горько плакалъ, велѣлъ сдѣлать фарфоровую голову, похожую на Гуань-юй'я, прикрѣпилъ ее къ тѣлу, и въ такомъ видѣ покойнаго похоронили также съ великой честью. Такимъ образомъ Гуань-юй, этотъ китайскій рыцарь безъ страха, былъ похороненъ два раза.

Это было въ 219 году.

СМЕРТЬ ХУА-ТО.

Всесильный временщикъ Цао-цао, положившій начало династии Вэй, заболѣлъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ интригами, которыхъ онъ самъ же создавалъ, — хитрый и коварный Цао-цао не зналъ ни минуты покоя, и поэтому у него сильно болѣла голова. Дальше — хуже; свои врачи не помогаютъ, и увидѣлъ Цао-цао, что придется посылать въ царство Хань за великимъ врачомъ Хуа-то.

Хуа-то пріѣхалъ, и осмотрѣвъ голову Цао, сказалъ:

— „Я могу васъ вылѣчить; но для этого необходимо въ голову впустить иглу“.

Цао долго не рѣшался, но наконецъ сильныя боли заставили его согласиться на операцію.

Когда Хуа-то вонзилъ иглу въ високъ Цао, то послѣдній съ гнѣвомъ вскочилъ и вырвалъ у себя иглу,—подозрѣвая врача въ покушеніи на его жизнь. Но вдругъ у него изъ ранки полилась жидкость, и онъ сразу почувствовалъ облегченіе.

— „Напрасно вы не дали окончить операцію“, сказалъ Хуа: „теперь вы хотя и почувствовали облегченіе,—но впослѣдствіи боли могутъ вернуться.“

Цао одарилъ врача, который, несмотря на заманчивыя предложенія остаться при дворѣ Цао-цао,—вернулся въ свою хижину.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Политическая борьба вокругъ Цао все разгоралась, и одновременно съ этимъ головныя боли у великаго интригана появились вновь, постепенно все усиливаясь.

Наконецъ, въ самый разгаръ борьбы съ государствомъ Шухань, Цао принужденъ былъ опять послать за Хуа-то. Посланному было дано порученіе заодно развѣдать о положеніи страны.

Во время пути посланный разспрашивалъ врача обо всемъ, и наивный Хуа-то не скрывалъ своихъ симпатій къ Лю-бэй'ю, видя только въ немъ спасителя государства.

Когда Хуа прибылъ въ столицу Цао, былъ какъ разъ разгаръ интригъ; на Цао-цао было произведено покушеніе,—что еще болѣе усилило крайнюю подозрительность временщика.

Хуа осмотрѣлъ больного и увидѣлъ, что дѣло плохо. Онъ напомнилъ Цао о своемъ предсказаніи; но тотъ и слушать не хотѣлъ и требовалъ лѣкарства. Хуа далъ одно лѣкарство; оно не помогло. Хуа далъ другое,—оставшееся также безъ всякаго результата.

Тогда Хуа заявилъ:

— „Болѣзнь развилась такъ сильно, что теперь полумѣрами не можешь; единственное средство спасти васъ,—и то безъ гарантіи за жизнь,—это вскрыть вамъ черепъ и выпустить скопившіеся тамъ воду и вѣтеръ“.

Цао былъ пораженъ предложеніемъ такой безумной, по его мнѣнію, операціи. Въ связи съ недавнимъ покушеніемъ, ему тотчасъ же пришла въ голову мысль, не является ли предложеніе

врача также покушеніемъ на него? Вѣдь Хуа—родомъ изъ враждебнаго Хань'я!

Мучимый подозрѣніемъ и злобой, онъ потребовалъ къ себѣ того посланнаго, который сопровождалъ врача.

— „Разскажи“, потребовалъ Цао: „что тебѣ дорогой говорилъ Хуа-то?“

— „Онъ все старался склонить меня на сторону Лю-бэй'я“, отвѣчалъ тотъ.

Подозрѣніе Цао перешло въ увѣренность.

„А, не удалось открытое покушеніе“, думалъ онъ, „такъ они подкупили врача. Ну, будутъ же они довольны!“

И онъ приказалъ бросить Хуа въ тюрьму.

Тюремщикъ врача много слышалъ о великомъ цѣлителѣ, и обращался съ нимъ какъ съ роднымъ отцомъ. Это тронуло сердце Хуа; видя кругомъ ложь, коварство и жестокость, и встрѣтивъ сердечное отношеніе только со стороны тюремщика,—онъ привязался къ нему сердцемъ и сталъ учить его.

Въ это время со стороны всѣхъ претендентовъ на власть, т. е. враговъ Цао-цао, къ нему поступили ходатайства объ освобожденіи изъ тюрьмы гордости всего народа, великаго врача.

Это было послѣднимъ поводомъ, убѣдившимъ Цао въ виновности Хуа.

— „Я его скоро освобожу“, отвѣтилъ Цао, и велѣлъ казнить великаго хирурга.

Когда заключенному былъ объявленъ смертный приговоръ, онъ сказалъ своему стражу:

— „Другъ! У меня нѣтъ другихъ друзей, кромѣ тебя: они всѣ оставили меня въ несчастьи... Дѣтей у меня нѣтъ. Ученики мои разбѣжались. Чѣмъ я могу отплатить тебѣ за всѣ заботы обо мнѣ? Я дамъ тебѣ только то, что имѣю. Но больше того, что я дамъ, никто въ мірѣ не имѣеть... Я дамъ тебѣ мои книги, полученныя мною отъ моего учителя и дополненныя мною цѣною опыта всей жизни. Онѣ тебѣ откроютъ такія тайны жизни, смерти и человѣческаго организма, о которыхъ теперешнимъ грубымъ людямъ и объявить нельзя. Книги эти сдѣлаютъ тебя великимъ

врачомъ и ученымъ. Я дамъ тебѣ записку къ моей женѣ, и она отдастъ тебѣ книги!

Великій Хуа-то былъ казненъ. Тюремщикъ совершилъ самое лучшее погребеніе, какое полагается только для отца, и съ запиской Хуа поспѣшилъ къ его женѣ.

Но какъ онъ ни спѣшилъ,—все-таки пришелъ слишкомъ поздно. Когда онъ показалъ записку женщинѣ, то она воскликнула:

— „Я употребила всѣ его книги на растопку очага!“

Тюремщикъ былъ въ отчаяніи.

— „Неужели же отъ нихъ ровно ничего не осталось?“ спросилъ онъ.

— „Вонъ, кажется, осталась еще одна, да и у той есть вырванные страницы. Удивляюсь, зачѣмъ вамъ эти книги: онѣ уже довели моего мужа до смерти,—и вамъ могли бы принести несчастье!“

Тюремщикъ взялъ оставшуюся книгу и сохранилъ ее для потомства. Въ ней заключалось описаніе строенія птицъ и животныхъ и правила производства оваріотоміи у куръ и свиней,—операции, которыя китайцы и теперь производятъ мастерски.

СУНЬ СЫ-МЯО.

Во второй половинѣ VI-го и первой VII-го вѣковъ по Р. Х. жилъ въ Китаѣ знаменитый ученый, врачъ, мистикъ и волшебникъ, по имени Сунь Сы-мяо. Родомъ онъ былъ изъ мѣстности Хуа,—нынѣ уѣздъ Хуа-инь сянь, въ провинціи Шань-си. Онъ изучилъ всѣ науки того времени,—онъ все зналъ; особенно же астрологию. Былъ онъ горячимъ послѣдователемъ великихъ философовъ Лао-Цзы и Чжуанъ-цзы.

Особенную славу онъ пріобрѣлъ своимъ даромъ врачеванія; лѣчилъ же онъ не столько земными средствами,—какъ соображаясь съ расположеніемъ небесныхъ свѣтилъ въ извѣстный моментъ и вліяніемъ ихъ на человѣка.

Янь-цзянь, императоръ 12-ой династіи Суй, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Вэнь-ди (590—604 г.), призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему почетное мѣсто наставника въ государ-

ственномъ училищѣ. Но Сунъ отказался, вернулся въ горы и опять сдѣлался инь-ши (удалившимся отъ міра ученымъ).

Впослѣдствіи знаменитый Ли Ши-минь (императоръ Танъ, ской династіи Тай-цзунъ, 627—640 г.) снова вызвалъ его изъ уединенія въ свою столицу—Чанъ-ань, и предложилъ ему почетное мѣсто. Но Сунъ опять отказался, не желая никому служить, и совершивъ много чудесъ, —вернулся въ свое уединеніе.

Умеръ онъ болѣе ста лѣтъ отъ роду, оставивъ потомству медицинскую книгу подъ названіемъ Цанъ-цзинь-фанъ, состоящую изъ 93 главъ.

Глубоко свѣдушій въ даоскихъ тайнахъ и мистическихъ ученіяхъ, онъ пользовался среди народа такой славой, что послѣ смерти попалъ въ народный пантеонъ, и теперь является однимъ изъ божествъ медицины.

ПУЛЬСЪ.

Императоръ Тай-цзунъ вэнь-хуанъ*) былъ великій военачальникъ: онъ покорилъ Западную Монголію и распространилъ власть Танъ'скаго дома до Каспійскаго моря. Но онъ былъ и опытнымъ администраторомъ, и отличнымъ законодателемъ, и мудрымъ политикомъ. Слава о его великихъ государственныхъ талантахъ распространилась такъ далеко, что греческій императоръ Феодосій отправилъ къ нему посольство въ его столицу Чанъ-ань, а сирійскіе христіане послали въ Китай цѣлую миссію въ 635 году.

Чтобы имѣть подъ рукою мудрыхъ совѣтниковъ, захотѣлъ императоръ собрать въ свою столицу цвѣтъ мудрости и учености со всего государства. Особенно хотѣлъ онъ привлечь къ себѣ знаменитаго Сунъ Сы-мяо, великаго ученаго, врача и мага. Но тотъ вель отшельническую жизнь въ горахъ, и презиралъ людской почетъ и богатство.

Тогда одинъ изъ придворныхъ далъ императору совѣтъ:

— „Государь, Сунъ Сы-мяо очень добръ и жалостливъ; если вызвать его ко двору подъ предлогомъ чьей-либо болѣзни, то онъ навѣрное пріѣдетъ. Только обманывать его нельзя—онъ все равно узнаетъ!“

*) Ли Ши-минь, второй императоръ Танъ'ской династіи.

Императоръ задумался—дѣйствительно, это будетъ самый лучшій способъ вызвать отшельника въ столицу. И какъ разъ одна изъ его женъ стала что-то капризничать и прихварывать...

Скоро спеціальный посланецъ, снабженный особыми инструкціями, отправился изъ столицы въ Хуа, и разыскавъ Суня, убѣдилъ его пріѣхать ко двору для лѣченія императрицы.

Въ Чанъ-ани врача встрѣтили съ такой пышностью и почетомъ, какъ будто бы это былъ владѣтельный князь, и помѣстили его во дворцѣ. Императоръ тотчасъ же его принялъ, очаровалъ его своимъ умомъ и привѣтливостью, и просилъ его, когда тотъ отдохнетъ, оказать помощь больной императрицѣ.

На другой день врача провели въ женскую половину дворца. Императрица, правда, прихварывала,—но не настолько, чтобы требовалась непременно помощь врача; поэтому, слѣдуя совѣту одной изъ своихъ приближенныхъ, она рѣшила сначала испытать прибывшую знаменитость.

Такъ какъ, согласно этикету, императрицу никакой мужчина не могъ видѣть, а тѣмъ болѣе изслѣдовать,—то императрица со своими дамами была отдѣлена большими плотными ширмами отъ зала, въ который ввели врача.

Сунь не могъ ни видѣть, ни разговаривать съ императрицей; поэтому онъ сообщилъ вышедшей къ нему придворной дамѣ, что такъ какъ ему необходимо знать пульсъ императрицы, —то пусть отъ руки императрицы протянуть тонкую нить по сю сторону ширмъ,—и этого для него будетъ вполне достаточно, чтобы опредѣлить болѣзнь.

Когда императрицѣ сказали о требованіи врача,—она усумнилась въ его знаніяхъ и рѣшила испытать, дѣйствительно ли онъ такой великій врачъ, какъ о немъ трубятъ молва? Поэтому она велѣла сказать Суню, что согласна выполнить его желаніе, а сама, между тѣмъ, взяла длинную шелковинку, и привязавъ одинъ конецъ ея къ ножкѣ стола,—другой конецъ приказала провести сквозь ширму и отдать доктору.

Сунь взялъ нить, осторожно потянулъ ее,—и вдругъ улыбнулся.

.....Государыня, сказалъ Сунь Сы-мяо, вы слова меня испытываете.

— „Государыня“, сказалъ онъ громко: „такой пульсъ можетъ быть только у дерева; элементу же дерева соответствуетъ селезенка и печень. Великій Хуа-то сказалъ: „Металлъ родитъ воду, вода родитъ дерево, дерево родитъ огонь, огонь родитъ землю, земля родитъ металлъ“. Следовательно, дерево родило бы у тебя огонь въ селезенкѣ и печени, а въ такомъ случаѣ у тебя былъ бы совсѣмъ другой пульсъ... Ты, государыня, пробуешь испытать меня, и прикрѣпила нить не къ своей рукѣ,— а къ сухому бездушному уже дереву“...

Императрица была поражена и стала отвязывать шелковинку отъ ножки стола. Но въ этотъ мигъ взоръ ея упалъ на постельную собачку, лежавшую подлѣ и никогда не разстававшуюся съ ней. Ей пришла въ голову шаловливая мысль испытать врача еще разъ. Она привязала нитку къ лапкѣ собачки, и врачу дали знать, что теперь нитку держать императрица.

Сунь осторожно натянулъ нить и долго внимательно прислушивался къ показаніямъ, передаваемымъ нитью...

Наконецъ лицо его омрачилось.

— „Государыня“, сказалъ онъ, „у человѣка тридцать четыре разныхъ пульса, но ни одинъ изъ нихъ не соответствуетъ тому, что я сейчасъ чувствую. Этотъ примитивный пульсъ не можетъ ощущаться на человѣческой рукѣ, а можетъ воспроизводиться лишь низшимъ организмомъ,—напримѣръ тѣломъ животнаго,—но даже не обезьяны. Вы снова меня испытываете!..“

Тогда пристыженная императрица, убѣдившись въ мудрости и знаніяхъ Суня, привязала нить къ собственной рукѣ, и врачъ, натянувши нитку,—тотчасъ же сказалъ:

— „А, вотъ теперь я чувствую пульсъ человѣка и женщины! Государыня, я дамъ вамъ лѣкарство—вы принимайте его, когда будете недомогать или когда будетъ разстраиваться состояніе вашего духа“.

Послѣ этого онъ прислалъ ей лѣкарство, и просилъ императора отпустить его домой. Императоръ дѣлалъ ему самыя заманчивыя предложенія, лишь бы только онъ остался въ столицѣ,—но Сунь отказался, хотя и мягко,—но наотрѣзъ.

— „Я много десятиковъ лѣтъ живу въ горахъ, и меня ни разу никто не испытывалъ; а здѣсь въ столицѣ меня за одинъ день испытывали три раза—могу-ли я здѣсь остаться?“ улыбаясь отвѣчалъ Сунь императору.

Послѣдній увидѣлъ, что дѣйствительно великому врачу неудобно теперь оставаться здѣсь, и въ душѣ сильно разсердился на императрицу. Сунь замѣтилъ это и сказалъ:

— „Государь, вы сейчасъ немного нездоровы,—но я дамъ вамъ записку, которую вы прочтете, когда я выѣду изъ города: она васъ вылѣчитъ!“

Сунь въ тотъ же день былъ отпущенъ съ великой честью. Передъ выѣздомъ онъ написалъ записку и приказалъ передать черезъ чась императору. Когда ее принесли императору, тотъ развернулъ ее и прочиталъ:

— „Государь, не гнѣвайтесь на императрицу: она дѣйствовала, какъ подсказывала ей прихотливая природа; она не больна, но черезъ шесть мѣсяцевъ подаритъ вамъ сына“.

Такъ все и случилось, какъ предсказалъ великій Сунь Сымяо на основаніи показанія пульса, переданнаго тонкой ниточкой.

III. Ю-ФЭЙ.

Далеко—далеко, на крайнемъ Западѣ, за песчаными пустынями, раскаленными лѣтомъ и ледяными зимою, за непроходимымъ лабиринтомъ горъ и ущелій, по которымъ бѣшено мчатся покрытые бѣлою пѣною горные потоки, за безконечными соляными болотами, въ которыхъ невозможна никакая жизнь,—высятся спокойныя громады горъ Кунь-лунь.

Горы эти, пустынные и дикія, безъ ручьевъ, безъ малѣйшаго кустика или травки, отвѣсными голыми стѣнами поднимаются такъ высоко, что пронизываютъ нѣсколько нижнихъ небесъ.

Тамъ, на горахъ, надъ девятью небесами, обитаетъ Си-ванъ-му, царица всѣхъ безсмертныхъ женщинъ, змѣй и всѣхъ существъ женскаго пола. Прямо противъ Сѣверной Медвѣдицы стоитъ дивной красоты городъ богини, окруженный огромной стѣной въ пятьсотъ верстъ длиною. На каждой изъ четырехъ сторонъ этой стѣны, обращенныхъ на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ,—высятся по три нефритовыхъ башни дивной красоты. И только одни ворота ведутъ въ этотъ чудный городъ. Посреди восточной стѣны на тысячу футовъ высятся ворота неизреченной красоты, изваянные изъ золота небесными художниками. Надъ воротами сверкаетъ неземная чудесная жемчужина въ тридцать чи (футовъ) величиной,—и таинственный, волшебный, матовый блескъ ея, сверкающій временами всѣми цвѣтами радуги,—видѣнъ за пятьсотъ верстъ...

Великая Си-ванъ-му или Цзинь-му, „Золотая Матерь“, окружена сонмомъ чистыхъ небесныхъ дѣвъ, стоящихъ отъ нея по лѣвую сторону, и множествомъ невинныхъ отроковъ—по правую. Они берегутъ сады богини, въ которыхъ растутъ гладкіе какъ ледъ персики. Чтобы они созрѣли, нужно девять тысячъ лѣтъ; за-

то съ теченіемъ тысячелѣтій въ нихъ зрѣеть и накапливается чудесная сила: вкусившій ихъ дѣлается безсмертнымъ...

Но ни одинъ смертный не можетъ проникнуть за золотыя стѣны, окружающія эти сады; и лишь время отъ времени Великая Мать устраиваетъ въ третій день третьяго мѣсяца пышное празднество, „Пань-дао-хуй“, на которое приглашаетъ боговъ, духовъ, геніевъ и нѣкоторыхъ безсмертныхъ, и тогда угощаетъ ихъ медомъ небесныхъ пчелъ и персиками безсмертія.

Еще выше чудеснаго города Си-ванъ-му обитаетъ великій Дунъ-ванъ-гунъ или Юй-хуанъ-цзюнь,—тотъ самый, котораго простой народъ зоветъ Му-гунъ. Это онъ ведетъ строгій учетъ всѣмъ безсмертнымъ мужского пола. Когда-то онъ вмѣстѣ съ Цзинь-му былъ созданъ изъ эфира; ему былъ данъ въ удѣлъ Востокъ, а ей—Западъ.

Но мелкихъ дѣлъ людскихъ они оба не касались: вся грязь земная была сокрыта отъ нихъ нижними небесами, господами которыхъ являются духи: дождя—Юй-ши или Бинъ-и, и духъ вѣтра—Фэнъ-бо или Фэй-лянь. Они гонятъ тучи съ мѣста на мѣсто и орошаютъ землю праведныхъ. А людей, утратившихъ добродѣтель, они наказываютъ: засуха или страшные ливни уничтожаютъ всѣ хлѣба..

Имъ помогаютъ богиня молніи Дянь-му и богъ грома Лэй-гунъ. Ка-акъ засверкаетъ стройная красавица Дянь-му обоими круглыми зеркалами, которыя держитъ въ рукахъ, ка-акъ ударитъ Лэй-гунъ своимъ молотомъ въ стоящій у края горъ каменный барабанъ пятисотъ верстъ въ поперечникѣ,—такъ ничто живое не можетъ устоять: даже утесы и горы рушатся въ бездны, и заключенные въ нѣдрахъ горъ духи выходятъ на свободу...

Все это творится ниже первыхъ небесъ; выше же ихъ царствуетъ безмятежный покой и тишина въ межнебесныхъ пространствахъ, освѣщаемыхъ во время празднествъ небожителей таинственнымъ священнымъ сіяніемъ владыки съвера—Чжэнь-у бэй-цзи (Съвернаго полюса).

Но выще, неизмѣримо выше всѣхъ пиковъ Кунь-луня, и выше всѣхъ духовъ и боговъ, возсѣдалъ великій богъ Жу-лай Фо...

Не новый, пришедшій изъ чужихъ странъ, а великій, древній, истинный Фо возсѣдалъ на лотосовомъ престолѣ. Руки его были сложены на чреслахъ одна на другой ладонями кверху; молодой ликъ, окруженный широкимъ сіяніемъ, былъ безмятеженъ; глаза опущены внизъ, и небольшая выпуклость на лбу, имѣвшая форму глаза,—излучала мерцавшій свѣтъ мудрости.

Одежда не закрывала его груди, посреди которой такія же линіи, какъ на ладони человѣка, волею Судьбы ясно начертгли таинственный іероглифъ卐 „вань“—знакъ святости, мудрости, справедливости, безконечной благодати и великихъ таинственныхъ знаній.

Великій Фо, „Господь, смотрящій съ высоты“ (Авалокитесвара) возсѣдалъ на дивномъ сѣдалищѣ изъ лотосовъ, испускавшихъ небесное благоуханіе, и слова божественной мудрости лились изъ устъ его. Безчисленное множество духовъ въ святомъ упоеніи, внѣ времени и пространства, внимали дивнымъ словесамъ... Великая тишина объяла все и вся, и только святыя глаголы какъ перлы катились изъ устъ Премилосерднаго и утоляли духовную жажду безсмертныхъ духовъ...

И вдругъ раздался грубый, земной, неприличный звукъ, виновникомъ котораго былъ духъ Бай бянь-фу (тысячелѣтняя бѣлая летучая мышь), по имени Нью Ту-фу...

Владыка всѣхъ временъ и міровъ прервалъ рѣчь; всѣ духи въ ужасѣ замерли передъ неслыханной дерзостью.

И тотчасъ же великій духъ Цзинь-чи-няо („Златокрылая птица“), тотъ самый, у клюва котораго рождается чудесный изумрудъ, ближайшій стражъ божества,—ринулся на духа-святотатца. Во мгновение ока онъ растерзалъ его на куски, и бросилъ ихъ, трепещущіе, на землю.

Гнѣвно, впервые за тысячу лѣтъ, взглянулъ Безконечно-справедливый на горячаго стража.

— „Ты, Цзинь-чи-няо, какъ могъ осмѣлиться не сдержать гнѣва и жизнь исторгнуть изъ тѣла такого же, какъ ты самъ, духа? И лишь за слабость плоти, всѣмъ живущимъ присущую... Нѣтъ тебѣ больше мѣста на небѣ—иди на землю и вмѣсто духа Цзинь-чи-няо будь просто птицей Бѣлымъ Орломъ. Земной жизнью

искупи свой грѣхъ горячности, и, очищенный, вернись сюда съ закаленной волей!“

Невыносимо тяжело сдѣлалось Цзинь-чи-няо не столько отъ утраты своей духовной высоты, достигнутой имъ когда-то цѣною тяжкихъ усилій,—сколько отъ услышанныхъ имъ впервые гнѣвныхъ словъ всеблагого божества. А въ тайникахъ его сердца, быстро начавшаго незамѣтно для него самого терять духовное начало, уже родилось ощущение обиды. „Пусть бы“, думалъ Цзинь-чи-няо, „я пострадалъ изъ-за кого-нибудь другого; а то—изъ-за Летучей мыши, самага презрѣннаго изъ всѣхъ духовъ!“

Но у него не было времени долго размышлять—онъ камнемъ падалъ внизъ, и земля быстро приближалась. Распростерши могучія крылья, онъ замедлилъ свой полетъ, и описавъ широкой кругъ, сѣлъ на большой камень, нависшій надъ рѣкой.

Взглянулъ Цзинь-чи-няо внизъ и видитъ свое отраженіе въ водѣ: онъ уже не златокрылый духъ,—а простая птица, Бѣлый Орелъ...

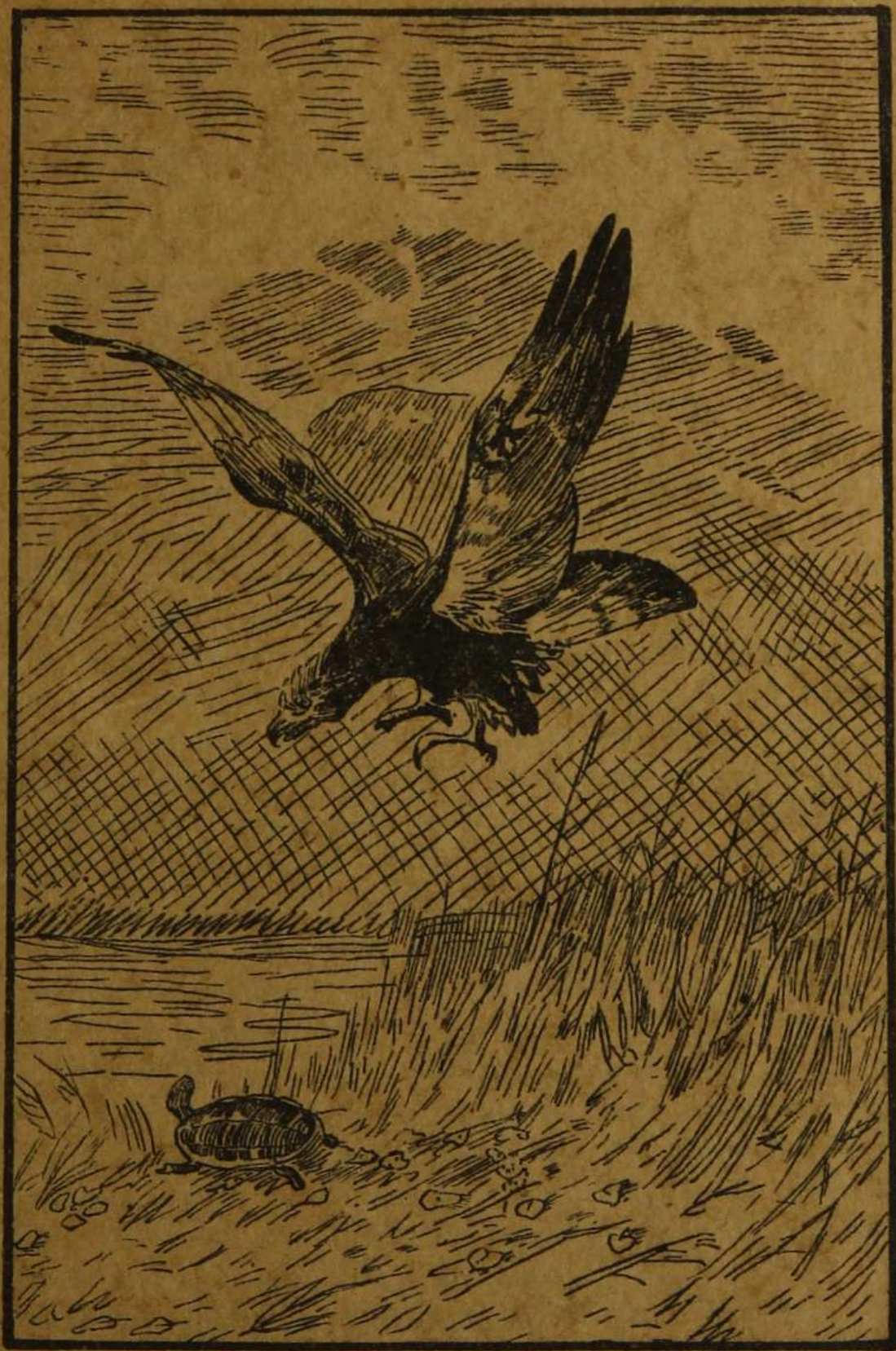
Съ возвращеніемъ на давно покинутую имъ землю, онъ сразу подпалъ подъ вліяніе ея силъ, и земныя чувства стали ему опять знакомы. Имъ овладѣлъ сильный голодъ...

Оглянулся Орелъ—и видитъ, что неподалеку отъ него, согрѣвшись въ лучахъ солнца, сладко спитъ крупная рѣчная черепаха. Хищный инстинктъ тотчасъ проснулся въ Орлѣ; онъ взлетѣлъ надъ черепахой, и съ размаха убилъ ее ударомъ клюва по головѣ.

Черезъ минуту отъ черепахи остался лишь панцырь ея, и Орелъ былъ сытъ.

Но ничто не скроется отъ всевидящихъ взоровъ великаго Фо...

— „Бѣлый Орелъ“, услышалъ низвергнутый духъ въ раскатахъ грома гнѣвный голосъ Всемогущаго:—„ты снова совершилъ ужасное дѣло! Не будетъ тебѣ прощенія, пока ты стократно не искупишь своей вины передъ своими жертвами. Ты переродишься и сердце твое останется такимъ же чистымъ и вѣрнымъ, какимъ было всегда; но за свои преступленія въ *этой* жизни ты понесешь испытанія и наказанія въ *будущей*!“...

...Орелъ съ размаха убилъ черепаху ударомъ клюва по голове.

Handwritten text at the top of the page, possibly a title or header, which is mirrored in the bottom section.

Handwritten text at the bottom of the page, which is a mirror image of the text at the top.

И тотчасъ же Бѣлый Орелъ заснулъ мертвымъ сномъ.

Въ этотъ же моментъ въ городѣ Ю-чжоу фу, въ семьѣ Ю (читается также Юэ или Яо) родился мальчикъ, извѣстный впоследствии подъ именемъ Ю-фэй.

Душа летучей мыши Нюй-ту-фу также не блуждала въ пространствѣ, а переродилась въ тѣлѣ дѣвочки, которую послѣ стали звать Ванъ-ши.

И съѣденной черепахи душа также въ мигъ смерти нашла себѣ новое пристанище—тѣло мальчика Цинь-гуй...

Всѣ три ребенка выросли. Цинь-гуй сдѣлался мужемъ Ванъ-ши, и у нихъ родилась дочь—красавица. Благодаря богатству своихъ родителей, связямъ, а также своей пронырливости, Цинь-гуй получилъ доступъ ко двору.

Молодой братъ императора, увидѣвши однажды дочь Цинь-гуя, увлекся ею и сдѣлалъ ее своей женой.

Вскорѣ мужъ красавицы самъ сдѣлался императоромъ, и сдѣлалъ своего тестя, Цинь-гуя, первымъ министромъ.

Но вотъ напали на Поднебесную враги, отъ которыхъ единственной защитой оказался прославившійся на весь свѣтъ великій полководецъ Ю-фэй. Увидѣвши его однажды, когда тотъ представлялся императору, Цинь-гуй и Ванъ-ши почувствовали къ нему величайшую ненависть, которую они себѣ объяснить не могли... Ихъ ограниченный умъ не зналъ, что это—отголоски ихъ отношеній въ прежнихъ существованіяхъ...

Министръ и его жена рѣшили погубить Ю-фэй'я. Жена императора, по наущенію своего отца, наклеветала на героя. Его посадили въ тюрьму и подвергли ужаснымъ пыткамъ. Не довольствуясь этимъ, Ванъ-ши приказывала въ своемъ присутствіи раздѣвать зимой Ю-фэй'я до нага, поливать водой и выставлять на леденящій вѣтеръ, а затѣмъ прикладывать къ обнаженному тѣлу раскаленные утюги; прикипѣвшее къ металлу мясо отрывалось кусками... Словомъ, его подвергли мукамъ второго и девятого отдѣленій ада, куда ввергаются убійцы.

Наконецъ Ю-фэй'я умертвили. Душа его, очищенная страданіями, не нуждалась больше въ земныхъ перевоплощеніяхъ;

она вселилась въ тѣло отрока, неотступно слѣдующаго за самимъ Фо и держащаго передъ нимъ вазу съ цвѣтами му-дань, испускающими небесный ароматъ.

А душамъ Цинь-гуй'я и Ванъ-ши суждено въ теченіе одного земного періода (калпы, не менѣе 80.000 лѣтъ) перерождаться въ тѣла людей съ самой несчастной жизнью, безъ права отдыха въ тѣлѣ животнаго, ибо жизнь несчастнаго человѣка гораздо тяжеле, чѣмъ несчастнаго животнаго...

Такъ повѣствуетъ преданіе.

А исторія о тѣхъ же лицахъ говоритъ слѣдующее:

Въ провинціи Хэ-нань, въ уѣздѣ Танъ-инь округа Сянь-чжоу, жилъ одинъ состоятельный земледѣлецъ—удивительный человѣкъ, полный безсребренникъ. Все, что у него было, онъ отдавалъ тѣмъ, кто у него что-либо просилъ. Бывали случаи, что сосѣди захватывали у него куски земли; и даже тогда онъ не протестовалъ, а наоборотъ: въ такихъ случаяхъ онъ шелъ къ мѣстному начальнику, писалъ у него дарственную записку на имя захватчика, и возвратившись домой, посылалъ этотъ документъ на землю своему обидчику...

Конечно, въ концѣ-концовъ ему и его семьѣ частенько приходилось голодать.

Дѣтей, то-есть мальчиковъ, потому что дѣвочки не идутъ въ счетъ,—у него не было. Но вотъ, наконецъ, послѣ того, какъ жена Іо помолилась богинѣ Сунь-шэнь нянь-нянь, подательницѣ дѣтей,—у супруговъ появилась надежда. И дѣйствительно, у нихъ родился мальчикъ.

Въ самый моментъ его рожденія, надъ ихъ домомъ долго висала огромная птица,—орелъ, который громко кричалъ; поэтому ребенку дали имя Фэй—что означаетъ „летать“, а впоследствии и прозвище—Пэнъ-цзюй.

Это было въ 1103 году нашей эры.

Іо-фэй росъ скромнымъ, послушнымъ мальчикомъ; какъ онъ учился—мы не знаемъ. Извѣстно только, что онъ очень увлекался всѣми извѣстными тогда видами спорта. Онъ развилъ въ себѣ

такую физическую силу, что могъ натянуть лукъ силою въ 300 цзинь (почти 11 пудовъ), а самострѣль—силою въ 8 дань (28 пуд. 32 фунта).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внимательно изучалъ исторію и всѣ руководства по военному искусству.

Въ это время на сѣверѣ Китай былъ вовлеченъ въ тяжелую борьбу съ вновь появившимся на міровой сценѣ народомъ Чжурчжэнями или Нюй-жэнь'ями, предками нынѣшнихъ дахуровъ. Нюй-жэни, разбивъ Киданей, занимавшихъ ранѣе Южную Маньчжурію и Сѣверный Китай, заняли ихъ мѣсто, и стали жестоко тѣснить китайцевъ. Послѣдніе терпѣли поражение за поражениемъ, и наконецъ ихъ императоръ Цинь-цзунъ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отрекшимся отъ престола императоромъ Хуй-цзуномъ, и многими сановниками (между которыми былъ министръ Цинь-гуй и его жена Ванъ-ши) въ 1127 году попали въ плѣнъ къ Нюй-жэнямъ. Императоровъ они отправили въ нынѣшній городъ Нингуту, гдѣ они впоследствии и умерли. Младшему брату императора, по имени Гоу, удалось бѣжать, и онъ вступилъ на престолъ, избравъ столицей г. Ханъ-чжоу. Въ исторіи онъ извѣстенъ подъ именемъ Гао-цзуна.

Вотъ тогда-то Ю-фэй, не будучи въ состояніи спокойно выносить несчастія отечества,—кликнулъ кличъ, и собравъ отрядъ конныхъ добровольцевъ въ 500 человекъ, двинулся съ ними противъ непріателя.

Нюй-жэни, повидимому, привыкли къ легкимъ побѣдамъ, и презрительно отнеслись къ такому ничтожному противнику. Но послѣдствія этой небрежности были для нихъ весьма тяжки: Ю-фэй разбилъ стотысячную армію Чжурчжэнэй.

Эта необычайная побѣда создала ему чрезвычайную популярность, и къ нему стали со всѣхъ сторонъ стекаться добровольцы. Войско его, въ которомъ онъ ввелъ строжайшую дисциплину, не знало поражений; враги теряли завоеванныя провинціи одну за другой, и онъ былъ сдѣланъ командующимъ одной изъ трехъ китайскихъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Цзинь (такъ нюй-жэни называли свою династію и государство).

Тогда Ё-чжу, цзиньскій полководецъ, рѣшилъ примѣнить противъ китайцевъ особое средство. Онъ предложилъ значительную сумму денегъ и свободу Цинь-гую и его женѣ (бывшей его наложницей) при условіи, если они всѣми зависящими отъ нихъ средствами будутъ стараться остановить успѣхи китайскихъ войскъ и погубятъ Ю-фэйя.

Цинь-гуй согласился, получилъ свободу, и сдѣлался первымъ министромъ у Гао-цзуна.

Между тѣмъ армія Ю-фэйя уже приближалась къ цзиньской столицѣ Хуань-лунъ фу (близъ нынѣшн. Юнь-пинъ фу).

Тогда Ё-чжу потребовалъ у Цинь-гуя выполненія его обязательства. Цинь-гуй, опасаясь раскрытія своего позорнаго соглашенія въ случаѣ неисполненія требованія Ё-чжу, — послалъ приказаніе обоимъ генераламъ, командовавшимъ войсками на правомъ и на лѣвомъ флангахъ театра войны, немедленно отступить. Въ центрѣ остались лишь войска Ю-фэйя. Но, не смотря на это, послѣдній не прекращалъ военныхъ дѣйствій. Тогда Цинь-гуй въ одинъ день послалъ къ Ю-фэйю 12 курьеровъ, одного за другимъ, съ приказаніемъ немедленно отступить, а императору донести, что Ю-фей, его сынъ Ю-юань и зять, генераль Чжань-сянь, не желаютъ больше воевать, а замыслили съ помощью преданнаго имъ войска свергнуть императора съ престола и посадить на него Ю-фэйя.

Какъ только Ю-фэй прибылъ въ столицу, онъ тотчасъ же былъ вмѣстѣ съ сыномъ и зятемъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму.

Слѣдствіе, которое съ великимъ пристрастіемъ вели клеветы Цинь-гуайя, не дало никакихъ уликъ противъ Ю-фэйя. Надопросѣ, когда героя обвиняли въ непослушаніи и вѣроломствѣ, — онъ, по приказанію судей, долженъ былъ снять верхнюю одежду. И тогда всѣ увидѣли у него на спинѣ татуировку — четыре іероглифа: цзинь чжунъ бао го, т. е. „всегда вѣрный защитникъ государства“. На вопросъ о происхожденіи этихъ знаковъ, Ю-фэй сказалъ, что ихъ сдѣлала его мать, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и что отъ этихъ завѣтовъ онъ никогда не отступалъ.

Ничего не добившись, узниковъ опять отправили въ тюрьму.

Прошелъ цѣлый годъ, и императоръ потребовалъ наконецъ рѣшенія по дѣлу Іо-фэйя.

Такъ какъ затягивать дѣла больше было нельзя, и невинность Іо-фэйя грозила обнаружиться, то, по совѣту жены, Цинь-гуй рѣшилъ умертвить своего врага. Ванъ-ши высосала сокъ изъ апельсина, и въ пустую корку вложила написанный Цинь-гуйемъ собственноручно приказъ тюремщику немедленно покончить со всѣми тремя узниками.

Тюремщикъ, получивъ отъ перваго министра апельсинъ,—былъ пораженъ такой милостью. Но, разломавъ его, онъ понялъ, что такимъ необычнымъ способомъ посылки приказа министръ хотѣлъ сохранить тайну.

Въ ту же ночь тюремщикъ связалъ всѣхъ трехъ своихъ плѣнниковъ, вывелъ въ садъ, задушилъ ихъ и тѣла закопалъ въ отдаленномъ углу сада.

На другой день императору донесли, что заключенные неожиданно умерли.

Но слухъ объ этомъ злодѣяніи проникъ въ народъ; образъ любимаго героя былъ окруженъ еще ореоломъ мученичества, и когда на престолъ вступилъ въ 1162 году Сяо-цзунъ, пріемный сынъ Гао-цзуна, то новый императоръ постарался загладить грѣхъ своего предшественника. Онъ даровалъ родственникамъ Іо-фэйя земли, а ему самому—пышный титулъ; останки его были перенесены въ г. Ханъ-чжоу, и погребены на островкѣ озера Си-ху, и надъ ними воздвигнутъ пышный мавзолей.

А Цинь-гуй и достойная своего мужа Ванъ-ши?

На томъ же островкѣ, гдѣ покоится прахъ Іо-фэйя, отъ могилы послѣдняго тянется аллея изъ двухъ рядовъ изваянныхъ изъ камня фигуръ людей и лошадей. При началѣ этой аллеи, по обѣимъ сторонамъ входныхъ воротъ, въ оградѣ, окружающей могильную площадь, въ двухъ каменныхъ клѣткахъ стоятъ вылитыя во весь ростъ изъ чугуна колѣнопреклоненныя фигуры со связанными назади руками. Съ правой стороны—генералъ Чжанъ-чжунъ, покинувшій Іо-фэйя въ критическую минуту, и одинъ изъ клеветовъ Цинь-гуйя.

Слѣва—фигуры самого Цинь-гуйя и его жены. Ихъ постигла кара, непредусмотрѣнная ни исторіей, ни закономъ, ни создателями памятника: во первыхъ, именемъ Цинь-гуйя называется плевательница; а во вторыхъ, каждый китаецъ, приходящій къ могилѣ Ю-фейя, считаетъ своимъ долгомъ осквернить эти статуи; и кромѣ того, отъ прикосновенія рукъ къ грудямъ обнаженной до пояса статуи Ванъ-ши, онѣ блестятъ, какъ полированные.

„Будь вѣренъ всегда мнѣ,

„Какъ Ю-фэй государю“,

говоритъ дѣвушка своему другу въ одной китайской пѣсенкѣ

„Мой розовый лотосъ“,

отвѣчаетъ ей другъ,

„Не будь ты похожа

„На злую Ванъ-ши“.

IV. Южно-китайскія легенды.

ТИ ТАЙ-ТАЙ и КО-КО-О.

Необозримыя равнины Сѣвернаго Китая, сплошь распаханныя и покрытыя всевозможными хлѣбами,—радуютъ сердце хозяина; но особенной красоты и разнообразія въ нихъ не ищи, особенно когда все, доступное глазу, покрывается сплошь тонкой, желтой пылью, приносимой сѣверными и сѣверо-западными вѣтрами... Однообразнаго пейзажа не можетъ скрасить даже и угрюмый, высокій, голый хребетъ Цинь-линъ, протянувшійся поперекъ всего Китая, между бассейнами рѣкъ Желтой (Хуанъ-хэ) и Великаго Цзяна (Да-цзянъ или Янъ-цзы-цзянъ).

Совсѣмъ другую картину представляетъ собой Южный Китай. Онъ почти сплошь заполненъ невысокими, но живописными горами, съ безчисленными озерами, долинами, рѣчками и ручьями. Теплый климатъ, обиліе влаги и роскошная растительность дѣлаютъ Южный Китай одной изъ самыхъ красивыхъ странъ во всемъ мірѣ.

Сѣверъ крайне бѣденъ животными и птицами, тогда какъ на Югѣ не только европейца, но даже китаецъ-сѣверянина поражаетъ обиліе птицъ, животныхъ и насекомыхъ въ чудныхъ лѣсахъ. Со всѣхъ сторонъ несетя пѣніе, жужжаніе и разнообразные крики лѣсныхъ обитателей. Живое воображеніе южанъ, болѣе поэтичныхъ, чѣмъ сѣверянъ, создало много сказокъ и легендъ, связанныхъ съ мѣстными животными и птицами; сказанія эти отличаются иногда поэтичностью и задушевностью,—затрагивая зачастую и интимныя стороны семейной жизни.

Часто въ лѣсу и на полянахъ слышатся крики двухъ птицъ, которыя называются: одна—Ко Ко-о, другая—Ти Тай-тай. Названія эти—такое же подражаніе ихъ крику, какъ у насъ, на примѣръ, „кукушка“.

Первую изъ нихъ, Ко ко-о, можно часто слышать, но очень рѣдко видѣть. Величиной и сложеніемъ она напоминаетъ коричневаго дрозда, но немного длиннѣе; но цвѣтъ перьевъ ея—смоляно-черный. Она издаетъ звонкій, чистый отчетливый крикъ: Ко ко-о-о!

Другая птичка, похожа на англійскаго жаворонка, называется (на сѣверномъ языкѣ) Хэй-доу-няо (т. е. „птица черныхъ бобовъ“), или иначе (на языкѣ южанъ)—Ти тай-тай. Она поднимается съ земли съ удивительно мелодичнымъ щебетаньемъ, очень напоминающимъ слова: „Ти тай-тай“. Птичка прямо, какъ стрѣла, несется вверхъ, продолжая непрерывно издавать тѣ же звуки, пока не скроется для глазъ и уха въ небесной синевѣ.

Много лѣтъ тому назадъ, но когда именно—неизвѣстно, только очень давно,—жилъ въ тѣхъ краяхъ со своей матерью и молоденькой сестрою юноша по фамиліи А, по имени—Синь. Люди они были достаточные; была своя земля и домъ. Одно было плохо—только одинъ мужчина въ семьѣ!!—Нужно было позаботиться о продолженіи рода...

Невѣсту въ Китаѣ найти легко—этотъ товаръ, даже первосортный, недорого цѣнится на мѣстномъ рынкѣ.

Но не хотѣла мать брать себѣ какую попало сноху,—а тщательно присматривалась ко всемъ окрестнымъ дѣвушкамъ. И выбрала наконецъ, да такую, что даже при всемъ желаніи нельзя было въ ней найти ни одного пятнышка: и красавица, и умница, и добрая, и послушная; а ужъ рукодѣльница-то какая—лучшей во всемъ округѣ не найти!

Скоро сыграли свадьбу.

Что А Синь горячо полюбилъ свою молодую веселую щебетунью—жену, А Ко,—это понятно; а удивительнѣе было то, что и его мать чрезвычайно привязалась къ молодой женщинѣ,—надеждѣ ихъ рода.

Словомъ, всѣ въ домѣ души не чаяли въ прелестной молодой женщинѣ: она была центромъ ихъ жизни; и даже молодой

мужъ, обладавшій твердымъ характеромъ и крѣпко державшій домъ въ своихъ рукахъ, во всемъ ея слушался. Мать, какъ большинство китайскихъ матерей—вдовъ, имѣющихъ взрослыхъ сыновей,—побаивалась своего сына, и во всемъ повиновалась ему. Это еще болѣе заставляло ее всячески ухаживать за прелестной молодой женщиной. Хорошо было еще и то, что А Ко подружилась и сердечно полюбила молоденькую А Со, сестру своего мужа...

Однажды А Синь уѣхалъ по дѣламъ на нѣсколько дней. А Ко и А Со въ сущности были еще дѣтьми; онѣ почувствовали себя свободными отъ надзора, рѣзвились и бѣгали по полю...

За полемъ начинались холмы, покрытые густыми зарослями. Очаровательныя бабочки порхали кругомъ такъ прихотливо, птицы пѣли такъ звонко, густая тѣнь манила такъ соблазнительно,— что подруги не могли противиться искушенію, и—нарушили приказъ А Синя: никогда не ходить за поле въ холмы...

Онѣ, взявшись за руки, пошли по тропинкѣ между двумя холмами; а потомъ, то гонясь за бабочками, то перебѣгая отъ цвѣтка къ цвѣтку,—онѣ потеряли и тропу, и направленіе, гдѣ стоялъ ихъ домъ.

Вдругъ какая-то огромная красная масса промелькнула передъ глазами А Со и раздался страшный крикъ. Огромный тигръ прыгнулъ, чуть не задѣвъ А Со, и схватилъ А Ко за плечо. Помертвѣвшая отъ ужаса Со видѣла, какъ тигръ одно мгновеніе стоялъ, гнѣвно глядя на нее страшными глазами и билъ себя хвостомъ по бокамъ, а потомъ потащилъ несчастную женщину въ чашу лѣса. Что было дальше—дѣвушка не знала: она лишилась чувствъ.

Сколько времени прошло, пока А Со пришла въ себя,—она тоже не знала... Но вспомнивъ о томъ, что здѣсь недавно произошло,—она въ ужасѣ бросилась бѣжать. Случайно А Со попала какъ разъ на ту тропу, которая вела къ ихъ полю; и скоро она, задыхаясь и безъ памяти, прибѣжала домой.

Долго перепуганная мать не могла у ней добиться, что съ ней случилось и гдѣ же А Ко?

Нельзя представить себѣ ужаса матери, когда, наконецъ, изъ

отдѣльныхъ словъ дочери, прерываемыхъ рыданіями, она узнала страшную правду...

„Сынъ, что скажетъ сынъ?“ какъ молотомъ било у ней въ мозгу...

Люди, особенно женщины, очень часто бываютъ несправедливы и жестоки въ несчастіи. И эта мать, забывъ, что горе молодой дѣвушки не меньше, чѣмъ ея самой,—обрушилась на дочь:

„Это ты во всемъ виновата! Зачѣмъ ты пошла съ А Ко въ горы? Тебѣ это сколько разъ запрещалось! Будь ты проклята—вонъ изъ моего дому! Ищи А Ко, и безъ нея не думай возвращаться домой!“

Несчастливая дѣвушка не выдержала новаго удара. Умъ у нея помутился. Она безропотно покинула родной домъ и пошла въ горы, туда, гдѣ еще такъ недавно она смѣялась и веселилась съ А Ко.

„Ко-ко-о, Ко-ко-о!“ звала она погибшую женщину. Ко ко-о! отвѣчали ей лѣса и скалы...

Никто уже больше не видѣлъ бѣдную А Со. Но чтобы безразсудныя матери помнили, что онѣ являются отвѣтственными за судьбу дѣтей,—боги переселили душу Со въ тѣло птички, которую хотя и не увидишь, но которая своимъ крикомъ: „Ко ко-о“ напоминаетъ: „не будь жестокъ“!

„Ко ко-о-о“, отчетливо раздается въ чащѣ. „Ти-тай-тай“, отвѣчаетъ ему мелодичное щебетанье на полянѣ...

Жилъ-былъ одинъ зажиточный поселянинъ, по фамиліи А (это очень распространенная фамилія на Югѣ), по имени Гуай. Земля его была не въ одномъ кускѣ, а порядочно разбросана; особенно было удалено одно поле, полученное недавно по наслѣдству.

Была у А Гуайя хорошая, славная жена. Но, подаривъ ему маленькаго сына А Пуна, она переселилась въ страну тѣней...

Сильно горевалъ А Гуай по своей женѣ,—хотя, конечно, ничѣмъ не показывалъ этого, чтобы „не потерять лица“. Но жизнь

береть свои права. Безъ жены жить нельзя—вѣдь и для хозяйства, и для ребенка это нужно... А Гуай не успѣлъ еще устать отъ семейной жизни; и задумалъ вдовецъ повторить опытъ,—благо что первый былъ удаченъ.

Задумано-сдѣлано: чего-чего, а невѣсть въ Китаѣ хотъ отбавляй! Доказанъ фактъ, что дѣвочекъ въ Китаѣ рождается болѣе, чѣмъ мальчиковъ. Вотъ почему, несмотря на большое число дѣвочекъ, убиваемыхъ при самомъ рожденіи,—ихъ все же остается достаточное количество, чтобы каждому гражданину Поднебесной досталось по женѣ; а кто хочетъ или можетъ—тотъ обзаводится парочкой или даже тройцей.

Скоро А Гуай ввелъ въ свой домъ прелестную молодую жену. Выборъ и на этотъ разъ оказался удачнымъ: красивая, веселая, но порывистая А Линь безумно любила дѣтей, и со всѣмъ пыломъ своего неискушеннаго жизнью сердца привязалась къ своему пасынку А Пуну.

А Гуай радовался и въ душѣ хвалилъ себя за хорошій выборъ...

Вскорѣ вторая, младшая, жена, не захотѣла отстать отъ старшей, и дала мужу надежду на новое продолженіе его рода. Дѣйствительно, она вскорѣ тоже родила хорошенькаго мальчика; но въ дальнѣйшемъ она не захотѣла подражать своей предшественницѣ, потому что она не только не умерла,—а наоборотъ: послѣ родовъ она скоро оправилась, пополнѣла, окрѣпла. И характеръ у нея перемѣнился—сдѣлался болѣе самостоятельнымъ, независимымъ и рѣшительнымъ.

Отецъ радовался. Его второй сынъ, А Ти, будетъ служить новой нитью, закрѣпляющую ту невидимую, но крѣпкую любовную связь, которая существуетъ между живущими на землѣ и отошедшими въ вѣчность членами одного и того же рода...

Но, увы! Ни онъ, и никто не могъ бы учесть новаго фактора, явившагося на сцену,—измѣнчивости женскаго сердца. Пока у А Линь не было своего родного сына,—она возилась, забавлялась, и всячески баловала своего пасынка; онъ былъ для нея хорошенькой живой игрушкой. Но, когда появился на свѣтъ А Ти,—послѣд-

ній цѣликсмъ завладѣлъ сердцемъ матери. Постепенно ея любовь къ пасынку таяла; въ ея голову стали закрадываться такія мысли: „почему все получить и будетъ хозяиномъ въ семьѣ Пунъ, а не Ти? Только изъ-за того, что онъ старшій? Да Ти и красивѣе, и лучше, и навѣрное будетъ умнѣе!“

Словомъ, прошло немного времени, и вмѣсто прежней любви къ пасынку, А Линь почувствовала сначала охлажденіе, потомъ — равнодушіе, затѣмъ — нерасположеніе, которое незамѣтно для нея самой перешло въ ненависть.

Молодая женщина и сама не отдавала себѣ отчета въ томъ, что съ ней дѣлается; она чувствовала только, что ея пасынокъ — скверный, нехорошій, противный мальчикъ, стоящій поперекъ пути ея ненаглядному сынку. Но она была настолько умна, что тщательно скрывала до поры-до времени свои истинныя чувства.

Тѣмъ не менѣе, А Пунъ нѣжно любилъ своего младшаго брата, и во всемъ ему уступалъ.

Съ годами и сердце А Линь все росло и раздувалось ненавистью къ пасынку. Одинъ видъ его поднималъ уже въ ней цѣлую бурю ненависти... Наконецъ она не могла больше бороться съ собой, и рѣшилась на отчаянный шагъ. Она рѣшила устранить пасынка съ пути ея сына.

Но какъ это сдѣлать, чтобы и рукъ не марать, и подозрѣнія ни въ комъ не возбудить, и самой ничего не видѣть?

Долго она думала, и наконецъ придумала.

Однажды она позвала обоихъ мальчиковъ, и давая каждому по корзинкѣ съ бобами, сказала:

— „Вотъ вамъ сѣмена бобовъ: эта корзинка — тебѣ, Пунъ, а эта — тебѣ, Ти. Вы уже не маленькіе, пора вамъ приучаться къ работѣ. Отправляйтесь сейчасъ же на самое дальнее поле и посадите бобы, но не вмѣстѣ, — а каждый на отдѣльномъ участкѣ: я хочу видѣть, кто изъ васъ лучше посадитъ. Сидите на полѣ и не смѣйте ни подъ какимъ видомъ возвращаться домой до тѣхъ поръ, пока бобы не взойдутъ. Чьи же бобы взойдутъ — тотъ немедленно долженъ вернуться... Ты, Пунъ, былъ уже на этомъ полѣ съ отцомъ, а Ти — нѣтъ; поэтому ты хорошенько покажи

ему дорогу, чтобы онъ ее запомнилъ. Да смотрите, не перепутайте корзинокъ!"

Мать дала дѣтямъ немного варенаго риса, и проводила ихъ.

Дорогою А Ти все шалилъ и бѣгалъ, не обращая вниманія на просьбы А Пуна запоминать дорожныя примѣты. Расшалившись, онъ схватилъ корзинку брата и нечаянно сдернулъ съ нея тряпку, покрывавшую сѣмена.

Мальчишка поразило то, что бобы старшаго брата были гораздо крупнѣе и сочнѣе, чѣмъ у него самого.

— „У брата бобы свѣжѣе; слѣдовательно—они взойдутъ скорѣе, чѣмъ у меня“, подумалъ онъ.

— „Дай мнѣ твои бобы“, попросилъ онъ.

— „Но вѣдь мама сказала, чтобы мы не перепутали корзины!“ возразилъ старшій.

— „Дай, дай, я такъ хочу! Давай сейчасъ, а то я пожалуюсь мамѣ, что ты меня не слушаешь и обижаешь!“

Пунъ зналъ, какія могли быть послѣдствія такой жалобы, и поэтому отдалъ брату свою корзинку съ полными бобами, а у него взялъ мелкія, сухія зерна.

Только къ вечеру дошли они до далекаго поля. Тотчасъ выбрали они по участку отличной, уже вспаханной, влажной земли, и принялись сажать бобы. Ти сажалъ какъ попало и торопился, а Пунъ методично, аккуратно, на равномъ разстояніи, и на одинаковую глубину.

Само Небо благословило ихъ работу: едва послѣднее зерно было опущено въ землю,—какъ пошелъ небольшой дождь.

Мальчишки укрылись въ соломенномъ шалашѣ, стоявшемъ на ихъ полѣ, и провели тутъ ночь.

Въ томъ благодатномъ климатѣ, при обилии тепла и влаги, сѣмена проростають чрезвычайно быстро. Не успѣли еще мальчишки съѣсть взятый съ собою запасъ риса, какъ однажды утромъ, выйдя изъ шалаша, Пунъ увидѣлъ свой участокъ, весь покрытый зелеными, острыми, стрѣловидными ростками бобовъ.

Но странно, что проросли только сѣмена, посѣянная Пуномъ, а у Ти же не вышло ни одного ростка.

Дѣти не подозрѣвали, что мать предварительно сварила бобы, отданные Пуну: вотъ почему они были крупнѣе и сочнѣе...

Жалко было А Пуну оставить А Ти одного въ полѣ,—но онъ не могъ ослушаться наказа матери. Онъ утѣшилъ, насколько могъ, капризничавшаго брата, и пошелъ домой.

Скоро наступилъ вечеръ: сталъ накрапывать дождь, и Пунъ долженъ былъ переночевать на чьемъ-то полѣ въ чужомъ шалашѣ, и только утромъ вернулся домой.

Едва только А Линь увидѣла своего пасынка—сердце ея упало: она тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло.

— „Ты какъ смѣлъ одинъ вернуться?“

— „Мама, вы приказали, чтобы...“

— „Пошелъ, щенокъ, назадъ, и безъ брата не приходи!“

Несчастный мальчикъ побѣжалъ назадъ...

Вотъ уже ихъ поле; его бобы успѣли еще подрости,—а участокъ брата—голъ по прежнему.

Но гдѣ же Ти? Вѣроятно въ шалашѣ!

Напрасно, захлебываясь слезами, мальчикъ искалъ брата и кричалъ:

„Ти тай-тай“ (братецъ, гдѣ ты)? Ни здѣсь, ни на сосѣднихъ поляхъ и заросляхъ мальчика не оказалось: вѣроятно ночью, испугавшись одиночества, онъ ушелъ и заблудился.

А-Пунъ до тѣхъ поръ бѣгалъ и звалъ брата, пока, наконецъ, не упалъ и не умеръ отъ истощенія. И въ моментъ его смерти отъ его тѣла стрѣлой взлетѣла на небо птичка съ чудной пѣсенкой: „Ти тай-тай!“

V. Маньчжурскія легенды.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Давнымъ-давно это было, можетъ быть во времена Чжоу,— а можетъ бытъ и еще раньше. Правиль тогда всей землей межъ четырьмя морями хорошій, добрый императоръ, который разъ въ пять лѣтъ объѣзжалъ Поднебесную, собиралъ вездѣ пѣсни народныя, чтобы по нимъ судить—какъ и гдѣ живетъ его народъ, самъ творилъ судъ и расправу.

Сколько несправедливыхъ приговоровъ уничтожилъ императоръ, сколькихъ невинныхъ спасъ, сколько слезъ высушилъ,—объ этомъ только на томъ свѣтѣ записано...

Но не можетъ человѣкъ жить безъ ошибокъ,—случалось ихъ дѣлать и императору: то оправдаетъ рѣчистаго виновнаго, то накажетъ неумѣвшаго оправдаться невиннаго. И мучился этимъ императоръ, потому что не было у него хорошаго совѣтника.

Была у императора жена: такая красавица, какихъ еще и не видано было. Любилъ ее императоръ пуще самого себя. Думалъ императоръ, что лучше его жены человѣка на свѣтѣ нѣтъ!

Но красивая кожа бываетъ и у змѣи.

Была у императрицы родня большая. Скоро эта родня заняла во всей имперіи всѣ важныя мѣста. И застонала земля отъ поборовъ и зла...

Разъ услыхалъ императоръ, что далеко, гдѣ-то на сѣверо-востокѣ, около Чао-сянь'и (Кореи), живетъ въ горахъ мудрый разумомъ и простой сердцемъ человѣкъ, по имени И, который во всю свою жизнь не допустилъ никакой неправды. Обрадовался императоръ—вотъ кого ему надо! Послалъ за нимъ, и скоро праведный И былъ уже въ столицѣ.

Привели его къ императору,—и удивился послѣдній, что И

ничуть его не боится, а говоритъ съ нимъ такъ же, какъ и съ послѣднимъ слугою...

Обрадовался императоръ—наконецъ-то онъ нашелъ такого совѣтника, который никогда не покривитъ душой! Далъ ему императоръ титулъ ближняго совѣтника, помѣстилъ его во дворецъ, и совѣтовался съ нимъ по всякому дѣлу.

Разъ и говоритъ императоръ своему совѣтнику, Справедливому И:

— „Боюсь я, что не вся правда до меня доходитъ, не всѣхъ обиженныхъ чиновники до меня допускаютъ. Такъ это или нѣтъ?“

— „Да, государь, это такъ!“

— „Какъ же горю помочь?“

— „Прикажите, государь, помѣстить передъ воротами дворца ящикъ съ прорѣзью, который никто, кромѣ васъ, не смѣлъ бы открывать; да еще поставьте большой барабанъ. Пусть всякій обиженный приходитъ, опуститъ бумагу со своей жалобой въ ящикъ и ударитъ въ барабанъ. Вы услышите, возьмете прошеніе и разсудите по справедливости“.

Императоръ такъ и сдѣлалъ; и такіе же барабаны приказалъ поставить передъ управленіемъ cadaго начальника по всей имперіи.

Пошла слава еще больше про милосердіе и доброту императора, и люди благословляли справедливаго совѣтника.

Народъ уже съ ранняго утра толпился и шумѣлъ у воротъ, стараясь протискаться къ ящику и барабану, ожидая царскаго рѣшенія. Шумъ и гамъ, какъ на ярмаркѣ, стояли передъ дворцомъ каждый день...

Надоѣло это императрицѣ. И приказала она, чтобы дворцовая стража хватала cadaго подходящаго къ ящику съ прошеніемъ, и предварительно давала ему пятьдесятъ ударовъ „бамбуками“,—а потомъ уже разрѣшала опуститъ прошеніе въ ящикъ и ударитъ въ барабанъ.

Количество жалобщиковъ сразу уменьшилось вдесятеро...

Узналъ объ этомъ Справедливый И, и говоритъ императору:

— „Нехорошо, государь, твоя императрица сдѣлала—она народъ отъ тебя отгоняетъ!“

Огорченный императоръ пошелъ къ императрицѣ и передалъ ей слова Справедливаго.

— „Нѣтъ, мой супругъ и повелитель“, отвѣчала императрица:—„вашъ И на этотъ разъ неправъ. Вспомните, какой неприличный шумъ стоялъ передъ дворцомъ, хуже чѣмъ на базарѣ. Вы цѣлый день, съ утра до вечера, разбирали жалобы, и такъ уставали,—что больше ничего дѣлать не могли. И сколько жалобъ оказывалось неосновательными! А теперь количество жалобъ уменьшилось въ десять разъ, и у васъ есть время на другія государственныя дѣла; неосновательныхъ жалобъ почти нѣтъ... Правосудіе же отъ этого не страдаетъ, потому что каждый человѣкъ желающій доказать правоту своего дѣла,—конечно согласится подвергнуться ничтожному предварительному тѣлесному испытанію. Теперь судите сами, кто правъ,—я или совѣтникъ И?“

Слова эти были сказаны такимъ мелодичнымъ и убѣдительнымъ голосомъ, сопровождались такимъ нѣжнымъ взглядомъ,—что мудро было имъ не повѣрить...

Новый порядокъ пріема прошеній остался въ силѣ, несмотря на протесты И.

Но постепенно къ И стали доходить жалобы и другой дорогой, не черезъ царскій ящикъ. Смѣстилъ императоръ, по докладу И, всѣхъ дурныхъ чиновниковъ и наказалъ ихъ, несмотря на заступничество императрицы. Не зналъ императоръ того, что всѣ наказанные были въ родствѣ съ тѣмъ родомъ, изъ котораго происходила императрица, или ихъ близкіе и слуги. Вотъ почему прямымъ, обычнымъ путемъ обиженные боялись на нихъ жаловаться.

Возненавидѣла императрица Справедливаго, но ничего сдѣлать не могла: очень ужъ императоръ уважалъ и почиталъ И за его справедливость.

Все шло, казалось, хорошо. Но была у императора тайная язва, боль отъ которой не могли уничтожить ни благодарность народа, ни мудрость И, ни любовь императрицы. Эта боль была—

отсутствие сына—наследника, которому онъ могъ бы передать послѣ себя свое царство.

Долго хранилъ императоръ свое горе про себя,—и наконецъ посоветовался съ И.

— „Государь“, отвѣтилъ совѣтникъ: „и законъ, и обычай, и здравый разумъ говорятъ одно: если домъ изъ глины не крепокъ—выстройте его изъ камня; если въ вашемъ саду на одномъ деревѣ нѣтъ плодовъ—ищите ихъ на другомъ..“

— „Я и самъ думалъ объ этомъ“, сказала императоръ, „но не хотѣлъ бы обидѣть императрицу!“

— „Императрица останется по прежнему императрицей и первой женой, и никакихъ своихъ привилегій не потеряетъ. Но государыня и сама пойметъ, что ея дѣло—частное, а ваше—государственное... Дайте, государь, известныя сроки государынѣ, и если она по истеченіи его не дастъ вамъ надежды,—то найдите государынѣ помощницу!“

Неизвестно какъ, но только императрица какимъ-то образомъ узнала или догадалась о совѣтѣ И. Тогда она еще больше возненавидѣла его...

Но вскорѣ судьба ей улыбнулась. Она стала полнѣть... Обрадовался императоръ, потому что онъ дѣйствительно искренно и глубоко любилъ свою прекрасную жену.

Прошло немного времени,—семейныя дѣла императора шли, какъ нельзя лучше. Но одно опасеніе тревожило императора: а вдругъ у него будетъ не сынъ, а дочь?

Тревога его все усиливалась,—и наконецъ онъ рѣшилъ послать за великимъ врачомъ, который по одному пульсу могъ опредѣлить любую болѣзнь. Узнать же полъ еще не родившагося ребенка—для него, конечно, не составитъ никакого труда...

Врачъ прибылъ. Чтобы не смущать его своимъ присутствіемъ,—не только императоръ не присутствовалъ на пріемѣ врача императрицей,—но и ни одинъ мужчина. Императрица приняла врача не въ парадныхъ комнатахъ, а въ своей личной спальнѣ, и въ присутствіи только нѣсколькихъ своихъ любимыхъ придворныхъ дамъ.

Императоръ очень боялся, будутъ ли соблюдены все приличія при необыкновенномъ появленіи мужчины на женской половинѣ. Поэтому самъ императоръ, никого не предупредивъ, направился тайнымъ ходомъ на половину императрицы. Онъ зналъ, что въ одной нишѣ этого хода есть секретное окошечко въ спальню императрицы, такъ замаскированное со стороны комнаты украшеніями,—что о существованіи его ни одна изъ дворцовыхъ женщинъ не знала.

Императоръ подошелъ къ скошечку, приоткрылъ закрывавшую его крышку, и прильнулъ глазомъ...

Передъ нимъ открылась необычная картина. Комната была перегороджена большой ширмой. По одну сторону ширмы на колыняхъ стоялъ врачъ; а около него въ простыхъ платьяхъ—двѣ или три приближенныя дамы императрицы. По другую сторону ширмы сидѣла любимая дама его жены въ платьѣ императрицы. Она протянула руку на ту сторону ширмы, и врачъ, черезъ толстую шелковую матерію щупалъ пульсъ, не осмѣливаясь прикоснуться къ обнаженной „августѣйшей“, какъ онъ думалъ,—рукѣ. А императрица, также въ простомъ платьѣ служанки, стояла въ сторонѣ...

Черезъ нѣсколько времени врачъ кончилъ осмотръ. Тогда дама, одѣтая императрицей, отдала какое-то распоряженіе; и, о удивленіе! Императрица сама подошла къ врачу и протянула ему руку. Врачъ взялъ ее, пощупалъ пульсъ, сказалъ что-то,—и затѣмъ его отпустили.

Императоръ вернулся къ себѣ и приказалъ позвать врача:

— „Ну, знаменитый врачъ, какъ здоровье государыни?“

— „Великій государь! Нѣтъ сомнѣнія, что уже три мѣсяца, какъ вы являетесь отцомъ!“

— „Кто же у меня будетъ сынъ или дочь?“

— „Государь, я могу ошибиться; я даже навѣрно ошибусь,—но я думаю, что будетъ, къ несчастью,—дочь!“

Къ удивленію врача, эта непріятная новость, повидимому, не очень огорчила императора. Онъ спокойно спросилъ у врача:

— „А кромѣ императрицы вы больше никого не осматривали?“

— „Да, государь“, отвѣтилъ врачъ: „я по приказанію императрицы осмотрѣлъ потомъ одну изъ придворныхъ дамъ, которая говорила, что она тоже готовится дать жизнь ребенку.“

— „Ну, и что же вы нашли?“

— „Нѣтъ сомнѣнія, государь, что эта дама сильно заблуждается. У нея слишкомъ большая печень; поэтому у нея никогда не могло быть ребенка!“

Императоръ вздрогнулъ и быстро спросилъ:

— „Ну, а послѣ, будутъ ли у нея дѣти?“

Врачъ уловилъ движеніе императора и рѣшилъ, что это— одна изъ его любимицъ; поэтому онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— „Конечно, конечно могутъ быть, даже навѣрно могутъ быть... Только ей никогда не нужно видѣть другую женщину въ интересномъ положеніи; тогда и у ней можетъ быть ребенокъ!“

Императоръ щедро наградилъ врача и отпустилъ его, а самъ затѣмъ долго ходилъ задумчивый и грустный.

Неизвѣстно, что онъ сказалъ императрицѣ; но только она послѣ этого перестала полнѣть, а ея любимая дама, наряжавшаяся въ ея платье,—исчезла изъ дворца.

Тогда ненависть къ И наполнила все существо императрицы. Потому что кто же, кромѣ него, могъ узнать и донести императору о томъ, что она хотѣла разыграть комедію материнства и объявить своимъ собственнымъ того ребенка, который долженъ былъ родиться у ея придворной дамы?!

Перестала императрица гулять, стала плохо ѣсть и спать, часто стала плакать и бить не только свои бездѣлушки да драгоценныя вазы,—но даже и своихъ придворныхъ дамъ. Наконецъ она совсѣмъ заболѣла и слегла.

Императоръ встревожился—хотѣлъ опять послать за знаменитымъ врачомъ. Но императрица наотрѣзъ отказалась:

— „Какихъ хотите врачей зовите,—только его не хочу!“

Приходили врачи и мудрецы, давали совѣты и лѣчили императрицу. Но ничего не помогало, и ей дѣлалось все хуже и хуже..

Наконецъ императрица говорить мужу:

— „Государь! Я хочу съ вами проститься, потому что я скоро умру!“

Императоръ былъ въ отчаяніи: „Неужели же никто во всей имперіи не знаетъ, какъ вылѣчить твою болѣзнь?“

— „Нѣтъ, есть способъ; но только вы, государь, не пожелаете его примѣнить!“

— „Нѣтъ ничего на свѣтѣ“, горячо возразилъ императоръ, „чего бы я ни сдѣлалъ, лишь бы ты была здорова!“

— „Ну хорошо“, отвѣтила императрица, „я знаю, что вы своему слову не измѣните... Сегодня во снѣ мнѣ явился Великій Духъ и сказалъ: если хочешь быть здоровой—выпей кровь изъ сердца Справедливаго И. Я знаю, я чувствую, что если вы, государь, дадите мнѣ это сердце—я тотчасъ же выздоровѣю; а не дадите—я скоро умру!“

Пораженный императоръ ушелъ отъ жены, позвалъ Справедливаго, котораго онъ попрежнему высоко цѣнилъ, и рассказалъ ему все, что сказала императрица.

— „Государь“, спокойно сказалъ И, „если мое сердце можетъ принести пользу государынѣ,—берите его!“

Долго колебался императоръ; но, наконецъ, видя, что женѣ дѣлается все хуже и хуже,—рѣшился...

Справедливому вырѣзали сердце—и горячее, трепещущее, принесли императрицѣ...

И дѣйствительно: императрица тотчасъ же выздоровѣла и сдѣлалась еще веселѣе, еще краше, чѣмъ прежде.

А Справедливый? Онъ не умеръ. Правда, съ тѣхъ поръ никто больше его не видѣлъ въ столицѣ; но у насъ здѣсь въ Чанъ-бо-шаньскихъ горахъ, говорятъ, его потомъ видали часто, хотя онъ былъ и безъ сердца. И многимъ онъ помогалъ, кто къ нему обращался; но всѣмъ—разно: одному больше, другому—меньше. А нѣкоторымъ и совсѣмъ отказывалъ, даже въ совѣтѣ, хотя бы у нихъ была большая нужда: это въ томъ случаѣ, если они не заслуживаютъ помощи. И дѣлалъ это Справедливый И такъ вѣрно, такъ точно, такъ справедливо,—какъ не дѣлалъ даже раньше, когда жилъ въ столицѣ...

Умеръ императоръ, умерла императрица; всё о нихъ позабыли. А барабаны, что поставилъ И, —остались; ихъ и по сейчасъ можно видѣть у воротъ каждаго ямыня. Но, чтобы они своимъ грохотомъ не слишкомъ беспокоили нашихъ милостивыхъ начальниковъ, ихъ теперь дѣлаютъ изъ цѣльнаго камня.

Вы спрашиваете, почему И сталъ еще справедливѣе, чѣмъ раньше? Да потому, что совершенная справедливость можетъ существовать лишь при отсутствіи сердца.

Бай-хуа да-цзянь.

(ДЪВИЦА—ВОЕВОДА).

Въ 26 верстахъ отъ города Гирина есть старинный городокъ Улагай. Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ весь этотъ районъ, подъ названіемъ Шу-чжоу, принадлежалъ царству Бохай, — которое простиралось на востокъ до моря, захватывая нашъ Уссурійскій край и Сѣверную Корею; потомъ Улагай перешелъ къ Киданьскому царству Ляо, а послѣ — къ нюйжэньскому (чжуржэньскому) царству Цзинь, отъ котораго ведетъ происхождение и послѣдняя маньчжурская династія.

Когда Минская династія въ Китаѣ клонилась уже къ упадку, а великій Тай-цзу Гао хуань-ди (Нурхацзи), основатель священной Да-цинъ'ской (маньчжурской) династіи, уже строилъ зданіе маньчжурской имперіи и проводилъ почтовые тракты, — то какъ разъ около нынѣшняго Улагая была поставлена почтовая станція, названная „станціей пограничной башни“ (Бянь-тай и чжань).

Затѣмъ здѣсь образовали военно-пахотное поселеніе и устроили конскій заводъ, а въ городкѣ учредили управленіе главнаго начальника. А такъ какъ въ протекавшей мимо городка „Молочной“ рѣкѣ (Сунгари) водилась желтая рыба удивительнаго вкуса (вѣроятно желтощекъ), осетры и другія породы рыбъ, которыхъ нѣтъ въ Китаѣ, то въ одномъ изъ затоновъ рѣки былъ устроенъ огромный рыбный садокъ, изъ котораго ежегодно посылали рыбу въ видѣ подати отъ Улагая ко Двору.

Улагай еще при началѣ „священной“ династіи былъ окруженъ земляной стѣной, которая и по-сейчасъ даже видна посреди городка и называется гу-чэнь („древній городъ“).

Давно-давно въ этомъ городѣ жила замѣчательная дѣвушка, по имени Бай-хуа (Бѣлый цвѣтокъ). Она была дочерью маньчжур-

скаго гусай-да (по китайски—тунъ-лина, полковника), и съ малыхъ лѣтъ совсѣмъ не походила по характеру на другихъ дѣвочекъ. Ее не интересовали куклы, наряды и дѣвичьи забавы; играла она только съ мальчиками въ разбойники, въ войну, и сами мальчики выбирали ее всегда своимъ предводителемъ.

Подросла дѣвушка, въ годы вошла, а о замужествѣ и слышать не хотѣла. А когда отецъ попрекнулъ ее, что она больше похожа на солдата, чѣмъ на женщину,—то она и попросила отца, чтобы онъ лучше отдалъ ее въ солдаты, чѣмъ замужъ.

Отецъ и подумалъ: чтобы дочка зря не болтала,—пусть-ка на дѣлѣ узнаетъ житье-бытье солдатское, всю нужду и тяжесть военной службы; авось отучится отъ всего, что ея полу не пристало.

— „Хорошо“, сказалъ онъ дочери, „но только ты должна быть простымъ солдатомъ, нести всю тяжесть службы, идти, когда потребуется, на войну, и никогда никому и вида не подать, что ты—дѣвушка и моя дочь!“

Бай-хуа съ радостью согласилась.

Черезъ нѣсколько дней изъ заднихъ воротъ гусай-даскаго дома верхомъ на горячемъ конѣ выѣхалъ молодой воинъ въ шишакѣ, толстой ватной стеганой одеждѣ съ нашитыми на ней стальными бляхами (что замѣчало у маньчжуръ латы), съ кривымъ мечомъ у пояса, саадакомъ за плечами и колчаномъ, полнымъ стрѣлъ.

Это была Бай-хуа, отправленная отцомъ въ дальній гарнизонъ.

Скоро началась война. Со всѣхъ концовъ Маньчжуріи потянулись войска на югъ, а съ ними и молодой солдатъ надолго уѣхалъ изъ родныхъ мѣстъ.—

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ Бай-хуа уже не чаялъ видѣть свою дочь,—какъ вдругъ однажды ему доложили, что его хочетъ видѣть вновь назначенный гусай-да сосѣдняго гуса (знамени,—полка). Старикъ вышелъ принять гостя—и увидѣлъ, что это его родная дочь, которая, благодаря храбрости и военнымъ талантамъ,—быстро дослужилась до званія гусай-да.

Прошло еще, сравнительно, немного времени, и Бай-хуа такъ отличилась въ безпрестанныхъ войнахъ, что императоръ подчинилъ ей все войска Ула'скаго района, и даровалъ ей титулъ „гусабэ кадалара амбань“, или по китайски—лянь бинъ да-цзянь. Такимъ образомъ Бай-хуа, не скрывавшая болѣе своего пола, сдѣлалась начальникомъ своего отца...

Она поселилась въ Улагаѣ. Нигдѣ въ Маньчжуріи не было такого порядка въ войскахъ и нигдѣ они не были такъ хорошо обучены, какъ у Улагайскаго амбана, потому что солдатамъ некогда было бездѣльничать: въ самой серединѣ земляного городка Бай-хуа выстроила изъ глины квадратную башню вышиною въ два чжана (10 аршинъ) и шириною съ каждой стороны по четыре чжана. Съ вершины этой башни она ежедневно наблюдала ученье солдатъ, а перваго и пятнадцатаго числа каждого мѣсяца дѣлала смотры. И горе было лѣнивымъ или неумѣлымъ!

Такъ какъ ей, несомнѣнно, оказывалъ особое покровительство богъ войны—Гуань-ди (Лао-ѣ), то на югъ отъ городской стѣны она выстроила большой храмъ въ честь этого бога; и въ этотъ храмъ, называемый Лао-ѣ мяо, она часто ходила молиться и приносить жертвы.—

Состарилась Бай-хуа, и умерла дѣвицей. Прошло много лѣтъ, но народъ продолжалъ особенно чтить выстроенный ею храмъ, и въ день храмового праздника люди собирались сюда толпами со всехъ окрестныхъ мѣстъ.

Случилось, что во времена правленія божественнаго Вэнь-цзунъ Сянь-хуанъ-ди, на югѣ Китая вспыхнуло грозное возстаніе длинноволосыхъ бунтовщиковъ.*)

Возстаніе широко раскинулось по всей Поднебесной; появились мятежники и на святой землѣ Маньчжуріи. Шайки ихъ бы-

*) Вэнь-цзунъ — императоръ послѣдней маньчжурской династіи, правившій съ 1851 по 1861 годъ, в дѣвять годовъ своего правленія названіе самъ-финъ, «верующе-любиміе». Возстаніе „длинноволосыхъ“ — тайпинское возстаніе, поднятое Хунъ-Сю-пюнь-ми, который въ 1851 году объявилъ себя императоромъ и младшимъ братомъ Христа. Стѣсненный правительственными войсками и европейскимъ отрядомъ подъ начальствомъ сначала Барда, а потомъ Гордона, и повѣрившій неосторожно честиному слову своихъ противниковъ, Хунъ принужденъ былъ отравиться въ 1864 году.

стро разрослись, потому что они захватывали всѣхъ неуспѣвшихъ скрыться отъ нихъ здоровыхъ мужчинъ и силою заставляли ихъ служить въ своихъ войскахъ.

Толпы ихъ медленно и неотвратно, какъ саранча и приливъ, надвигались на Гиринь.

Войсками въ Гиринѣ тогда командовалъ цзянь-цзюнь по фамилии Дэ, хорошей человѣкъ, но плохой стратегъ. Онъ собралъ сколько могъ солдатъ, и, не разузнавъ хорошенько о силахъ врага, двинулся ему навстрѣчу.

Недалеко отъ Улагая противники встрѣтились, и началась битва. Солдаты сражались храбро; но превосходство силъ непріятеля оказалось настолько велико, что послѣ цѣлаго дня сраженія побѣда видимо стала склоняться на сторону мятежниковъ.

Безъ числа полегло солдатъ цзянь-цзюня... А когда бунтовщики обошли правительственный отрядъ съ боковъ и ударили во флангъ,—то солдаты не выдержали и побѣжали. Самъ цзянь-цзюнь тоже бѣжалъ черезъ Улагай.

Но мятежники уже охватили городъ съ трехъ сторонъ, и цзянь-цзюнь увидѣлъ, что ему уже нѣтъ спасенія: кого-кого, а его-то ужъ не помилуютъ! Тогда онъ бросился въ храмъ Лао-ѣ, обнесенный солидной кирпичной стѣной, и спрятался съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ въ самую отдаленную постройку храма—въ самое святилище.

Онъ упалъ на холодный полъ передъ гигантской статуей Гуань-ди, безстрастно возсѣдавшей на тронѣ, подъ балдахиномъ, и сталъ горячо молиться о спасеніи великому богу войны, покровителю династіи, и духу мужественной Бай-хуа да-цзянь, строительницѣ храма...

Въ первый и послѣдній разъ въ жизни такъ молился Дэ цзянь-цзюнь, но, повидимому, напрасно... Мятежники напали уже на слѣдъ и окружили храмъ плотнымъ кольцомъ, но держались на полъ ли ($\frac{1}{4}$ версты) отъ его стѣнъ, чтобы не попасть подъ выстрѣлы застрѣвшихъ въ храмѣ.

Спасенія не было: если не приступомъ, такъ изморомъ возъ-

мутъ враги. Много ли съѣстныхъ припасовъ можетъ быть въ храмѣ?

Вдругъ шумъ, крики и стоны среди мятежниковъ привлекли вниманіе осажденныхъ. Цзянь-цзюнь поднялся на стѣну и увидѣлъ, что среди мятежниковъ происходитъ что-то непонятное и необычайное: кони ихъ бѣсятся, давятъ своихъ же людей; воины бросаются другъ на друга, поражая ихъ на смерть; многіе пытаются бѣжать, но тутъ же падаютъ...

Скоро въ непріятельскомъ станѣ не осталось ни одного способнаго сопротивляться врага.

Тогда Цзянь-цзюнь со своими людьми вышелъ изъ храмовой ограды и сталъ допрашивать нѣсколькихъ раненыхъ, дрожавшихъ отъ страха мятежниковъ, — что у нихъ случилось?

Всѣ они согласно показали слѣдующее. Только-что осаждающіе собрались идти на приступъ храма, какъ вдругъ увидали, что внезапно главныя ворота храмовой ограды раскрылись настежь. Изъ нихъ въ карьеръ выѣхало безчисленное количество высокихъ страшныхъ воиновъ на очень крупныхъ коняхъ, всѣ въ панцыряхъ и шлемахъ, у каждого въ рукахъ большой мечъ и копье. А впереди ихъ — на огромномъ конѣ ужасъ наводящая женщина съ распущенными волосами...

Люди эти какъ вихрь налетѣли на изумленныхъ мятежниковъ, и началось страшное избіеніе, потому что бунтовщики не могли ни убѣжать отъ страшныхъ враговъ, ни защищаться. Только немногіе изъ нихъ, бывшіе въ сторонѣ, бѣжали и разсѣялись во всѣ стороны. —

Такъ защитила Бай-хуа да-цзянь тѣхъ, кто обратился къ ней за помощью, и наказала дерзкихъ разбойниковъ, осмѣлившихся нарушить порядокъ въ ея вотчинѣ.

Гора Лунъ-танъ шань.

Верстахъ въ четырехъ отъ города Гириня, внизъ по теченію Сунгари, на правомъ ея берегу, поднимается характерный горный массивъ, стоящій внѣ связи съ остальными близъ лежащими горами. Онъ круто обрывается на три стороны и съ нихъ почти неприступенъ; только сѣверная сторона, обращенная внизъ по теченію Сунгари, сильно вытянута въ длинный, узкій отрогъ, по гребню котораго вѣется пологая тропа до самой вершины горы. Кругомъ ея разбросаны куски лавы и туфа; попадаетса обсидіанъ и остеклившіяся массы. На самой вершинѣ горы рѣзко бросается въ глаза широкая впадина, съ трехъ сторонъ окруженная высокими краями; дно ея имѣетъ значительный уклонъ въ сторону четвертой, сѣверной стороны. Но эта послѣдняя сторона заперта прямымъ, ровнымъ валомъ, благодаря чему въ этой впадинѣ образовалось озерко, носящее у китайцевъ названіе Лунъ-танъ, т. е. „Драконовый водоемъ“, а самая гора называется Лунъ-танъ шань, т. е. „гора драконова водоема“.

На западномъ высокомъ берегу озерка стоятъ типичныя китайскія ворота съ вывѣской изъ четырехъ іероглифовъ; послѣдніе, по словамъ монаховъ, написаны лично, будто бы, самимъ покойнымъ императоромъ Цзай-тянь (эра правленія котораго называлась Гуанъ-суй, съ 1875 по 1908 г.).

Вся гора покрыта роскошной древесной растительностью; весною въ періодъ цвѣтенія яблонь, грушъ, абрикосовъ и сливъ, окружающихъ два, выстроенные на вершинѣ горы, храма въ честь Дракона, вся вершина горы залита бѣлорозовымъ кружевомъ цвѣтовъ, и обсыпающіеся лепестки какъ снѣгомъ устилаютъ почву. Воздухъ напоенъ ароматомъ такъ, что голова кружится. Нѣтъ словъ передать покой, безмятежность и красоту этого мѣ-

ста... И видъ, открывающійся отсюда верстъ на 30—40,—великолѣпный.

Весной и осенью, особенно въ праздники весенняго и осенняго равноденствія, каждый житель Гириня считаетъ своимъ долгомъ совершить прогулку или паломничество на Лунъ-танъ шань, чѣмъ пользуются живущіе здѣсь три или четыре монаха, выстроившіе для богатой, а иногда и тароватой публики нѣчто въ родѣ закрытой бесѣдки и продающіе здѣсь все, что нужно утомленному подъемомъ на гору горожанину.

При осмотрѣ горы становится несомнѣннымъ, что она—потухшій вулканъ; впадина на вершинѣ—кратеръ, лава изъ котораго когда-то изливалась на сѣверную сторону. Наружный край кратера опоясанъ окопами, сдѣланными русскими въ 1904 году; но между ними видны слѣды какихъ-то значительныхъ земляныхъ работъ, сдѣланныхъ, очевидно, много сотъ лѣтъ тому назадъ съ цѣлью затруднить доступъ на гору съ трехъ сторонъ.

Болѣе внимательный осмотръ горы даетъ любопытныя подробности. Оказывается, что почти въ центрѣ впадины, въ наиболѣе заросшей ея части, находится круглый сухой водоемъ или колодезь, діаметромъ около 15—20 аршинъ. Стѣны его древней кладки, отвѣсны и выложены безъ цемента изъ тесанныхъ камней. Глубина—неизвѣстна, такъ какъ дно въ теченіи столѣтій заваливалось листьями и заносилось пылью; но все-таки бассейнъ доверху не заваленъ еще аршина на четыре. Посреди его выросло, состарилось, умерло и уже сломано бурей дерево въ полъ-аршина толщиною. Не былъ ли этотъ бассейнъ зернохранилищемъ или кладовой?

Отъ этого мѣста на сѣверо-западъ, нѣсколько ниже, замѣтны нѣкоторые слѣды бывшаго здѣсь когда-то другого бассейна; теперь монахи на мѣстѣ его устроили огородъ, и послѣдніе слѣды древняго сооруженія скоро исчезнутъ.

Гораздо интереснѣе третій бассейнъ, наполненный всегда водой. Онъ четырехугольный, шаговъ сорока въ длину и двадцати въ ширину. Заросшій до самой воды высокими деревьями и кустами, которые вмѣстѣ съ „императорскими“ воротами порази-

тельно отчетливо отражаются въ водѣ, когда рѣдко залетающій сюда вѣтерокъ сгонитъ въ одну сторону покрывающую воду ряску,—бассейнъ этотъ вызываетъ какое-то мистическое и даже жуткое настроеніе...

Монахи говорятъ, что вода въ озеркѣ находится всегда на одномъ уровнѣ. Тщательное изслѣдованіе показало, что это совершенно вѣрно: дѣло въ томъ, что водосборная площадь, вся заросшая деревьями и имѣющая наклонъ къ этому бассейну—на столько велика, что даетъ достаточный притокъ воды; сѣверный же берегъ бассейна—тотъ прямой валъ, о которомъ уже упоминалось ранѣе—является искусственнымъ, насыпаннымъ рукою человѣка, и въ немъ на известной вышинѣ устроены рядъ дренажныхъ канавъ черезъ всю толщу вала. Конечно, излишекъ воды сливается, и она держится на одномъ уровнѣ.

Монахи говорятъ, что глубина бассейна чрезвычайно велика. Врядъ ли они ее измѣряли, потому что въ дѣйствительности она оказалась равной семнадцати футамъ. Но дно покрыто на большую глубину листовнымъ перегноемъ.

Стѣны водоема (что совершенно незамѣтно сначала, такъ какъ вода стоитъ нѣсколько выше верхняго края стѣнъ) оказались также отвѣсными, какъ и въ сухомъ водоемѣ, и выложенными изъ камня.

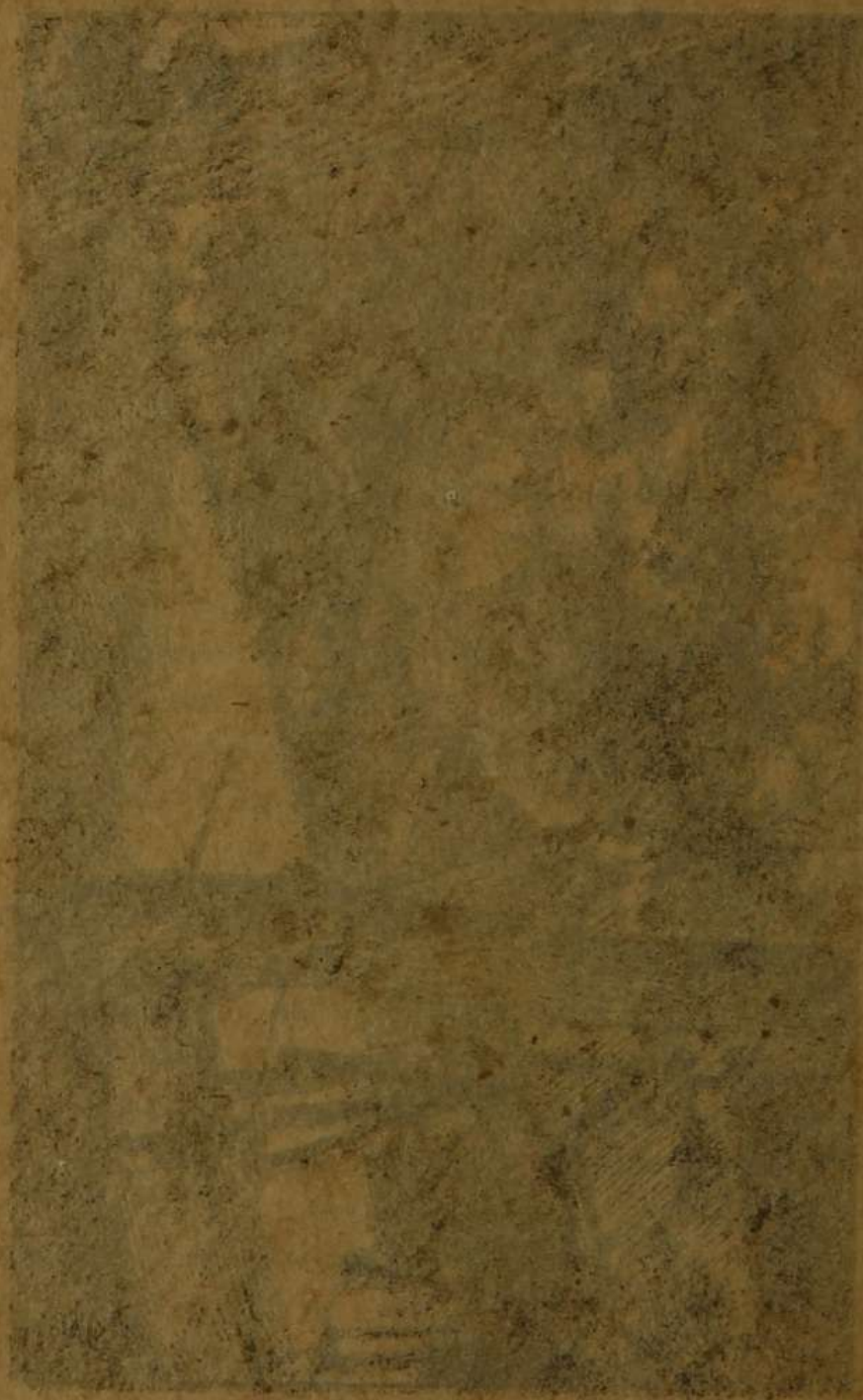
Эти данныя заставляютъ предполагать, что когда-то, ранѣе бывшаго въ этихъ мѣстахъ маньчжурскаго княжества Ула, а при Чжурчжэняхъ или даже еще ранѣе—во времена государства Бохай или Гао-гюй-ли,—на этой горѣ былъ сооруженъ опорный пунктъ. Въ случаѣ нашествія непріятели, мѣстные жители могли спастись на гору, защитить единственно доступную сторону которой—сѣверную,—было нетрудно. Запасшись провизіей, застѣвшіе здѣсь люди могли выдержать весьма продолжительную осаду, потому что они въ избыткѣ были снабжены тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ труднѣе всего было достать—водой.

Объ этомъ бассейнѣ у жителей Гириня существуетъ нѣсколько легендъ.

Китайскія легенды П. Шкуркина.

Луиъ-танъ (Драконовый водоемъ) въ Гиринь.

... Давно-давно это было, когда еще никто въ этихъ мѣстахъ не слыхалъ о кигайцахъ. Жилъ здѣсь бѣдный старикъ—такой бѣдный, что никогда не зналъ, будетъ ли у него завтра „хоть зерно во рту“. Только тѣмъ онъ и кормился, что ходилъ собирать валяжники на горы и носилъ его на продажу по домамъ другихъ небогатыхъ людей, у которыхъ не было своихъ работниковъ. Ему помогала его старуха.

Разъ пошелъ старикъ за сушнякомъ на гору Туань-шань-цзы*), а старуху послалъ дальше—на слѣдующую гору. Старуха забрела сюда впервые и видитъ, что здѣсь дровъ можно набрать куда больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Поднялась баба на самую вершину, чтобы получше разузнать лѣсъ,—и вдругъ видитъ, что въ тѣнистой впадинѣ лежитъ что-то круглое: камень—не камень, памятникъ—не памятникъ. Старуха подошла ближе и видитъ, что это лежитъ огромная желѣзная цѣпь, свернутая кругами въ видѣ цѣлаго холма; конецъ ея съ большимъ кольцомъ лежитъ на самомъ верху.

Изумилась старуха—откуда взяться цѣпи въ такомъ глухомъ мѣстѣ? Но не пропадать же ей здѣсь; взялась старуха за конецъ цѣпи, приподняла его—и видитъ, что ей не подъ силу справиться. Запомнила она хорошенько мѣсто, и скорѣй побѣжала домой.

Старикъ былъ уже дома.

— „Ты почему же, старуха, ничего не принесла?“

— „Старикъ, я нашла на горѣ не дрова, а что-то получше—цѣпь желѣзную нашла!“

— „Почему же не принесла?“

Старуха все рассказала мужу; но, такъ какъ уже стемнѣло, то они на другой день съ утра пошли на гору.

Еле нашла старуха то мѣсто, гдѣ лежала цѣпь. Видитъ старикъ—лежитъ цѣлое богатство. Схватился онъ за кольцо и сталъ цѣпь разматывать. Но чуть только онъ выпустилъ ее изъ рукъ, какъ она вдругъ свернулась змѣей и легла попержнему...

*) Круглая горка на томъ же берегу Суитаря, немного выше по теченію; у основанія ея сохранился древній огромный ровъ, опоясывающій всю гору.

Изумился старикъ, но снова взялся за цѣпь и сталъ ее разматывать. И каждый разъ, какъ только онъ выпускалъ ее изъ рукъ, —она снова свертывалась...

Наконецъ старикъ догадался: онъ подтянулъ цѣпь къ крутому краю горы и сталъ спускать ее внизъ.

Долго разматывалъ старикъ цѣпь; размоталъ все, что было на землѣ—и видитъ, что въ землѣ —дыра, и цѣпь вытягивается изъ этой дыры... Тянулъ-тянулъ цѣпь старикъ, изъ силъ выбился,— а бросить нельзя: знаетъ, что цѣпь тотчасъ же уйдетъ вся назадъ, и онъ лишится цѣлаго богатства.

Подумалъ старикъ, и говоритъ:

— „Сбѣгай, старуха, къ сосѣдямъ, попроси дать тебѣ топоръ—мы обрубимъ цѣпь!“

Баба сбѣгала—приходитъ еле жива, такъ устала. А старикъ, держа цѣпь, уже отдохнулъ.

— „Ну потяни еще“, говоритъ жена: „можетъ быть теперь до конца дойдемъ!“

Снова потянулъ старикъ; передній конецъ давно уже съ верху горы спустился до низу и въ Сунгари погрузился, а цѣпи все конца-края нѣтъ...

Наконецъ старику стало не въ моготу: „Садись“, говоритъ, „старуха, на цѣпь и держи ее руками, а я рубить буду!“

Старуха сѣла на цѣпь и ухватилась за нее. Взялъ старикъ топоръ, да какъ ударить по цѣпи—даже искры брызнули!

Гулъ пошелъ по землѣ и по лѣсу, и зашевелилась цѣпь, какъ живая.

Струсили старики—но не пропадать же добру!

— „Руби, руби скорѣй!“ кричитъ жена.

Второй и третій разъ ударилъ старикъ, и перерубилъ цѣпь.

Встала обрадованная старуха и тотчасъ же обѣ части цѣпи, какъ живыя змѣи, поползли въ разныя стороны—отрубленная сползла съ горы въ Сунгари, а другая скрылась въ землю.

И загрохотало, загудѣло въ землѣ, задрожала гора, зашумѣлъ ураганъ, заблестали молніи, стали валиться деревья...

Не помня себя отъ страха, старикъ съ бабой еле живы прибѣжали домой.

Когда кончилась гроза, пришелъ сосѣдъ за топоромъ—а лезвее его все сплавилось. Разказали старики все, что съ ними случилось, но мало кто имъ сразу повѣрилъ. Пошли потомъ нѣкоторые на ту гору—и видятъ, что на мѣстѣ, гдѣ лежала свернутая цѣль,—теперь вода выступила. Это и есть Лунъ-танъ, „драконовый водоемъ“, потому что это была не цѣль, а самъ Лунъ-ванъ, князь-драконъ, владыка всѣхъ стихій.. И почти дна нѣтъ у этого водоема,—хотя мѣряли на 450 чжанъ (740 сажений).

Съ тѣхъ поръ и всю гору зовутъ „горой Драконоваго водоема“, или по китайски—Лунъ-танъ шанъ. А многіе рыбаки и посейчасъ щупаютъ дно Сунгари подъ горой—не найдутъ ли конца цѣли?

Лунъ-танъ.

(ДРАКОНОВЫЙ ВОДОЕМЪ).

Жилъ на Сунгари одинъ молодой человекъ. Отецъ его нажилъ рыбной ловлей порядочное состояніе, а поэтому сынъ, хотя и продолжалъ занятіе отца,—но не изъ-за нужды, а только по любви къ дѣлу; и поэтому онъ позволялъ себѣ иногда разныя прихоти. Часто работники его ловили рыбу, а онъ бродилъ по горамъ.

Однажды онъ забрелъ на Лунъ-танъ шанъ и увидѣлъ тамъ великолѣпный бассейнъ. Долго рыбакъ сидѣлъ на берегу его, и вдругъ ему взбрело въ голову: вотъ бы вышелъ здѣсь хорошій садокъ для рыбы!

Задумано—сдѣлано. Вернулся онъ домой, выбралъ два десятка самыхъ хорошихъ рыбъ разныхъ породъ, которыя не мѣшаютъ жить другъ другу, отнесъ ихъ живыми на Лунъ-танъ шанъ и пустилъ въ бассейнъ; а чтобы отличить своихъ рыбъ отъ приплода,—онъ каждой пущенной рыбѣ надѣлъ на хвостъ мѣдное кольцо со своимъ именемъ.

Прошло нѣсколько дней. Повезли разъ его работники продавать рыбу въ Улагай (старинный городокъ на Сунгари верстахъ въ 40 ниже Гириня), и вдругъ видятъ, что мѣстные рыбаки поймали пару рыбъ съ мѣдными кольцами. Взяли работники этихъ рыбъ и отвезли своему хозяину. Тотъ смотритъ—да, это его рыбы, которыя онъ пустилъ въ Лунъ-танъ...

Пошелъ рыбакъ съ людьми на гору, закинулъ неводъ въ Лунъ-танъ—но ни одной рыбы тамъ не поймалъ.

Ясно, что между Сунгари и Лунъ-таномъ есть ходъ, тотъ самый, по которому когда-то ходилъ драконъ..

Да, Лунъ-танъ—священный водоемъ; не даромъ же, когда губернаторъ два раза въ годъ, въ дни переменъ одежды (лѣтней

на зимнюю и обратно) въ парадной одеждѣ совершаетъ колѣно-преклоненіе передъ священнымъ деревомъ*) и передъ бассейномъ,—то вся ряска съ поверхности воды тотчасъ же собирается къ противоположному берегу, хотя бы не было ни малѣйшаго вѣтерка...

А всего удивительнѣе то, откуда берется вода въ Лунъ-танъ, на самой вершинѣ высокой горы? Много воды вѣдь должно испаряться, особенно въ жаркое время,—а между тѣмъ вода въ бассейнѣ никогда ни на вершокъ не убываетъ, хотя никакого ручья въ Лунъ-танъ не впадаетъ...

Нѣтъ, Лунъ-танъ, что ни говорите,—священный водоемъ; это—ходъ въ жилище самого Лунъ-вана, князя дракона!

Къ этому дереву императоръ эры Цянь-лунъ, 1736—1795 г.г., говорилъ, призывая своего коня по время публичнаго Гирния. Это—разновидность ильма, съ болѣе бѣлой и гладкой корой, чѣмъ у обыкновеннаго ильма, хотя она называется по китайски хэй-ю-му, т. е. черный ильмъ. Дерево окружено деревянной рѣшеткой съ воротами, передъ которыми устроены кирпичный помостъ. Но этому дереву не болѣе 60—70 лѣтъ, тогда какъ императоръ эры Цянь-лунъ умеръ въ 1798 г. Подлинное дерево Цянь-луни давно сгнило, и замѣнено другимъ; но и это дерево уже сохнетъ...

ЗАЩИТНИКЪ.

Есть на свѣтѣ великіе, могучіе, древніе боги: Юй-хуанъ—верховный владыка боговъ; Чжэнь-у—Сѣверный полюсъ Неба; Шоусинъ—Южный полюсъ, на звѣздѣ долголѣтія*); Дунъ-ванъ-гунъ, и многіе другіе.

Но всѣ они обитаютъ гдѣ-то тамъ на небесахъ, далеко-далеко отъ людей; они вѣдаютъ мірами, и маленькихъ дѣлъ людскихъ не касаются.

Есть еще другіе боги, появившіеся впоследствии: Фо, пришедшій съ запада, а съ нимъ—Гуанъ-инь пу-сы, восемнадцать Лоханъ, и другіе.

Эти боги будутъ поближе къ людямъ, позволяютъ обращаться къ нимъ съ молитвами, и даже иногда помогаютъ людямъ.

Но есть еще боги, которые когда-то людьми жили на землѣ, хорошо знаютъ, что нужно людямъ, и поэтому они гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ тѣ, высшіе боги... Къ нимъ и молитва доходчивѣе; а иногда они снисходятъ къ людямъ даже и безъ всякой просьбы со стороны послѣднихъ и помогаютъ людямъ въ бѣдѣ или предупреждаютъ ихъ объ опасности.

Кто изъ насъ не обращался къ Яо-вану—богу лѣкарей, къ Цао-шэну—духу домашняго очага, къ Чжанъ-тянь-ши—владыкѣ тайныхъ знаній, къ Цай-шэну—богу богатства, и ко многимъ другимъ?

Но изъ всѣхъ этихъ боговъ ближе къ намъ—нашъ Лао-ѣ (господинъ), великій Гуанъ-ди, богъ войны, покровитель нашъ и охрана отъ всякихъ бѣдствій и несчастій, причиняемыхъ намъ иноземцами. Въ самомъ маленькомъ городкѣ, даже деревнѣ, а то и просто на дорогѣ или на перевалѣ, вы найдете въ большинствѣ

*) Canopus.

случаевъ никѣмъ не охраняемый храмъ Лао-ѣ; его хранить самъ Господинъ...

На дорогѣ, ведущей изъ Гириня на востокъ въ Нань-ганъ или Цзянь-дао, на рѣкѣ Ла-линь-хэ, въ мѣстности Сань-хэ-тунь, есть деревушка, называемая Гань-яо. Въ десяти ли (5 вер.) на западъ отъ этой дѣревни, на той же дорогѣ, благочестивые люди построили храмъ великому Лао-ѣ Гуань-ди.

Посреди храма высится колоссальная статуя самого Лао-ѣ, сидящаго подъ сѣнью на престолѣ. Глаза его опущены книзу, правая рука покоится на колѣнѣ, а лѣвая разглаживаетъ длинную, черную прядь волосъ, растущихъ ниже лѣваго уха.

Вся статуя раза въ три больше человѣческаго роста, и, хотя сдѣлана изъ простой глины,—но, вѣроятно, незауряднымъ художникомъ. Удивительно спокойное и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное выраженіе лица, прекрасная раскраска, пропорціональность частей, шелковыя одежды—все производитъ на проходящихъ сильное впечатлѣніе.

По обѣимъ сторонамъ Гуань-ди стоятъ огромныя статуи: его сына Гуань-синя и его постоянного спутника, Чжоу-цана.

Народъ очень чтить этотъ храмъ. Не только прохожіе, но и жители какъ Гань-яо, такъ и болѣе отдаленныхъ селеній, приходили поклониться великому Господину.

Много лѣтъ край этотъ былъ спокоенъ, даже когда древняя Чао-сянь (Корея) была захвачена восточными островитянами. Множество корейцевъ, спасаясь отъ пришельцевъ, бросали свои родныя, насиженныя мѣста въ Корей и уходили, кто—въ Россію, кто—въ Маньчжурію. Особенно много осѣло ихъ въ Нань-ганъ или Цзянь-дао, въ районѣ рѣки Болохэтунь и Да-хэ-я-эръ, сливающихся съ Га-я-хэ и впадающихъ въ Ту-мынь-цзянь. Здѣсь и мѣста привольныя, и народу мало, да и близко отъ родины—около самой корейской границы.

Японцы давно хотѣли захватить Цзянь-дао („междурѣчный островъ“), доказывая, что эта земля принадлежала когда-то Корей; но домогательства ихъ пока удавалось отклонить, тѣмъ бо-

лѣе, что въ 1888 г. Корейское правительство подтвердило принадлежность этого района Китаю.

Наступилъ 1909 годъ. Зимніе холода въ февралѣ быстро пошли на убыль. На корейской землѣ, прилегающей къ Цзянь-дао, началось необычное движеніе: тамъ стали строить казармы, подходили отряды войскъ всѣхъ родовъ оружія, подвозились снаряды и патроны—словомъ, всякому бывалому человѣку было ясно, что предстоитъ что-то серьезное. Но когда японцы назначили своего вице-консула въ Цзю-цзя-гай или Лунъ-цзинь-чэнъ (центръ Цзянь-дао), переименованный въ Янь-цзи фу, когда всѣмъ живущимъ здѣсь корейцамъ было объявлено, что они—японскіе подданные, —тогда сомнѣній ни у кого ужъ не осталось: предстоитъ насильственное занятіе Мангана японцами...

„Война!“ слышалось сказанное шопотомъ у восточной границы слово. Быстро распространилось это слово по всѣмъ путямъ на западъ, и съ каждой пройденной имъ верстой все крѣпло, дѣлалось громче, и за предѣлами Цзянь-дао уже грозно гремяло, наводя страхъ и ужасъ и на таежныхъ охотниковъ-промышленниковъ, и на искателей жэнь-шэня, и на золотопромышленниковъ; а въ особенности же на мирныхъ земледѣльцевъ, только еще недавно обосновавшихся въ этихъ мѣстахъ...

Еще бы! Имъ были хорошо памятли японско-китайская война 1895 года и русско-японская война 1904—5 г., когда цѣлая половина Маньчжуріи была разорена. Положимъ, необычайный приливъ русскаго золота тогда вознаградила за все съ лихвою; но теперь сюда придутъ не русскіе, а японцы: отъ нихъ нечего ждать пользы или возмѣщенія убытковъ!.. И вновь испытать ужасы войны, едва оправившись отъ прежнихъ войнъ,—это слишкомъ ужасно!

Проѣздъ японскаго генерала (Фукушима) въ Сѣв. Корею изъ Гириня черезъ Цзянь-дао,—еще больше всколыхнулъ народъ и убѣдилъ въ неизбежности войны.

Бросились къ властямъ; но тѣ сами растерялись и не знали, что дѣлать и чѣмъ успокоить народъ...

Тогда обратились къ богамъ, или вѣрнѣе—къ одному богу,

къ великому заступнику и охранителю, къ покровителю династїи, къ великому Лао-ѣ.

Храмъ Лао-ѣ около Гань-яо осаждался молящимися съ утра до вечера. Было сожжено безчисленное количество ароматическихъ курительныхъ свѣчей; горячія молитвы возносились къ сумрачному, неподвижному лику божества...

„Лао-ѣ, да Лао-ѣ“ (великій господинъ), плакалъ сухой старикъ, стоя на колѣняхъ передъ статуей и колотясь лбомъ о каменный полъ, „я всю жизнь работалъ, наконецъ прибрѣлъ здѣсь маленькое поле у самой дороги; сынъ у меня умеръ, остался только маленькій внукъ—да Лао-ѣ! Если будетъ война, японцы придутъ, все уничтожатъ, внукъ погибнетъ, мой родъ прекратится! Смилуйся, господинъ, отгони враговъ“!

И много было такихъ молитвъ...

Однажды утромъ (это было 4-го марта) кто-то вошелъ въ храмъ, хотѣлъ совершить поклоненіе—и вдругъ съ крикомъ выбѣжалъ изъ храма навстрѣчу идущимъ по дорогѣ людямъ. Онъ что-то съ жаромъ рассказывалъ имъ, показывая на храмъ. Скоро собралась порядочная толпа, медленно направившаяся къ мяю.

Долго не рѣшались войти въ храмъ; но въ немъ все было тихо и спокойно. Наконецъ отдѣльные смѣльчаки, а за ними—и остальные вошли въ храмъ.

И что же? Огромная статуя Лао-ѣ, стоявшая еще наканунѣ, какъ и во всѣхъ храмахъ Китая, лицомъ на югъ,—теперь была обращена лицомъ на востокъ... Кто могъ огромную статую, весомъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ, повернуть, да такъ, что нигдѣ не было ни малѣйшаго поврежденія, даже одежды не измяты? Человѣкъ этого сдѣлать не могъ!

Пораженная толпа молча глядѣла на бога.

— „Глядите, что это? сказалъ кто-то, показывая на голову статуи.

Всѣ подняли головы—и увидѣли, что по лицу Лао-ѣ текли крупныя капли пота, оставляя на запыленной поверхности лица грязные потоки.

— „Это—не спроста“, говорили старики: „Господинъ повернулся не даромъ! Онъ внялъ нашимъ молитвамъ—и повернулся навстрѣчу надвигавшейся съ востока опасности. Онъ, нашъ хранитель, должно быть всю ночь трудился, защищая насъ и удерживая враговъ—вишь, какъ ему трудно было, даже потъ градомъ лился у него съ чела! Ну,—теперь все будетъ хорошо: войны не будетъ, Лао-ѳ не пустить враговъ!“

Слухъ о чудѣ распространился съ чрезвычайной быстротой, и старшина деревни Гань-яо послалъ донесеніе по начальству.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Гирина, —губернаторъ тотчасъ послалъ чиновника на мѣсто происшествія для провѣрки. Чиновникъ былъ въ Лао-ѳ мяо и убѣдился собственными глазами, что дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ, какъ доносилъ старшина. Разспросы мѣстныхъ жителей (потому что при храмѣ никакого духовенства или слугъ не было) также лишь подтвердили чудесный фактъ.

Японскіе власти, бывшіе въ Гиринѣ, удивились необычайно твердому тону, сразу принятому китайскими властями съ середины марта при переговорахъ по поводу Цзянь-дао, и принуждены были уступить.

Еще-бы! Они и не подозрѣвали, что китайцамъ помогъ самъ Лао-ѳ!

Храмъ вѣрности.

Въ Южной Маньчжуріи, на лѣвомъ берегу большой рѣки Ляо-хэ, есть городъ Ню-чжуанъ. Когда-то онъ стоялъ при самомъ устьѣ рѣки, но теперь наносы этой рѣки наполнили сѣверный край Ляодунскаго залива, устье рѣки отодвинулось отъ города уже верстъ на пятьдесятъ, и поэтому городъ потерялъ свое бывшее значеніе. Но все-таки въ немъ гораздо больше солидныхъ зданій и храмовъ, чѣмъ въ его преемникѣ—городѣ Инъ-коу, выросшемъ въ устьѣ Ляо-хэ.

Между храмами особеннымъ уваженіемъ жителей пользуется недавно выстроенный Цзѣ-сяо-цы.

Обычно храмы въ Китаѣ, если они воздвигнуты въ честь какого-либо даоскаго или буддійскаго божества, могутъ носить названіе „мяо“. Если храмъ называется „сы“, то это буддійскій или ламайскій храмъ (впрочемъ, мечети также называются „сы“). Иногда храмъ носитъ названіе „гуань“—тогда онъ посвященъ непременно даоскому божеству. Буддійскій женскій монастырь носитъ названіе „ань“. Храмъ въ честь Кунъ-цзы (Конфуція) называется „вэнь-мяо“, т. е. храмъ литературы.

Но есть еще храмы, носящіе названіе „танъ“ и „цы“. Это храмы, посвященные памяти героевъ, еще не возведенныхъ въ рангъ духовъ-покровителей или божествъ, и людей недавняго времени, чѣмъ-либо прославившихся.

Такимъ образомъ, названіе „Цзѣ-сяо-цы“ въ переводѣ будетъ означать приблизительно „Храмъ вдовьей почтительности“. Въ этомъ храмѣ, передъ изображеніями обычныхъ народныхъ божествъ, стоятъ одиннадцать колѣнопреклоненныхъ фигуръ, изображающихъ мальчиковъ. Если вы спросите сторожа (духовенства при такихъ храмахъ не полагается), или сосѣднихъ жителей, то они расскажутъ слѣдующую исторію, случившуюся въ 1900 г., т. е.

почти на нашихъ глазахъ (живыхъ свидѣтелей-очевидцевъ вы найдете сколько угодно), и заодно прослѣдите возникновеніе наивной легенды, причемъ послѣдняя такъ тѣсно переплетается съ истиннымъ происшествіемъ, что невозможно замѣтить конецъ одного и начало другой.

Въ самый разгаръ такъ называемаго „боксерскаго“ возстанія, на мѣстѣ этого храма стояла ветхая фанзенка съ полуразвалившейся глиняной оградой и безо всякихъ пристроекъ: послѣднія были давно уже разобраны на топливо. На дворѣ нѣтъ ни скота, ни даже собаки; вездѣ пусто, неуютно, запущено... Два квадратныхъ окна въ фанзѣ заклеены дырявой, промасленной бумагой; внутри—голый канъ (длинная лежанка), черный столъ, скамейка; на столѣ щербатая чашка. И больше—ничего. Даже обычнаго сундука нѣтъ... Видно, что здѣсь живутъ бѣдняки.

Дѣйствительно, въ этой фанзѣ жила бѣдная, почти нищая старуха со своей снохой, молодой, бездѣтной вдовой. Тяжело имъ жилось послѣ смерти сына старухи; все, что осталось послѣ него, онѣ распродали и едва перебивались поденной работой. А много ли найдешь работы въ китайскомъ городѣ? У богатыхъ—свои слуги, а у бѣдныхъ—свои рабочія руки въ семьѣ. Добро бы хоть здѣсь родные были; а то они, такіе же бѣдняки, всѣ остались въ далекомъ Дэнъ-чжоу-фу, въ Шань-дунѣ.

И стала старуха уговаривать сноху, чтобы та опять вышла замужъ и хоть какъ-нибудь согрѣла ее старость.

Но вдова и слышать объ этомъ не хотѣла.

— Матушка,—уговаривала она старуху:—какъ я могу такимъ поступкомъ оскорбить память моего дорогого мужа, вашего сына!

— Охъ, сноха,—плакалась старуха:—я сама это понимаю, да что же дѣлать, когда ѣсть нечего?! Ты-то молода, выдержишь; а развѣ тебѣ пріятно будетъ видѣть, когда я умру отъ голода!

Бѣдная молодая женщина горько плакала и не знала, что ей дѣлать. Съ одной стороны, уваженіе къ памяти мужа, такъ высоко цѣнящееся въ Китаѣ, не позволяло ей отказаться отъ вдовства; а съ другой—долгъ „сяо“,—почтительности къ свекрови, за-

мѣнявшей ей мать, —обязывалъ ее пожертвовать всѣмъ ради старухи...

Наконецъ, когда онъ уже два дня совсѣмъ ничего не ѣли, вдова не выдержала слезъ старухи и согласилась выйти замужъ за любого жениха, который согласился бы ее взять...

— „А у меня есть уже на примѣтѣ хорошій женихъ“, —вскричала обрадованная старуха и убѣждала.

Черезъ часъ она вернулась вмѣстѣ съ мужчиной лѣтъ тридцати, въ потертомъ платьѣ, грубоватымъ, но съ добрыми глазами. Это былъ плотникъ, отличный работникъ, котораго молодая женщина видѣла раньше раза два.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, плотникъ прямо приступилъ къ дѣлу: гдѣ имъ, такимъ бѣднякамъ, соблюдать всѣ полагающіяся въ такихъ случаяхъ церемоніи, —засылать сватовъ, отправлять заранее подарки и тому подобное! Время не ждетъ, завтра нужно идти на работу...

— „Мнѣ ваша матушка сказала, что вы согласны выйти за меня замужъ; я уже заплатилъ ей полтора ста дѣя, —извините, что мало, —у меня больше не было! Хотите ли вы быть у меня хозяйкой?“

Молодая женщина заплакала. Она знала, что плотникъ —отличный мастеръ своего дѣла; но она знала также, что онъ —вдовецъ, и что недавно умершая жена оставила на его рукахъ двухъ дѣтей —мальчиковъ, да еще дѣвочку, родившуюся только пять мѣсяцевъ тому назадъ...

Но голосъ и глаза у плотника были добрые, да и выбора ей не представлялось никакого.

Она вытерла глаза и отвѣтила:

— „Вы вѣдь уже за меня заплатили, —я не могу идти противъ желанія матушки!“

Такъ какъ женихъ и невѣста были уже вдовыми, а у плотника дома дожидались три рта, то вся свадебная процедура была упрощена до крайности: плотникъ взялъ узелокъ съ тряпьемъ своей невѣсты и увелъ ее къ себѣ домой; тѣмъ дѣло и кончилось, безъ всякихъ обрядовъ.

Старуха осталась одна въ пустой, холодной фанзѣ,—и тутъ она почувствовала, чѣмъ была для нея сноха.

„Какъ я буду жить,“ причитала старуха вслухъ: „Дорогая моя старшая женушка! *) Послушная, кроткая моя доченька! И зачѣмъ я, глупая, уговорила тебя бросить меня? На что мнѣ теперь эти деньги?..“

И старуха засунула свертокъ съ бумажными деньгами въ глубокую трещину давно неремонтированной, закоптѣлой глиняной стѣны.

Долго еще старуха причитала и плакала, пока, наконецъ, не заснула на холодномъ канѣ уже передъ разсвѣтомъ.

А къ этой фанзѣ непосредственно примыкала другая фанза, почти такая же старая, въ которой помѣщалась школа. Раздѣляла ихъ только одна глиняная потрескавшаяся насквозь стѣна. Въ этой школѣ вмѣстѣ съ учителемъ жили двѣнадцать учениковъ, жители окрестныхъ деревень.

Обыкновенно въ Китаѣ одна усадьба отъ другой, сосѣдней, отдѣляется прочными кирпичными или глинобитными стѣнами, и обитатели каждой усадьбы живутъ своей, совершенно изолированной жизнью. Но въ данномъ случаѣ быстроглазые мальчишки знали все, что дѣлалось у сосѣдокъ, не только вслѣдствіе полуразвалившейся ограды, но и потому, что прильнувъ ушами къ трещинамъ стѣны, раздѣлявшей фанзы, они отлично слышали даже всѣ причитанія старухи.

Учитель какъ разъ отлучился изъ школы по своимъ дѣламъ, что было на-руку школьникамъ. И вотъ въ мозгу одного изъ нихъ, самаго бойкаго и испорченнаго, зародилась нехорошая мысль.

— „А что, товарищи, если бы у старухи утащить деньги; вотъ хорошо бы было!“

*) Съ выходомъ замужъ дѣвушка въ Китаѣ теряетъ свое дѣтское имя и взамѣнъ его не получаетъ никакого собственнаго имени, если только она не получила „учебнаго“ имени, которое можетъ сохраниться и послѣ замужества. Какъ мужъ, такъ и старшіе родственники могутъ звать ее „да си-фу-эръ“, т. е. старшая или первая жена; въ интеллигентныхъ семьяхъ зовутъ „да най-най“, старшая матушка. Если въ семьѣ вмѣстѣ нѣсколько снохъ, то жена второго сына будетъ „эръ си-фу-эръ“, вторая жена, или эръ-най-най, и т. д.).

Всѣ мальчишки хоромъ поддержали скверное предложеніе; нашелся только одинъ, по фамиліи Бай, который протестовалъ:

— „Послушай, Чжанъ, и вы всѣ: какъ вамъ не стыдно,—вы совсѣмъ забыли „правила“... Вѣдь это будетъ воровство!“

Нѣкоторые малыши стали колебаться.

— „Ты—глупый“, набросился на него инициаторъ кражи, нанося ему ударъ по головѣ: „вѣдь она сама говорила—на что ей деньги? Онѣ ей не нужны; слѣдовательно—мы можемъ ихъ взять. Развѣ тебѣ довольно той ѣды, которую намъ приносятъ?! А если у насъ будетъ полтора ста дая, то сколько мы можемъ на нихъ накупить и грушъ, и обсахареннаго боярышника, и сань-ча-гао (боярышниковой пастилы), и лянъ-цзы (сѣмена лотоса), и ма-хуа-эръ, и сянь-ю-го-цзы (разные сорта продаваемого разносчиками печенья).. Мы цѣлый мѣсяцъ будемъ сыты!“

Испытаніе было слишкомъ сильно. Блестящія перспективы, нарисованныя маленькимъ преступникомъ, увлекли колеблющихся—и рѣшено было взять деньги у старухи.

— „Не дѣлайте этого, я васъ очень прошу“, уговаривалъ единственный протестантъ—Бай.

— „Ты—дѣвчонка“, закричалъ на него Чжанъ: „ну, если ты такъ будешь хныкать и учитель что-нибудь замѣтитъ,—то мы тебя изобъемъ, и ѣсть тебѣ не будемъ давать, и сань-цзы-цзинъ (первоначальная книга, которую изучаютъ школьники) у тебя отнимемъ, чтобы ты уроковъ не зналъ, и будемъ пачкать твою тетрадь для каллиграфіи, чтобы учитель билъ тебя линейкой по концамъ сложенныхъ пальцевъ, и мы будемъ тебя каждый день бить. Вотъ тебѣ—пикни только!“

Зная, что всѣ эти страшныя угрозы мальчишки легко могутъ привести въ исполненіе, Бай съ горемъ отошелъ отъ нихъ и забился въ уголъ, а остальные стали вырабатывать планъ дѣйствій.

— „Кому же идти за деньгами?“ спрашивали нѣкоторые.

— „Конечно Чжану“, раздались голоса: „онъ—самый храбрый; да онъ, вѣдь, и выдумалъ это дѣло!“

— „Ладно“, сказалъ Чжанъ: „а кто же будетъ сторожить?“

— „Я, я“, раздались голоса.

— „Ну, такъ вотъ что; только чуръ меня слушать“, распорядился Чжанъ. „Завтра, рано утромъ, учитель будетъ еще спать въ своей комнатѣ (легкія перегородки въ углу кана часто отдѣляютъ маленькія каморки отъ остального помещенія),—онъ, вѣдь, крѣпко спитъ, когда поздно возвращается; мы выйдемъ потихоньку изъ дома, какъ будто по своей надобности. Ты—станешь у дверей и дашь знакъ въ случаѣ, если учитель проснется; ты—станешь у ограды и передашь тревожный сигналъ, если онъ выйдетъ; а ты будешь у дверей старухи зорко слѣдить за товарищами. Я же одинъ пойду въ комнату къ старухѣ и найду деньги“.

Мальчики съ уваженіемъ смотрѣли на „храбреца“.

— „А если старуха проснется?“ спросилъ одинъ изъ мальчугановъ.

— „Тогда я... я ее попрошу дать мнѣ воды,—скажу, что у насъ вся вышла!“

Только что школьники распредѣлили роли, какъ одинъ изъ учениковъ, стоявшій у двери на сторожѣ, тревожно объявилъ:

— „Сянь-шэнъ лай, сянь-шэнъ лай“, т. е. „преждедрожженный“ (учитель) идетъ.

Всѣ прыснули на свои мѣста на канѣ, и въ фанзу тяжелой походкой, красный и потный, вошелъ учитель. Получаемая имъ шу-сю („пучокъ наставленій“ или „связка денегъ за ученіе“,—такъ называлась плата учителю) была, по обыкновенію, такъ мала, что ему пришлось, хотя это и не разрѣшалось, подрабатывать на сторонѣ, и онъ давалъ уроки сыну богатаго купца, жившаго на другомъ концѣ города. Понятно, что онъ всегда торопился съ урока домой въ школу и сильно уставалъ.

Занятый своими мыслями, учитель во время ужина не замѣтилъ ни таинственнаго перешептыванія многихъ учениковъ, ни убитаго вида Байя.

На другой день, едва разсвѣло, Чжанъ уже былъ на ногахъ и растолкалъ трехъ своихъ товарищей. Тѣмъ очень не хотѣлось покидать теплыхъ постелей, да и участіе въ рискованномъ пред-

пріятіи пугало ихъ; но Чжанъ строго приказалъ имъ одѣваться и выходить, и мальчики не посмѣли его послушаться.

Размѣстивъ сторожей такъ, какъ было предположено ранѣе, Чжанъ тихонько подошелъ къ дверямъ сосѣдки... И ему на мигъ захотѣлось, чтобы она была заперта: тогда волей-неволей пришлось бы отказаться отъ выполненія рискованнаго предпріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ „не потерять лица“ передъ товарищами...

Но дверь не была заперта и безъ скрипа подалась, когда мальчикъ потянулъ ее къ себѣ.

Чжанъ вошелъ въ фанзу и въ первый моментъ не могъ ясно разглядѣть, есть ли кто въ комнатѣ. Но черезъ минуту, когда его глаза привыкли къ царствовавшему въ фанзѣ полумраку, онъ увидѣлъ старуху, крѣпко спавшую на канѣ, на подложенной подъ себя кучѣ лохмотьевъ.

При видѣ ужасающей нищеты, окружавшей его, Чжану на мигъ сдѣлалось стыдно; но мысль о насмѣшкахъ товарищей заставила его подавить въ себѣ доброе чувство, и онъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, сталъ подходить къ старухѣ. Она крѣпко спала, ногами къ стѣнѣ, а головою внутрь фанзы, положивъ голову безъ всякой подушки прямо на деревянный брусъ, окаймлявшій край кана.

„Гдѣ же деньги?“ промелькнуло въ головѣ Чжана. „Навѣрно она положила ихъ подъ себя; какъ достать ихъ, не разбудивъ женщины?“

Но въ этотъ моментъ глаза его упали на что-то бѣлѣвшееся на стѣнѣ, какъ разъ надъ ногами спящей. Присмотрѣвшись внимательно, онъ увидѣлъ, что это—свертокъ бумаги, засунутый въ трещину глиняной стѣны.

Неясная догадка мелькнула въ умѣ Чжана; онъ влѣзъ на канъ и осторожно вытащилъ свертокъ изъ щели.

Спуститься съ кана и развернуть свертокъ—было дѣломъ полминуты.

О радости! Въ сверткѣ оказались деньги,—тѣ самыя полтора дая, которые плотникъ уплатилъ за невѣсту...

Чжанъ взглянулъ на старуху—она попрежнему крѣпко спала.

езшумно, но быстро направился онъ къ двери и открылъ ее. Уже безъ мѣръ предосторожности онъ перебѣжалъ дворъ, перебрался черезъ ограду и вмѣстѣ со своими товарищами-сторожами былъ уже черезъ минуту, раздѣтый, на канѣ въ своей постели, притворяясь спящимъ.

Прошло немного времени. Учитель проснулся и сталъ будить учениковъ; четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ Чжанъ, спали особенно крѣпко...

Наконецъ всѣ встали, и школьная жизнь потекла своимъ чередомъ.

Проснулась, наконецъ, и старуха, удивленная тѣмъ, что не слышитъ около себя обычнаго мягкаго голоса своей снохи. И вдругъ вспомнила она то, что случилось вчера: теперь она уже совсѣмъ, совсѣмъ одинока! И только мысль о деньгахъ согрѣла ее сердце: нѣсколько мѣсяцевъ не будетъ она, по крайней мѣрѣ, голодать...

„Что же это я“, спохватилась старуха:—„вѣдь сегодня молодые, по обычаю, должны придти благодарить меня, и я обязана ихъ угостить. А у меня въ домѣ ровно ничего нѣтъ... Пойду-ка я скорѣе, куплю сяо-ми-цзы (чумизы) и хоть немного свинины!“

И старуха стала быстро одѣваться.

„А сколько взять денегъ? Пять дяо будетъ, конечно, за глаза довольно!“

И старуха встала на канъ, чтобы достать деньги.

Что это? Денегъ нѣтъ! Упали, конечно, на канъ?..

Но ни на канѣ между тряпьемъ, ни въ глубинѣ всѣхъ щелей въ стѣнѣ, и нигдѣ въ фанзѣ денегъ не оказалось ни малѣйшаго слѣда.

„О я, несчастная! Покинутая всѣми, навѣкъ одинокая, нищая, обаленная духами, такъ какъ людей здѣсь не было, осрамлен—я жить не могу!“

Старуха встала на канъ, взяла поясъ, перекинула его черезъ блала петлю, всунула въ нее голову—и прыгнула съ вывнизъ...

плень. Плотникъ съ молодой женой давнымъ-дав-

но уже встали; она сварила завтракъ, накормила мужа и дѣтей, а онъ успѣлъ уже сходить въ лавки и купить тѣ подарки, которые, по обычаю, полагалось сегодня отдать его названной тещѣ,—новую одежду и серебряныя вещи: кольцо, браслетъ да головную шпильку. Правда, плотникъ истратилъ всѣ свои деньги, скопленныя за много лѣтъ тяжелымъ трудомъ; но ему не жаль было ихъ. Онъ видѣлъ, что получилъ хорошую, добрую жену; теперь будетъ на кого оставлять дома дѣтей. А деньги—деньги что? Пустяки! Онъ скоро заработаетъ ихъ больше прежняго...

— „Ну, жена“, сказалъ плотникъ, „намъ съ тобою одновременно невозможно идти на поклонъ къ тещѣ. Иди сначала ты, а я останусь съ дѣтьми; а когда ты вернешься,—схожу я“.

Молодая женщина быстро собралась, взяла купленные мужемъ для старухи подарки и пошла къ своему старому пепелищу.

— „Что-то подѣлываетъ матушка безъ меня“, думала она дорогой. „Вѣроятно тоскуетъ, бѣдная, по мнѣ? И кто теперь безъ меня будетъ за ней, старой, ухаживать? Какъ только намъ удастся нанять помѣщеніе побольше, чтобы всѣмъ можно было размѣститься на канѣ,—непремѣнно попрошу мужа взять матушку къ себѣ!“

Вотъ и старая фанза. Дверь, противъ обыкновенія, затворена и никто ее не встрѣчаетъ...

Женщина вошла въ фанзу. О, ужасы! Длинное черное тѣло виситъ на балкѣ...

Съ дикимъ воплемъ бросилась она къ трупу, обнимая и прижимая къ себѣ его ноги.

— „Матушка“, кричала она: „прости меня, я теперь вижу, что ты заботилась только обо мнѣ. Ты не хотѣла, чтобы я переносила нищету, ты меня устроила, но ты не могла жить безъ меня. А я, неблагодарная, подлая и передъ твоимъ покойнымъ сыномъ, и передъ тобою,—я думала только о собственномъ благополучіи!... Въмѣсто того, чтобы всю свою жизнь посвятить твоей старости, я, преступница, пошла къ другому человѣку. Нѣтъ, матушка, не думай, что ты останешься одна;—я теперь знаю, что

я должна сдѣлать: я тебя и „тамъ“ найду и буду за тобой ухаживать!”

И тутъ же изступленная женщина повѣсилась рядомъ со старухой.

Прошло часа два. Плотникъ ждалъ-ждалъ жену—нѣтъ ея! Что случилось, что могло ее задержать такъ долго? Вѣдь завтра ему нужно идти на работу; а тещу названную онъ долженъ посѣтить непременно сегодня же, иначе онъ не выполнитъ „церемоній“ и сраму тогда не оберешься... Да и дѣтей кормить надо.

Думалъ-думалъ плотникъ, и приказавъ старшему сыну хорошенько смотрѣть за крошкой-сестрой, онъ быстро зашагалъ къ дому старухи.

Старый домъ встрѣтилъ его непривѣтливо—никто не вышелъ навстрѣчу, хотя дверь и была створена...

Плотникъ вошелъ внутрь—и то, что онъ увидѣлъ тамъ, поразило его какъ громомъ.

Онъ свѣлъ на канъ и долго смотрѣлъ на два страшныя, длинныя висящія тѣла, изъ которыхъ одно только-что было его кроткой, любящей женой, тѣмъ фундаментомъ, который онъ хотѣлъ подвести подъ свой развалившійся семейный очагъ...

— „Итакъ“, думалъ онъ, „нѣтъ у меня ни денегъ, ни жены. Не вмѣшайся я въ дѣла этихъ женщинъ,—обѣ онѣ были бы живы. Значить, я въ чемъ-то виноватъ, хотя въ чемъ—не знаю... Видимо, „тамъ“ за какіе-то грѣхи въ прежнихъ существованіяхъ (большинство китайцевъ вѣритъ въ перерожденія) не допускаютъ меня къ счастью и благополучію. Съ „ними“, вѣдь, не поспоришь; слѣдовательно—и противиться нечего!”

Плотникъ всталъ, медленно снялъ съ себя поясъ, сдѣлалъ петлю и повѣсился рядомъ съ женой.

Школьники рядомъ все видѣли и все знали, что творится въ старой фанзѣ. Ужасъ ихъ обуялъ и все нарасталъ по мѣрѣ увеличенія числа труповъ подъ сосѣдней крышей. Вѣдь, если одна изъ имѣющихся въ каждомъ человѣкѣ трехъ душъ даже

обыкновеннаго покойника любить бродить около мѣста своей смерти, то души самоубійцъ, конечно, еще болѣе привязаны къ своему тѣлу и къ мѣсту своей земной жизни, и онѣ непременно отомстятъ виновникамъ своей смерти...*)

Наконецъ учитель замѣтилъ, что съ дѣтьми творится что-то неладное. Онъ сталъ спрашивать, и мальчики указали ему на сосѣдную фанзу.

Дали знать властямъ. Сдѣлали краткое разслѣдованіе—случай казался необычайнымъ, но чрезвычайно яснымъ: очевидно старуха, чтобы избавить сноху отъ нужды, выдала ее замужъ, а сама не могла перенести одиночества и нищеты и повѣсилась. Молодая женщина, считая себя виновной передъ свекровью, тоже покончила съ собой. Мужъ, въ свою очередь, считая себя косвенной причиной двухъ смертей,—также добровольно ушелъ изъ этого міра...

Случай былъ настолько „красивый“ съ точки зрѣнія китайской этики, что мѣстный начальникъ тотчасъ же послалъ за дѣтьми плотника и взялъ ихъ къ себѣ на воспитаніе, а самъ въ тотъ же день послалъ губернатору подробное донесеніе объ этомъ происшествіи, прося его довести обо всемъ до свѣдѣнія Сына Неба и разрѣшенія построить арку въ память „трехъ вѣрныхъ своему долгу“.

Настала ночь того же дня. Ученики не могли спать—они нервничали, пугались и плакали. Учитель тоже не могъ заснуть—было невыносимо душно...

Вдругъ раздался ударъ грома; за нимъ еще и еще, то дальше, то ближе, какъ будто тысячи орудій разныхъ калибровъ со всѣхъ сторонъ открыли канонаду по ветхой школѣ...

*) Три души человѣка: хунь—подходить къ нашему понятію о душѣ; линь—астральное тѣло; ци—жизненная сила. Хунь передается отцомъ и послѣ смерти человѣка сливается съ высшимъ началомъ; линь передается матерью и послѣ смерти долго не покидаетъ мертвago тѣла, обитая или въ гробу, или поблизости могилы, напримѣръ: на деревьяхъ, окружающихъ могилу и т. п.; ци—въ моментъ смерти исчезаетъ. Смерть собственно и есть исчезновеніе ци. Ци есть и у животныхъ, и у растений.

Послѣ смерти человѣка душу его символически переносятъ въ дощечку съ именемъ покойнаго, которая хранится въ домашней помпальницѣ.

Гроза продолжала свирѣпствовать, не желая удаляться отъ этого мѣста, и длинныя, судорожныя цѣпи молній вились, казалось, кругомъ надъ самой крышей.

Наконецъ учитель рискнулъ выйти изъ школы, чтобы посмотреть, не прояснится ли небо съ какой-либо стороны.

Лишь только онъ вышелъ, въ ту-же минуту громовые раскаты прекратились... Но какъ только онъ вернулся въ домъ,—гроза снова забушевала. И опять, стоило ему выйти—удары молота Лэй-гуна, бога грома, и трезубца его помощника Сяо-гуаня, снова прекращались...

Тогда учитель увидѣлъ, что дѣло не такъ-то просто, какъ казалось сначала. Онъ поднялъ всѣхъ учениковъ съ постели и сказалъ:

— „Кто-то изъ насъ совершилъ преступленіе, и теперь богиня молній Шань-дянь нянь-нянь, сверкая зеркалами въ обѣихъ рукахъ, и Лэй-гунъ требуютъ, чтобы виновные вышли къ нимъ на судъ... Пойдемте всѣ на дворъ—пусть они увидятъ, что между нами преступниковъ нѣтъ!“

Всѣ ученики, хотя дрожащіе и испуганные, одѣлись и хотѣли выйти на дворъ, кромѣ одного. Онъ забился въ уголъ, плакалъ и умолялъ, чтобы его не выводили на дворъ. И это былъ—Бай.

Пораженный учитель сталъ его допрашивать, почему онъ, бывшій всегда примѣрнымъ и послушнымъ ученикомъ, теперь не хочетъ слушаться?

— „Я—великій преступникъ“, отвѣтилъ мальчикъ. „Я зналъ, что ученики хотятъ украсть деньги у старухи, и я уговаривалъ ихъ не дѣлать этого,—но не смогъ уговорить. Значитъ, я во всемъ виноватъ, и теперь Лэй-гунъ хочетъ меня казнить!“

Учитель распросилъ его подробнѣе, и тутъ все дѣло раскрылось.

— „Если ты виноватъ“, сказалъ учитель Баю, „то вѣдь все равно Лэй-гунъ тебя найдетъ; Чэнъ-хуанъ, блюститель города, тебя обвинитъ, а Пань-гуанъ, потусторонній судья, присудитъ тебя къ наказанію. Отъ нихъ ты никуда не спрячешься. Какъ же ты мо-

жешь подвергать другихъ учениковъ гнѣву бога?! Ты вмѣстѣ со всѣми!”

Бай съ плачемъ согласился, и всѣ ученики глемъ вышли во дворъ.

Но чуть только они показались, какъ разъ ударъ грома надъ самой ихъ головой...

Учитель и Бай были оглушены и отброгда они пришли въ себя, то увидѣли распропы всѣхъ остальныхъ одиннадцати ученикогко пахло сѣрой..

Мѣстному начальнику пришлось къ сенію писать еще дополненіе. Скоро и томъ, чтобы на мѣстѣ старой фанзы ку—„пай-лоу“, а цѣлый храмъ—Цзѣ

Гдѣ-то справедливость все-т что она поздно обнаруживается. дый человекъ получить, если не тѣлѣ..

VI. Корейская легенда.

СВЯЩЕННЫЯ ДОСКИ.

Это было очень давно, въ то время, когда Корея не была еще однимъ государствомъ, а тремя. Въ самомъ сильномъ изъ нихъ, Силла, царствовалъ Ча-би оанъ (по кит. Цы-бэй ванъ, съ 458 по 478 г. Онъ первый началъ печатать книги съ деревянныхъ клише). Мудрый и милосердный былъ государь! Но народъ его былъ грубъ и жестокъ подъ вліяніемъ дурного примѣра дикихъ восточныхъ островитянъ, все время нападавшихъ на Силла.

Долго молился государь великому Фо, и наконецъ просвѣтленіе снизошло на князя: онъ понялъ, что сколько бы переписывали и переписывали необходимыя для просвѣщенія народа священныя книги,—все равно ихъ будетъ недостаточно; да и ошибокъ будетъ много. Поэтому онъ велѣлъ нѣсколькимъ благочестивымъ и ученымъ монахамъ отправиться на островъ Чѣчжюдо (Квельпартъ), гдѣ растеть особое, очень крѣпкое, дерево, и сдѣлавъ изъ него доски,—вырѣзать на нихъ священныя словеса.

Поселились монахи на Чѣчжюдо, нарѣзали досокъ, тщательно написали на тонкой бумагѣ всѣ священныя книги, наклеили ее обратной стороной на доски, и много лѣтъ ежедневно, отъ зари и до зари, съ молитвой на устахъ, чистотою на сердцѣ и съ постомъ въ желудкѣ и въ чувствахъ, вырѣзывали священныя письмена.

Наконецъ все было готово. Вздохнули свободно монахи—рѣзчики, нагрозили досками цѣлый корабль и отправили его къ Ча-би оану, а сами на радостяхъ, послѣ долгаго поста, предались чревоугодію.

И поднялась буря. Корабль не могъ попасть въ гавань—Вуд-да не смилостивился, и корабль погибъ...

Монахи-рѣзчики заболѣли отъ излишествъ послѣ долгаго воз-

держанія; долго они болѣли,—никто не выздоровѣлъ. Они умирали одинъ за другимъ; и наконецъ, черезъ пять лѣтъ послѣ гибели корабля,—умеръ послѣдній изъ нихъ.

И тотчасъ же изъ глубинъ морскихъ, изъ трюма погибшаго корабля, всплылъ священный грузъ, который и прибило къ берегу въ портѣ Самъ-гай, въ районѣ гор. Ко-ріонъ.

Слухъ объ этомъ скоро достигъ до властей, которыя вмѣстѣ съ духовенствомъ тотчасъ отправились на берегъ.

И что же? Оказалось, что доски, хотя и пролежали въ водѣ пять лѣтъ,—но не подверглись ни малѣйшей порчѣ...

Съ торжествомъ онѣ были перенесены въ ближайшій городъ Хапъ-чіонъ. Жители этого города, обрадованные такой милостью къ нимъ великаго божества, тотчасъ выстроили особый храмъ, названный Хэ-инь-сы („Храмъ морской печати“), въ которомъ и помѣстили священные доски. Тамъ онѣ лежатъ и по настоящее время *)

Прошло съ тѣхъ поръ уже полторы тысячи лѣтъ. Много разъ храмъ горѣлъ, крыша ветшала и протекала, дождь лилъ на священные доски,—но и до сихъ поръ онѣ такъ же цѣлы и крѣпки, какъ и въ тотъ день, когда были выброшены моремъ на Самъ-гайскій берегъ. И вѣчно онѣ будутъ цѣлы до тѣхъ поръ, пока будутъ еще въ Корей люди, чтущіе великіе завѣты начертанныхъ на нихъ священныхъ глаголовъ.

*) Доски эти занимаютъ четыре склада.

VII. Туркестанская легенда.

ОЗЕРО.

Аллахъ великъ!

Давно это было, когда всюду еще высились минареты, когда здѣсь не было еще ни восточныхъ желтыхъ, ни сѣверныхъ бѣлыхъ, ни приближающихся съ юга рыжихъ варваровъ; словомъ, это было тогда, когда Небо было ближе къ землѣ, Аллахъ все видѣлъ и пери ходили между людьми.

Посмотри, хахимъ: этого громаднаго озера, котораго не объѣдешь кругомъ на самомъ луншемъ скакунѣ и въ двадцать дней, —этого озера тогда не было... Ты знаешь, почему даже сильные порывы вѣтра едва трогаютъ его черную зеркальную поверхность чуть замѣтной легкой рябью, а не поднимаютъ волнъ? Знаешь ли, почему здѣсь вѣтеръ не шумитъ, трава не шуршитъ, стаи птицъ не носятся надъ его поверхностью, а покой, тишина, мертвенное спокойствіе царятъ вокругъ него?

Слушай, я тебѣ разскажѹ...

Когда-то здѣсь, на двадцать дней пути во всѣ стороны, раскинулось прекрасное царство. Земли было много, источниковъ было много, плодовъ было много, скота было много; а всѣ женщины были не хуже, чѣмъ въ Рушанѣ.

Хвала Аллаху!

И вотъ на тронъ этого царства вступилъ молодой шахъ Мухамедъ-Джелаль-Эддинъ. Хорошій былъ шахъ: судьи его скоро судъ творили, особенно если у тяжущихся было чѣмъ заплатить; сборщики податей лишняго не много брали; кто землю оросилъ каналомъ—у того ея не отбирали.

Такая легенда существуетъ объ озерѣ Иссыкъ-кулъ и о другихъ озерахъ, расположенныхъ въ районѣ Памира и Китайскаго Туркестана.

Войнъ шахъ не велъ, ученыхъ уважалъ, бѣднымъ помогаль, купцовъ въ сосѣднія страны посылаль; и столицу свою украсиль такими мечетями, какихъ ни въ Самаркандѣ, ни въ Багдадѣ нѣтъ.

А столица эта, огромный городъ,—стояла вотъ тутъ, на мѣстѣ этого озера, хакимъ...

Аллахъ великъ!

Жиль шахъ въ своемъ дворцѣ, и народъ рѣдко его видѣлъ —развѣ только когда въ Байрамъ или Рамазанъ поѣдетъ онъ въ мечеть. Конь у шаха—заглядѣнье; а его нарядъ, сабля и высокая чалма такъ и горѣли самоцвѣтными камнями.

Народъ любилъ шаха...

Дворъ у шаха былъ большой: министры, евнухи, бачи, гаремная челядь, стража... Особенно много было брадобреевъ, или вѣрнѣе—главобреевъ, потому что у насъ бреютъ не бороду, а голову. И удивительное дѣло! Несмотря на то, что уже много цырульниковъ было принято ко двору,—все-таки дворцовые слуги постоянно ѣздили по городу и приглашали ихъ на службу къ шаху.

И вотъ пошли слухи, что тутъ что-то неладно, потому что ни одного изъ цырульниковъ, переступившихъ дворцовую ограду, больше ужъ не видали...

Охотниковъ идти на шахскую службу находилось все меньше и меньше,—и наконецъ дѣло дошло до того, что цеху брадобреевъ въ городѣ приказано было присылать во дворецъ каждые два дня по человѣку, потому что добровольно никто уже не шель.

Шли цырульники во дворецъ, шли,—а назадъ не возвращались; и наконецъ во всемъ городѣ остался только одинъ послѣдній цырульникъ,—прекрасный юноша, единственный сынъ у вдовы...

Аллахъ акбары!

Не хотѣла вдова отпускать сына,—да ничего не подѣлаешь: однажды вечеромъ изъ дворца явилась стража и немедленно потребовала цырульника.

И рѣшила вдова спасти сына. Надѣла она на него женское платье и настрого приказала не выходить изъ дому; а сама одѣлась въ платье сына, подчернила углемъ надъ верхней губой и вышла на улицу къ стражѣ.

„Ну, идемъ къ шаху“, грубоватымъ голосомъ сказала женщина; и скоро они входили во дворецъ.

„Брадобрея“ ввели во внутренній покой, освѣщенный нѣсколькими висячими лампадами. Шахъ сидѣлъ на шелковыхъ подушкахъ въ высокой чалмѣ. Наргиле съ ароматнымъ тумбеки дымилась у его ногъ...

Шахъ сдѣлалъ знакъ рукой, и всѣ слуги тотчасъ удалились, оставивъ шаха наединѣ со вдовой.

„Ну, цырульникъ“, сказалъ шахъ, „гдѣ же твои инструменты?“

Вдова бросилась на колѣни: „Великій шахъ“, взмолилась она, стучая лбомъ о драгоцѣнный коверъ, покрывавшій мозаичный полъ, — „казни меня. Я тебя обманула! Я вовсе не цырульникъ, а женщина“...

Шахъ былъ пораженъ и сталъ подробно разспрашивать, что ее заставило обманнымъ образомъ пробраться во дворецъ, — ужъ не заговоръ ли противъ него?

— „Нѣтъ, нѣтъ“, плакала несчастная женщина, „не заговоръ, — а любовь, только любовь толкнула меня на такой поступокъ!“

— „Къ кому любовь, ко мнѣ?“

— „Нѣтъ, великій шахъ, не къ тебѣ, а къ Абдаллѣ, моему сыну.“

— „А кто же твой сынъ?“

— „Цырульникъ, послѣдній цырульникъ въ твоей столицѣ, государь!“

Шахъ началъ понимать, въ чемъ дѣло. „Такъ ты что же, женщина, хочешь замѣнить сына? Я согласенъ!“

— „Нѣтъ, великій государь, я не могу его замѣнить, потому что я брить не умѣю; я пришла умолить тебя—не дѣлай ты ему зла, отпусти его. Я знаю, что брадобрей, осмѣлившійся дотронуться до твоей священной особы—больше жить не можетъ; но я даю себя на выкупъ его жизни: казни меня, а его отпусти!“

Женщина рыдала на полу, а шахъ сидѣлъ, задумавшись, и даже его наргиле потухла.

Наконецъ онъ улыбнулся:

— „Не портъ, женщина, моихъ ковровъ слезами“, сказалъ онъ. „Ты—единственное существо, которое пришло предложить мнѣ

жизнь за жизнь. Это мнѣ нравится, потому что это не по-женски. И я полагаю, что ты—единственная женщина, которой можно вѣрить... Поэтому я рѣшилъ: не нужно мнѣ ни твоей жизни, ни жизни твоего сына; но поклянись мнѣ пророкомъ и его бородой,—что ни ты, ни твой сынъ ни одному смертному не расскажете того, что твой сынъ здѣсь увидитъ!”

Обрадованная женщина, захлебываясь отъ восторга, стала клясться, поднимая руки кверху:

— „Клянусь пророкомъ, клянусь его бородой, клянусь луной и звѣздами, что ни я, ни мой сынъ никогда ни одному живому существу не расскажемъ того, что сынъ мой здѣсь увидитъ; пусть море разверзнется и поглотитъ всѣхъ насъ, если мы нарушимъ эту клятву!”

— „Ты, я вижу, баба хитрая“, сказалъ шахъ смѣясь, „и тебѣ легко клясться, ибо ты знаешь, что здѣсь нигдѣ моря нѣтъ!”

Женщина хотѣла продолжать свои клятвы, но шахъ остановилъ ее и отпустилъ счастливую мать домой, приказавъ ей прислать во дворецъ сына.

Черезъ часъ юноша уже былъ во дворцѣ съ принадлежностями своего ремесла, а еще черезъ часъ, богато одаренный шахомъ, возвратился домой—первый изъ всѣхъ цырульниковъ, не потерявшій своей головы послѣ прикосновенія къ священной головѣ повелителя.

Хвала Аллаху!

Мать, ожидавшая сына съ трепетомъ,—встрѣтила его слезами и поцѣлуями; и ничего, казалось, съ этой минуты не нарушало покоя ихъ жизни.

Но это только казалось. На другой же день мать нѣтъ-нѣтъ, да и задумается... Начатая работа валится у нея изъ рукъ, и глубокой вздохъ вырывается изъ груди.

Сынъ, у котораго было много работы вслѣдствіе отсутствія товарищей по ремеслу, замѣтилъ наконецъ, что съ матерью что-то творится, и спросилъ ее, не больна ли она?

— „Нѣтъ, милый сынъ, не безпокойся, я совсѣмъ здорова“, увѣряла она.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ нездоровье матери дѣлалось все замѣтнѣе; она часто плакала и худѣла.

— „Скажи мнѣ, мать, что съ тобой“, опять спросилъ ее сынъ, „мнѣ тяжело видѣть тебя больной—я все сдѣлаю, чтобы вылѣчить тебя!“

Мать долго отнѣкивалась, плакала, и наконецъ сказала:

— „Ахъ, сынъ мой. Я... я жить не могу, если не узнаю, что ты увидѣлъ у шаха.“

— „Мать, мать! Вѣдь ты же клялась, что мы никому этого не скажемъ!“

— „Ахъ, сынъ мой, да вѣдь я клялась, что мы никому постороннему не скажемъ; а вѣдь мы съ тобой свои. Ты-ли знаешь, я-ли знаю—это вѣдь рѣшительно все равно!“

— „Нѣтъ, мать, я не могу сказать. Этимъ я нарушу твою клятву!“

Мать залилась слезами: „Такъ-то ты меня любишь! Я за тебя жертвовала своей жизнью... А ты видишь, что я больна и скоро умру, и не хочешь помочь мнѣ,—хотя я выздоровѣла бы отъ одного твоего слова! Да, ты хочешь моей смерти—хорошо, я умру, и ты будешь виновенъ въ этомъ“!..

Этого Абдалла не ожидалъ—сердце его перевернулось отъ упрековъ матери, потому что онъ ее нѣжно любилъ. Ему показалось, что, пожалуй, его мать и права... Вѣдь все равно они никому ничего не скажутъ, и тайна не выйдетъ за предѣлы ихъ дома...

Онъ обнялъ плачущую мать и сталъ ее успокаивать:

— „Не плачь, мать! Я тебѣ все скажу—но не забудь о клятвѣ.“

Мать снова стала клясться, что ни одна живая душа не узнаетъ о томъ, что она услышитъ отъ сына...

— „Ну, мать“, сказалъ Абдалла шопотомъ на ухо матери: „слушай. Когда я приготовилъ бритву, чтобы обрить голову шаха,—онъ сбросилъ чалму, и я увидѣлъ у него на лбу... рога.“

— „Что-о, рога?!“ изумилась женщина.

— „Да, рога, настоящіе рога; два крѣпкихъ рога торчали кверху, величиною какъ у двугодовалого быка. Вотъ почему шахъ но-

ситъ всегда высокую чалму, и почему казнили всѣхъ брадобреевъ, брившихъ голову шаха: иначе они могли бы проболтаться.“

У матери сразу отошло отъ сердца: теперь она все узнала. И на другой же день женщина была неузнаваема: болѣзнь какъ рукой сняло; она ѣла, пила, пѣла и работа такъ и кипѣла у нея въ рукахъ.

Но прошло дня два, и бѣдная женщина стала тяготиться до-вѣренной ей тайной, которая сначала пухомъ легла ей на сердце, — а потомъ постепенно превращалась въ дерево, камень и желѣзо. Снова женщина стала задумываться и грустить.

Но сынъ зорко слѣдилъ на этотъ разъ за матерью и предупредалъ:

— „Помни, мать, о клятвѣ!“

— „О, мой сынъ,“ успокаивала она Абдаллу, — „я никогда не нарушу ея!“

А тяжесть на сердцѣ все увеличивалась и стала, наконецъ, нестерпимой...

Бѣдная женщина томилась и таяла, и роковая тайна жгла ей языкъ.

Однажды она пошла за водой въ свой колодезь. Зачерпнув-ши сосудомъ воду въ глубокомъ колодцѣ, она нагнулась надъ нимъ, и далеко внизу увидѣла въ водѣ свое изображеніе...

Увидѣвъ свое второе „я“, она не могла побороть искушенія. Еще больше нагнувшись надъ колодцемъ, она сказала шопотомъ:

— „У шаха на лбу рога!“

Шопотъ ея такъ громко раздался въ колодцѣ, что она вздрогнула. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сразу почувствовала такое облегченіе и наслажденіе, что не удержалась и стала уже громче говорить:

— „Да, да! У шаха на лбу рога, настоящіе рога!“

Оторвавшись отъ колодца, она почувствовала себя совершенно здоровой и удовлетворенной...

Но что это?.. Въ колодцѣ слышался какой-то шумъ, который постепенно усиливался... Вода въ немъ бурлила и быстро поднималась, и скоро каскадомъ полилась изъ него.

Прошло немного времени: не только домъ вдовы, но и весь городъ, а затѣмъ и вся долина были затоплены, и все жившее тамъ погибло...

Вотъ почему здѣсь такъ тихо: это — могила клятвопреступниковъ. Будь проклята память шаха, повѣрившаго лучшей женщинѣ и погубившаго этимъ цѣлый народъ.

Хакимъ, люби женщину, — но не вѣрь ей, будь то хотя-бы твоя родная мать...

Великъ Аллахъ!

Сочиненія П. В. Шкуркина.

1. КИТАЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ, съ рисунками. Харбинь, 1921 г.
Ц. 2 р. 50 к. зол.
2. БЪЛЛАЯ ЗМЪЯ, китайская легенда. Хабаровскъ, 1910 г.
Ц. 2 р. зол.
3. Гор. ХУЛАНЬЧЭНЪ, экономич. и историч. очерки Центральной Маньчжуріи. Никольскъ-Усс., 1903. (Распр.).
4. ПО ВОСТОКУ (путешествіе), 2 части. Очерки исторіи, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэйя, Чжи-фу, Шанхая, Хань-чжоу, Су-чжоу, Ань-цинъ-фу. Реорганизация арміи. Харбинь, 1916. (Распр.).
5. ОФИЦІАЛЬН. ОТЧЕТЪ по Гириньской провинціи. (Переводъ съ китайскаго). (Распр.).
6. КИТАЙСКІЯ СКАЗКИ. Харбинь, 1916. (Распр.).
7. КИТАЙСКІЯ РАЗСКАЗЫ и СКАЗКИ. Харбинь, 1917. (Распр.).
8. ЛО-ЛО, инородцы юго-западнаго Китая. 2 выпуска. Харбинь, 1916 г. (Распр.).
9. ЯПОНО-КИТАЙСК. КОНФЛИКТЪ. Харбинь, 1915. (Распр.).
10. ИСТОРИЧ. ТАБЛИЦЫ КИТАЯ, въ краскахъ. Харбинь, 1917. Ц. 50 к. зол.
11. СПРАВОЧНИКЪ ПО ИСТОРИИ КИТАЯ. Харбинь, 1918. Ц. 4 р. зол.
12. МОНГОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ. Харбинь, 1920. (Распр.).
13. НАСТОЛЬН. КНИГА о КИТАЕ. А. Ф. Ландезень и П. Шкуркинъ. Вып. I. Справочный отдѣлъ. Харбинь, 1909. (Распр.).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

СПРАВОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ: Японіи; Удѣловъ Китая; Важнѣйшихъ владѣній, вошедшихъ въ составъ Китая; Кореи; Бохайя; Аннама.
ХУНХУЗЫ. Этнографическіе рассказы.
КИТАЙСКІЕ ИГРОКИ. Рассказы.

Складъ изданій:

Харбинь, Новый Городъ, магазинъ Чуринъ и К^о, и у автора:
Харбинь, Сунгарійскій пр., д. № 5/260, кв. 2.

*Печатаются
особенно при изданіи китайскихъ
языка.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе	1
I. Эпизоды изъ исторіи „Трехъ царствъ“:	
Чжу-гэ Лянь (съ рисунокъ)	3
Императоръ противъ воли	7
Чжу-гэ Лянь дѣлаеть 100.000 стрѣлъ (съ рисунокъ)	11
Спасеніе города (съ рисунокъ)	16
Какъ Чжу-гэ Лянь взялъ четыре города	19
Какъ Чжу-гэ Лянь побѣдилъ Цао-цао (съ 3 рисунокъ)	37
Смерть Чжу-гэ Ляна (съ рисунокъ)	69
II. Знаменитые врачи:	
Хуа-то	77
Змѣя	78
Больная нога	80
Вѣтеръ въ головѣ	81
Берегись рыбы	82
Смерть Гуань-ди (съ рисунокъ)	85
Смерть Хуа-то	87
Сунь Сы-мяо. Пульсъ (съ рисунокъ)	90
III. Яо-Фэй (съ рисунокъ)	95
IV. Южно китайскія легенды:	
Ти-тай-тай и Ко-ко-о	105
V. Маньчжурскія легенды:	
Справедливый	113
Бай-хуа да-цзянь	121
Гора Лунъ-танъ шань (съ рисунокъ)	126
Лунъ-танъ	132
Защитникъ	134
Храмъ вѣрности	139
VI. Корейская легенда:	
Священные доски	152
VII. Туркестанская легенда:	
Озеро	154

INDEX

1	Introduction
2	Chapter I. The History of the Church
3	Chapter II. The Doctrine of the Church
4	Chapter III. The Sacraments of the Church
5	Chapter IV. The Ministry of the Church
6	Chapter V. The Church and the World
7	Chapter VI. The Church and the Future
8	Chapter VII. The Church and the State
9	Chapter VIII. The Church and the People
10	Chapter IX. The Church and the Nations
11	Chapter X. The Church and the Universe
12	Chapter XI. The Church and the Kingdom of God
13	Chapter XII. The Church and the Eternal Life
14	Chapter XIII. The Church and the Holy Spirit
15	Chapter XIV. The Church and the Word of God
16	Chapter XV. The Church and the Prayer
17	Chapter XVI. The Church and the Music
18	Chapter XVII. The Church and the Art
19	Chapter XVIII. The Church and the Science
20	Chapter XIX. The Church and the Philosophy
21	Chapter XX. The Church and the Literature
22	Chapter XXI. The Church and the History
23	Chapter XXII. The Church and the Geography
24	Chapter XXIII. The Church and the Politics
25	Chapter XXIV. The Church and the Economics
26	Chapter XXV. The Church and the Law
27	Chapter XXVI. The Church and the Education
28	Chapter XXVII. The Church and the Health
29	Chapter XXVIII. The Church and the Environment
30	Chapter XXIX. The Church and the Technology
31	Chapter XXX. The Church and the Culture
32	Chapter XXXI. The Church and the Society
33	Chapter XXXII. The Church and the Family
34	Chapter XXXIII. The Church and the Youth
35	Chapter XXXIV. The Church and the Elderly
36	Chapter XXXV. The Church and the Children
37	Chapter XXXVI. The Church and the Women
38	Chapter XXXVII. The Church and the Men
39	Chapter XXXVIII. The Church and the Youth
40	Chapter XXXIX. The Church and the Elderly
41	Chapter XL. The Church and the Children
42	Chapter XLI. The Church and the Women
43	Chapter XLII. The Church and the Men
44	Chapter XLIII. The Church and the Youth
45	Chapter XLIV. The Church and the Elderly
46	Chapter XLV. The Church and the Children
47	Chapter XLVI. The Church and the Women
48	Chapter XLVII. The Church and the Men
49	Chapter XLVIII. The Church and the Youth
50	Chapter XLIX. The Church and the Elderly
51	Chapter L. The Church and the Children
52	Chapter LI. The Church and the Women
53	Chapter LII. The Church and the Men
54	Chapter LIII. The Church and the Youth
55	Chapter LIV. The Church and the Elderly
56	Chapter LV. The Church and the Children
57	Chapter LVI. The Church and the Women
58	Chapter LVII. The Church and the Men
59	Chapter LVIII. The Church and the Youth
60	Chapter LIX. The Church and the Elderly
61	Chapter LX. The Church and the Children
62	Chapter LXI. The Church and the Women
63	Chapter LXII. The Church and the Men
64	Chapter LXIII. The Church and the Youth
65	Chapter LXIV. The Church and the Elderly
66	Chapter LXV. The Church and the Children
67	Chapter LXVI. The Church and the Women
68	Chapter LXVII. The Church and the Men
69	Chapter LXVIII. The Church and the Youth
70	Chapter LXIX. The Church and the Elderly
71	Chapter LXX. The Church and the Children
72	Chapter LXXI. The Church and the Women
73	Chapter LXXII. The Church and the Men
74	Chapter LXXIII. The Church and the Youth
75	Chapter LXXIV. The Church and the Elderly
76	Chapter LXXV. The Church and the Children
77	Chapter LXXVI. The Church and the Women
78	Chapter LXXVII. The Church and the Men
79	Chapter LXXVIII. The Church and the Youth
80	Chapter LXXIX. The Church and the Elderly
81	Chapter LXXX. The Church and the Children
82	Chapter LXXXI. The Church and the Women
83	Chapter LXXXII. The Church and the Men
84	Chapter LXXXIII. The Church and the Youth
85	Chapter LXXXIV. The Church and the Elderly
86	Chapter LXXXV. The Church and the Children
87	Chapter LXXXVI. The Church and the Women
88	Chapter LXXXVII. The Church and the Men
89	Chapter LXXXVIII. The Church and the Youth
90	Chapter LXXXIX. The Church and the Elderly
91	Chapter LXXXX. The Church and the Children
92	Chapter LXXXXI. The Church and the Women
93	Chapter LXXXXII. The Church and the Men
94	Chapter LXXXXIII. The Church and the Youth
95	Chapter LXXXXIV. The Church and the Elderly
96	Chapter LXXXXV. The Church and the Children
97	Chapter LXXXXVI. The Church and the Women
98	Chapter LXXXXVII. The Church and the Men
99	Chapter LXXXXVIII. The Church and the Youth
100	Chapter LXXXXIX. The Church and the Elderly
101	Chapter LXXXXX. The Church and the Children

